

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Чаплин Евгений Владимирович

**КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АКТА ГОВОРЕНИЯ В
ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание
учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель

Доктор филологических наук, профессор
Сулейманова Ольга Аркадьевна

Москва
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	22
1.1. Роль глаголов говорения в описании речевой деятельности в естественном языке	22
1.1.1. Различные подходы к классификации глаголов говорения	23
1.1.2. Интерпретация глаголов говорения в рамках теории речевых актов	29
1.1.3. Различные подходы к изучению семантики глаголов говорения	34
1.1.4. Приставочные глаголы говорения	43
1.2. Анализ основных направлений развития теории концептуальной метонимии и метафоры и ее современная интерпретация	45
1.2.1. Интерпретация концептуальной метонимии и метафоры в зарубежной традиции	46
1.2.2. Интерпретация концептуальной метонимии и метафоры в отечественном языкознании	53
1.2.3. Метонимия в сфере предиката	61
1.2.4. Метафора в сфере предиката	68
Выводы по Главе 1	76
Глава 2. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТАЯЗЫК СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	79
2.1. Особенности гипотетико-дедуктивного метода (ГДМ) и семантического эксперимента	79
2.1.1. Использование информантов в семантическом эксперименте	82
2.1.2. Применение триангуляционного подхода и поисковых систем для верификации данных семантического эксперимента	88
2.2. Пошаговая процедура применения триангуляционного подхода для описания семантики глаголов говорения	91
2.2.1. Описание семантики глаголов <i>бубнить</i> и <i>бормотать</i>	97
2.2.2. Описание семантики глаголов <i>лепетать</i> и <i>лопотать</i>	102
2.2.3. Верификация и подтверждение данных проведенного эксперимента	108
2.3. Метаязык семантико-когнитивных исследований	110
2.3.1. Семантический признак <i>контролируемость действия</i>	111
2.3.2. Роль <i>пресуппозиции</i> / <i>ассерции</i> в интерпретации акта говорения	117
2.3.3. Представление <i>фрейма «говорение»</i> и признака <i>«порция» действия</i> в семантике глаголов говорения	124
Выводы по Главе 2	135

ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЯ ПРЕДИКАТОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ АКТ ГОВОРЕНИЯ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ.....	139
3.1. Особенности семантики и употребления прототипических (базовых) глаголов говорения <i>говорить</i> и <i>сказать</i>	139
3.1.1. Вид как грамматическая категория, разграничивающая семантику прототипических глаголов говорения	141
3.1.2. Видовое противопоставление прототипических глаголов говорения ...	144
3.1.3. Исследование сочетаемости прототипических глаголов говорения с другими частями речи	146
3.1.4. Некоторые частные видовые значения и различия в семантике прототипических глаголов говорения	151
3.2. Особенности семантики и употребления метонимичных глаголов говорения	156
3.2.1. Описание семантики глаголов <i>бурчать</i> / <i>буркать</i> / <i>буркнуть</i> в сравнении с глаголами <i>бормотать</i> / <i>бубнить</i>	156
3.2.2. Описание семантики глаголов <i>гнусавить</i> / <i>гундосить</i>	159
3.2.3. Описание семантики глагола <i>мямлить</i>	163
3.2.4. Описание семантики глаголов <i>картавить</i> / <i>грассировать</i>	165
3.2.5. Описание семантики глаголов <i>шамкать</i> / <i>шепелявить</i>	168
3.2.6. Описание семантики глагола <i>гаркать</i>	170
3.2.7. Описание семантики глагола <i>заикаться</i> / <i>заикнуться</i>	172
3.2.8. Типология основных семантических признаков, лежащих в основе метонимического осмысления акта говорения.....	174
3.3. Особенности семантики и употребления эмоционально-волевых глаголов говорения	176
3.3.1. Описание семантики глаголов <i>ухать</i> , <i>ахать</i> , <i>охать</i> , <i>ойкать</i>	177
3.3.2. Признак <i>контролируемость действия</i> в семантике эмоционально- волевых глаголов говорения <i>ухать</i> , <i>ахать</i> , <i>охать</i> , <i>ойкать</i>	186
3.4. Особенности семантики и употребления метафоричных глаголов говорения	190
3.4.1. Описание семантики глаголов <i>реветь</i> / <i>рявкать</i> (<i>рявкнуть</i>).....	192
3.4.2. Описание семантики глагола <i>шипеть</i>	196
3.4.3. Описание семантики глаголов <i>ворковать</i> / <i>щебетать</i>	199
3.4.4. Описание семантики глагола <i>взорваться</i>	204
3.4.5. Описание семантики глагола <i>цедить</i>	206
3.4.6. Типология основных семантических признаков, лежащих в основе метафорического осмысления акта говорения	207

Выводы по Главе 3	209
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	212
БИБЛИОГРАФИЯ.....	217
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ИХ СОКРАЩЕНИЙ.....	240
СПИСОК ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ.....	246

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в рамках когнитивной лингвистики и посвящено изучению системы глаголов говорения, метонимически и метафорически репрезентирующих речевую деятельность в естественном языке. Говорение как один из базовых процессов человеческой деятельности представляет собой продуктивный вид речевой деятельности в сфере межличностного общения и коммуникативно-общественной деятельности людей, при помощи которого осуществляется устное вербальное общение между субъектами речи для достижения определенной цели (общение, передача / обмен информацией, речевое воздействие). Как сложное когнитивное явление речевая деятельность включает в себя определенный набор элементов и составляющих: говорящего, слушающего, процесс речи (высказывания) и его характеристики, ситуацию общения и др.

В последние годы лингвисты проявляют повышенный интерес к изучению разнообразных аспектов семантики и когнитивной лингвистики в целом, что выражается в поиске новых методов описания тех средств, которыми концептуализируется окружающая человека действительность. Исследование предикатов, репрезентирующих речевую деятельность, позволяет получить не только описание их семантики, но и способов вербализации и представления ими акта говорения в естественном языке.

Акт говорения в естественном языке репрезентируется вербально с помощью лексико-семантической группы **глаголов говорения / речи / речевой деятельности**, которые, отражая «наивно-лингвистические» представления о языке и позволяя раскрыть анализируемый фрагмент общей языковой картины мира через анализ их семантики, все чаще становятся объектом лингвокогнитивных исследований [Крылова 1996; Шишкина 2004; Цыганова 2008; Зализняк 2013; Ермолаева 2017 и др.], в чем, в свою очередь, проявляются антропоцентрические тенденции современной когнитивной лингвистики (см.: [Алпатов 1993; Кубрякова 1995; Воркачев 2001 и др.]).

Кроме того, многими исследователями отмечается многофункциональность глагола и его способность в высказывании передавать знания о конкретном событии и встраивать в себя его структуру, типы и характер участников, возможные способы репрезентации. Например, Л.М. Михайлова указывает на

ведущую роль глагола как языковой единицы в осуществлении предикативной функции предложения [Михайлова 2007: 78]. С этим согласен и Н.Н. Болдырев, который определяет глагол как базовую единицу языка, содержащую в себе ситуативные знания о мире [Болдырев 2000]. Более того, на это указывает и Е.С. Кубрякова, отмечая способность глагола имплицировать каркас будущего высказывания и предопределять количество актантов ситуации и их роли в предложении [Кубрякова 2004].

Именно поэтому мы обратились к изучению метонимичных и метафоричных глаголов говорения, репрезентирующих акт говорения в естественном языке и представляющих отдельное поле в системе всех глаголов речи. Их когнитивная функция обуславливает многообразие концептуальных структур, используемых для передачи различных типов информации, связанной с актом говорения (акустической, физиологической, лингвистической). Возникает вопрос, как речевая деятельность репрезентируется в значениях языковых выражений, какие элементы входят в структуру фрейма «говорение», какие сопутствующие речи обстоятельственные характеристики, связанные с акустическими, физиологическими и лингвистическими характеристиками речи (артикуляционные особенности речи, дефекты артикуляции, наличие контролируемости / неконтролируемости действия и т.д.), вносятся в высказывание.

По разным источникам в русском языке насчитывается более 500 глаголов говорения. Причем лингвисты, занимающиеся изучением данной лексико-семантической группы, расходятся в оценках об их количестве. Так, Е.А. Ушакова выделяет 376 глаголов [Ушакова 2008]; Н.М. Шишкина – 494 единицы [Шишкина 2004]; Т.В. Матвеева – около 300 глаголов [Матвеева 1989]; Л.Г. Бабенко выделяет более 500 глаголов говорения [Бабенко 1999]. Такой разброс в количественном отношении связан с тем, что ученые по-разному подходят к определению глаголов говорения. С одной стороны, под глаголами говорения можно понимать все предикаты, выражающие речемыслительную деятельность в ее различных проявлениях, ср.: *говорить, сказать, бормотать, докладывать* и др. Согласно иной точке зрения следует разделять *собственно глаголы говорения* и «*потенциальные*» глаголы говорения. К первым относятся прототипические глаголы говорения и их синонимы, обозначающие процесс речи, даже будучи

взятыми вне соответствующего контекста (акта говорения), ср.: *проговорить, сказать, пробормотать, мямлить, ворчать, огласить, бранить* и др. К потенциальным глаголам говорения относятся глаголы, способные в определенном контексте выполнять функцию слов, вводящих прямую речь, например, глаголы действия *отмахнуться, засмеяться* и др.; глаголы обработки *колоть, пилить, сверлить, чеканить, резать* и др.; глаголы разрушения *взорваться, рубить* и др.

Для настоящего исследования в большей степени значимы собственно глаголы говорения, поскольку в эту группу входят метонимичные глаголы говорения, ср.: *мямлить, бубнить, лепетать, заикаться, картавить, запинаться* и др., репрезентирующие различные речевые дефекты и / или манеру речи. Однако не остаются без внимания и потенциальные глаголы речи, способные репрезентировать акт говорения в определенных условиях (чаще всего при различных метафорических трансформациях), ср. *бросил* (произнести что-то быстро, небрежно), *взорвался* (говорить импульсивно, резко, категорично, возмущаясь и активно жестикулируя, выражая свое негодование в резкой и безапелляционной форме) и др.

Отметим также, что анализируемые в исследовании глаголы, метонимически и метафорически характеризующие различные аспекты речевой деятельности, вносят информацию не просто о процессе речи, а содержат информацию об акустических и фонетических особенностях речи (*громкости, отчетливости, внятности, корректности произношения отдельных звуков, слов и целых предложений*). Метонимичные и метафоричные глаголы также могут характеризовать содержание речи, указывать на настроение говорящего, отношение к содержанию речи или собеседнику, давать оценку всей коммуникации, отражать контролируемость / неконтролируемость или осознанность / бессознательность речи, сильную / слабую коммуникативную позицию говорящего и др., то есть описывать речевой портрет говорящего. В связи с этим подчеркнем, что глагольная метонимия и метафора, следуя закону речевой экономии, демонстрирует также тенденцию к экономии речевых усилий, ср.: *мямлить* и 'говорить вяло и невнятно'; *бросить* – 'произнести / сказать что-то быстро, небрежно'.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, значимостью речевой деятельности и когнитивных процессов в целом для реализации эффективной коммуникации и в связи с этим необходимостью анализа ее проявления, в частности, через предикаты, концептуализирующие процесс говорения; во-вторых, возрастающим интересом когнитивной лингвистики к изучению метонимических и метафорических переносов в сфере предиката (см.: [Агеева 1990; Новиков 1996; 2003; Козлова 2001; 2008; Трухановская 2007; Каменькова 2007 и др.]); в-третьих, потребностью в уточнении, дополнении и системном представлении классов предикатных слов, обозначающих акт говорения в естественном языке, а также необходимостью более детального описания основных типов глагольной метонимии – обстоятельственной и причинно-следственной (на примере глаголов, репрезентирующих акт говорения).

Антропоцентричность современной научной парадигмы, возникшей на рубеже XX–XXI вв. и представляющей собой новый виток осмысления проблем языка и мышления, языка и действительности, в рамках которой развивается когнитивная лингвистика и ее раздел – когнитивная семантика, также обуславливает **актуальность** обращения к анализу значений тех или иных языковых единиц, поскольку их изучение с когнитивной позиции позволяет получить ответ на вопрос, как познавательная деятельность человека репрезентируется в значениях языковых выражений.

Глаголы говорения / речи / речевой деятельности (данные термины рассматриваются в настоящем исследовании недифференцированно) в разные годы изучались лингвистами с различных сторон: так, данные глаголы рассматривались с системно-семантической [Васильев 1971; Матвеева 1988; Бабенко 1999; Тупицина 2017; 2019; Ермолаева 2017]; функционально-стилистической [Васильев 1981; Крылова 1996; Цыганова 2008]; синтаксической [Ничман 1980; Дворник 2003]; прагматической и функциональной сторон [Имамудинова 1999; 2010; Яковлева 2007]. Кроме того, изучалась специфика многозначности глаголов говорения на материале одного и более языков [Крылова 1996; Шишкина 2004], они рассматривались в рамках теории речевых актов, где анализировалось их функционально-прагматическое применение [Wunderlich 1976; Почепцов 1981; Богданов 1989; Арутюнова, Падучева 1985; Вежбицкая 1985; Ван Дейк 2000;

Апресян 1995; Дементьев 1997; Гловинская 1992; 1993; 2001; Зализняк 2000; 2013], а также в рамках ряда других, более частных подходов.

Вместе с тем, проблема семантической и когнитивной интерпретации акта говорения, репрезентируемого метонимичными и метафоричными глаголами говорения, до сих пор не получила адекватного и однозначного решения и по-прежнему остается актуальной.

Более того, ознакомление со словарными дефинициями некоторых пар глаголов, например, *бубнить / бормотать, лопотать / лепетать, картавить / грассировать, гундосить / гнусавить* и др. не дает адекватного представления о различиях в семантике этих языковых единиц, что, в свою очередь, во многих случаях не позволяет верно интерпретировать акт говорения, поскольку существующие лексикографические описания данных глаголов недостаточно полны и точны. Например, во многих современных толковых словарях присутствуют «логические круги» или совпадающие фрагменты в определениях, ср. глаголы *бубнить* – ‘глухо, невнятно, монотонно говорить; бормотать, ворчать’ и *бормотать* – ‘говорить тихо и невнятно’ [НСРЯ] или *лепетать* – ‘говорить неправильно, несвязно, неясно произнося слова (о детях)’ и *лопотать* – ‘говорить несвязно, неясно произнося слова; лепетать’ (о детях) [БТС]. Все это также обуславливает **актуальность** проведения специального исследования, направленного на уточнение существующих словарных дефиниций и описание системы глаголов говорения с целью разграничить семантику данных предикатов, а также понять механизмы и способы концептуализации действительности, лежащие в основе когнитивной интерпретации акта говорения в естественном языке.

Еще одним аргументом в пользу **актуальности** данной работы является тот факт, что существующие лингвистические методы не предлагают четкого алгоритма исследования, который бы позволил проводить анализ семантики лексических единиц с помощью хорошо разработанных методик. В настоящий момент в лингвистических исследованиях используется ряд традиционных методов, таких как валентный, дистрибутивный, компонентный анализы, гипотетико-дедуктивный метод и др. (см. работы [Шустова, Смирнова 2015; Мурашова 2016; Рудакова, Стернин 2016; Стадульская 2012; Сулейманова 2004; Фомина 2009; Сулейманова, Фомина 2017; Чалей 2013; Гордиенко 2017 и др.]).

Кроме того, как справедливо замечает А.Ю. Гордиенко, ряд аспектов этих методов, в частности, методика работы с информантами, методика проверки сочетаемости слов и др., нуждаются в дальнейшей детализации и усовершенствовании верификационного потенциала в направлении повышения валидности результатов и интеграции исследовательских процедур [Гордиенко 2017].

И хотя в последние годы лингвистами [Рахилина 2017] отмечается увеличение количества работ, в которых статистические данные (исследование языковых корпусов) совмещаются с лингвистической аналитикой, опросом информантов, однако, на наш взгляд, в научную парадигму требуется внедрить более глобальные инструменты, к которым относятся такие современные поисковые системы, как Google и Yandex, выступающие как поисковый и исследовательский инструменты [Suleimanova, Petrova 2020].

Такое объединение традиционных и современных исследовательских методов применяется в триангуляционном подходе, при котором экспериментальные данные, полученные от одной исследовательской процедуры, подтверждаются с помощью принципиально иного метода. При этом эффективность триангуляционного подхода обеспечивается еще и тем, что данный метод позволяет преодолеть ограничения, связанные с одномерностью некоторых традиционных подходов к изучению сложных объектов и получением наиболее полных знаний о них [Angouri 2010; Чернышева 2015; Бушуева 2019]. Таким образом, попытка систематизации и описания такой исследовательской методики и будет представлена в настоящем исследовании на основе анализа семантики метонимичных и метафоричных глаголов говорения.

Объектом исследования являются когнитивные механизмы и способы концептуализации действительности, лежащие в основе концептуализации и вербализации акта говорения в естественном языке.

Предметом исследования выступает семантика метонимичных и метафоричных глаголов говорения типа *бормотать, лепетать, заикаться, картавить, взрываться, шипеть, реветь* и других глаголов в системе естественного языка, способных репрезентировать акт говорения и наряду с информацией о реализации процесса / акта говорения вносить также информацию о сопутствующей ему обстоятельственной характеристике, связанной с

акустическими, физиологическими и лингвистическими особенностями речи (артикуляционные характеристики, речевые дефекты, манера речи, наличие *контролируемости / неконтролируемости действия, сильная / слабая коммуникативная позиция, наличие / отсутствие эмоциональной составляющей, «сдерживание» отрицательных эмоций* и др.).

Теоретическую и методологическую базу диссертационного исследования составляют теоретические положения, представленные в работах отечественных и зарубежных ученых, анализирующих различные аспекты когнитивной лингвистики и когнитивной семантики, и связанные с:

– представлениями о многофункциональности глагола, позволяющей считать его той базовой единицей языка, которая репрезентирует ситуативные знания о мире, и о его принципиально метонимичной природе [Кубрякова 1992; Болдырев 2000; Сулейманова 2010];

– представлениями о значимости лексико-семантической группы глаголов говорения для передачи различных типов информации в естественном языке и необходимости ее изучения в рамках теории речевых актов и иных направлений исследований [Васильев 1971; 1981; Почепцов 1981; Апресян 1995; Имамутдинова 1999; 2010; Гловинская 2001; Соколовская 2002; Дворник 2003; Падучева 2004; Шишкина 2004; Михайлова 2007; Яковлева 2007; Ушакова 2008; Зализняк 2000; 2013; Тупицына 2017; 2019 и др.];

– интерпретацией метафоры и метонимии как двух разных видов концептуальных переносов (в рамках положений теории когнитивной метонимии и метафоры), при которых метафора рассматривается как концептуализация объекта одного домена в терминах другого домена, а метонимия – как перенос наименования внутри одного домена / доменной матрицы или как идеализированная когнитивная модель, как сдвиг фокуса внимания [Лакофф, Джонсон 2004; Lakoff, Turner 1989; Taylor 2002; Barcelona 1997; 2002; 2003; Panther, Radden 1999; Ruiz de Mendoza 2007; Croft 2006; Рунова 2007; Падучева 2003; Трухановская 2009 и др.];

– описанием возможной интеграции метафоры и метонимии в единую концептуальную структуру – «блендинг» [Fauconnier, Turner 1998; 1999; Turner,

Fauconnier 1995; Goossens 1995; 2003; Barcelona 1997; 2003] или представлением их как метафтонимии [Хахалова 2003; 2008; Шарманова 2011; 2016];

– выделением двух базовых типов глагольной метонимии – причинно-следственной и обстоятельственной [Агеева 1990; Ваулина 1994; Резяпова 1994; Чарыкова 2000; Козлова 2001; Анашкина 2003; 2009; Сулейманова 2004; 2017; Филатова 2004; Баранчеева 2007; Каменькова 2007; Ушакова 2008; Трухановская 2009; Грамматические аспекты перевода 2010; Тодосиенко 2015; Еремин, Петрова 2018; Еремин 2019; Петрова 2019; Чаплин 2019; 2020 и др.];

– выбором экспериментальной методики исследования в рамках общего гипотетико-дедуктивного метода и определением специфики семантического эксперимента по отношению к другим видам экспериментов: психолингвистического, полевого, социолингвистического [Степанов 1974; Селиверстова 1980; 2004; Маляр 2002; Белайчук 2004; Трухановская 2009; Фомина 2009; Лось 2009; Чалей 2013; Лукошус 2015; Гордиенко 2017 и др.];

– введением сетевых технологий в семантический эксперимент с привлечением информантов и оценкой потенциала поисковых систем применительно к экспериментальным исследованиям [Евтеева 2014; Гордиенко 2017; Сулейманова, Фомина 2010; 2017; 2018; Рахилина 2017; Сулейманова, Нерсесян 2018; Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе 2018; Сулейманова 2019; Suleimanova, Petrova 2020 и др.].

Цель настоящего исследования заключается в системном семантическом и прагматическом анализе системы метонимичных и метафоричных глаголов говорения, а также в поиске и выявлении когнитивных оснований для репрезентации ими акта говорения в естественном языке.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **исследовательских задач:**

1) проанализировать работы зарубежных и отечественных лингвистов, посвященных изучению метонимических и метафорических механизмов концептуализации действительности, рассмотреть подходы к анализу глаголов говорения в современной лингвистике и выявить проблемы, не нашедшие однозначного решения в работах исследователей;

2) системно описать глагольную метонимию и метафору на примере глаголов говорения и изучить коммуникативно-прагматический потенциал прототипических глаголов *говорить* и *сказать*;

3) усовершенствовать существующую методику исследования на основе гипотетико-дедуктивного метода с опорой на семантический эксперимент и поисковые системы применительно к описанию семантических и прагматических особенностей анализируемых предикатов;

4) разработать метаязык исследования, позволяющий получать адекватные описания семантики исследуемых единиц, ввести и проанализировать метапонятия, значимые для когнитивной интерпретации акта говорения;

5) сформулировать уточненные дефиниции анализируемых глаголов говорения на основе полученных в результате проведенного исследования данных, описать особенности их употребления, а также создать обобщенную типологию метонимических и метафорических переносов в сфере глаголов говорения на базе выделенных дифференциальных семантических признаков.

Методы исследования определены спецификой предмета исследования, целями и поставленными задачами. Так, на первых этапах исследования широко применялись *дистрибутивный анализ, валентный анализ, контекстуальный анализ*, посредством которых изучалась дистрибуция анализируемых лексических единиц, их валентные связи, контексты употребления. Данные методы позволяют на основе анализа собранного языкового материала выдвинуть первичные гипотезы о различиях в семантике тех или иных языковых единиц.

В качестве основного метода в диссертационном исследовании применяется **триангуляционный подход**, заключающийся в объединении **гипотетико-дедуктивного метода на основе семантического эксперимента и опроса информантов** и последующего обращения к **большим базам данных** – поисковым системам Google и Yandex, которые выступают как поисковый и исследовательский инструмент, т.е. как источник примеров и как некий «коллективный» информант. Подобная методика обеспечивает высокий верификационный потенциал исследования, поскольку позволяет подкреплять результаты лингвистических семантических экспериментов с участием информантов корпусными данными. Так, совпадение результатов двух

независимых исследовательских экспертиз позволяет говорить о достоверности полученных результатов и адекватности выдвинутых исследователем гипотез.

Как отмечают исследователи, поисковые системы и языковые корпуса напрямую не дают отрицательных или положительных ответов, однако большие базы данных позволяют оценить количество вхождений того или иного языкового выражения, что в свою очередь позволяет сделать вывод о частотности или, напротив, невозможности употребления данного словосочетания или данной языковой единицы. Таким образом, в работе при изучении лексических особенностей глаголов говорения в составе высказывания формировались соответствующие запросы в поисковые системы Google и Yandex и фиксировалась возможность / невозможность сочетания единиц, а также число вхождений исследуемых словосочетаний, тем самым поисковая система использовалась как своего рода информант – участник лингвистического эксперимента. Если в ходе запроса подобных примеров оказывалось мало или их не было вовсе, это хорошо согласовывалось с мнениями информантов, которые в таких случаях также маркировали высказывания как сомнительные и невозможные.

В качестве **материала исследования** выбрана лексико-семантическая группа глаголов, обозначающих акт говорения в естественном языке, представленная следующими подгруппами единиц:

1) **метонимичные** глаголы говорения, ср.: *мямлить, басить, лепетать, лопотать, шамкать, шепелявить, картавить, заикаться, бубнить, бормотать, бурчать, брякать, грассировать, гундосить, гнусавить, гаркать, ахать, окать, гэкать, ойкать, ухать, охать, улюлюкать, шептать, аукать, брюзжать, ворчать, галдеть, молить, кричать, роптать, тараторить, орать, шушукаться, сюсюкать, сипеть* и др.;

2) **метафоричные** глаголы говорения, ср.: *бросить, шипеть, взрываться, каркать, мяукать, реветь, рывкать, плакать, выдавливать, выпаливать, вырываться, закидывать, извергать, молоть, нападать, нести, обронить, оборвать, одергивать, прошелестеть, протягивать, продребезжать, цедить, чесать, частить, щebetать, рычать, пищать, бляеть, выть, скулить, мычать, ржать, трещать, визжать, мурлыкать, лаять, клетотать, ворковать, брехать,*

мурчать, гудеть, зудеть, гоготать, тянуть, сыпать, стрекотать, чеканить, отрезать, рубить, кудахтать и др.;

3) **прототипические** глаголы говорения, ср.: *говорить, сказать*.

Отметим, что в основе выделения глаголов первой группы лежит метонимический перенос, основанный на описании действия (акта говорения) через репрезентацию сопутствующего действию обстоятельственного признака (речевого дефекта, специфической манеры речи, наличия / отсутствию ожидаемой преграды для произнесения звуков, четкости / нечеткости произнесения звуков, громкости / тихости речи, слабой / сильной коммуникативной позиции и др.), тогда как глаголы второй группы образованы метафорическим переносом на основе общего семантического компонента в прямом и переносном значениях, либо на основе ассоциативных или иных связей между метафорическим и исходным значениями, связанными с актом говорения.

Таким образом, выбор данных глаголов обусловлен, во-первых, тем, что они способны вносить информацию о различных характеристиках акта говорения и репрезентировать речевой портрет говорящего без дополнительных слов-конкретизаторов (т.е. они семантически «богаче»), а во-вторых, тем, что они выстраивают большее количество слотов при репрезентации акта говорения, ср. фрейм «говорение» для глаголов в прямом и метонимичном значении: *произносить* = субъект речи + передает голосом звуки / слова + свой / чужой язык + вслух / про себя; *мямлить* = субъект речи + говорить / артикулировать + медленно + нерешительно + невнятно / нечетко произносить слова + вяло / слабо артикулировать + слабая коммуникативная позиция + мешкать / медлить.

Далее методом случайной выборки контексты с исследуемыми предикатами отбирались из произведений художественной литературы и текстов массмедийного дискурса, представленных в корпусе текстов Национального корпуса русского языка [НКРЯ], а также поисковых системах. Кроме того, в процессе работы с информантами и поисковыми системами при проверке «рабочих» гипотез о характере дифференциальных семантических признаков изучаемых предикатов были модифицированы некоторые имеющиеся высказывания, которые также были включены в общий корпус примеров. В общей сложности эмпирическую базу диссертационного исследования составили более 5300 примеров.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- 1) глагольная метонимия и метафора исследуются как когнитивные структуры, репрезентирующие акт говорения в естественном языке;
- 2) в работе уточняется существующая типология глагольной метонимии и метафоры, на базе которой разрабатывается система метонимических и метафорических переносов в сфере предиката;
- 3) в исследовании к описанию системы глаголов говорения на всех этапах применяется триангуляционный подход, заключающийся в совмещении нескольких исследовательских процедур, а именно: гипотетико-дедуктивного метода, семантического эксперимента с привлечением информантов и данных поисковых систем;
- 4) разработан метаязык исследования: уточнено понимание метатерминов, релевантных для описания глаголов речевой деятельности, таких как *контролируемость действия, порция действия, presupпозиция / ассерция, фрейм*;
- 5) в результате исследования на основании выделенных базовых семантических признаков, а также дифференциальных признаков, разграничивающих значения сопоставляемых предикатов, были предложены новые семантические описания глаголов с общим значением речевой деятельности;
- 6) проведен анализ когнитивных механизмов и способов репрезентации речевой деятельности в естественном языке метонимичными и метафоричными глаголами говорения.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что:

- 1) продолжен поиск путей семантического анализа лексических единиц, представлена оригинальная экспериментальная методика исследования, уточнены особенности применения такой экспериментальной методики;
- 2) разработан метаязык семантико-когнитивного исследования, релевантный не только для описания системы метонимичных и метафоричных глаголов говорения, но и для когнитивной семантики в целом;
- 3) исследована и описана семантика метонимичных глаголов *бубнить, бормотать, бурчать, лепетать, лопотать, шамкать, шепелявить, гаркать, мямлить, заикаться, картавить, грассировать, гундосить, гнусавить*;

метафоричных глаголов *шипеть, реветь, рывкать, ворковать, щebetать, взорваться, цедить* и эмоционально-волевых глаголов *ахать, охать, ухать, ойкать*;

4) выявлены и описаны когнитивные механизмы концептуализации и вербализации речевой деятельности естественного языка метонимичными и метафоричными глаголами говорения.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования материалов и результатов данного исследования в практике преподавания теоретических лингвистических дисциплин: в курсе общего языкознания, лексикологии, методологии современной лингвистики, введении в теорию коммуникации, стилистике; в рамках различных спецкурсов по лингвистической семантике, когнитивной лингвистике, а также на занятиях по культуре речевого общения. Результаты диссертационного исследования могут найти применение в практических курсах по методике написания диссертационных исследований, при написании курсовых, выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций по сопряженным проблемам, при составлении учебно-методических пособий по различным темам (культура речевого общения, теория коммуникации), а также в практике создания толковых словарей, Интернет- и электронных словарей, при разработке корпусов текстов и др. Полученные выводы и результаты могут лечь в основу дальнейших исследований на материале иных языковых объективаций (других лексико-семантических групп) и иных языков.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1 Триангуляционный подход в экспериментальных лингвистических исследованиях, заключающийся в интеграции традиционных (валентный, дистрибутивный, компонентный, гипотетико-дедуктивный метод и др.) и современных исследовательских методов (корпусный анализ, опора на большие базы данных и др.) позволяет внести качественные изменения в процедуру семантического эксперимента и значительно повысить надежность и достоверность полученных результатов. В результате такого подхода выдвигаемые исследователем гипотезы проходят двойную верификацию: сначала в ходе опроса информантов, а затем с помощью больших баз данных – поисковых систем Google и Yandex.

2. Метонимические обозначения акта говорения при обстоятельственной метонимии системно основаны на представлении, что предикат фактически репрезентирует два действия – «основное», которое является пресуппозиционной составляющей высказывания, и сопутствующее, обстоятельственное, которое репрезентирует – как ассерция – весь акт говорения.

3. В семантическую структуру исследуемых глаголов говорения входят такие интегральные / дифференциальные семантические признаки, как *контролируемость действия, «порция» действия, пресуппозиция / ассерция, сильная / слабая коммуникативная позиция, врожденный / приобретенный дефект речевого аппарата, специфическая манера речи, четкость / нечеткость произношения звуков, громкость / тихость речи, наличие / отсутствие эмоциональной составляющей, взрослая / детская речь, наличие / отсутствие ожидаемой преграды для произнесения звуков* и ряд других, которые определяют поведение изучаемых языковых единиц и позволяют разграничивать их семантику.

4. На защиту выносятся предложенные в работе описания семантики метонимичных глаголов говорения *бубнить, бормотать, бурчать, лепетать, лопотать, шамкать, шепелявить, гаркать, мямить, заикаться, картавить, грассировать, гундосить, гнусавить*; метафоричных глаголов *шипеть, реветь, рывкать, ворковать, щебетать, взорваться, цедить* и эмоционально-волевых глаголов *ахать, охать, ухать, ойкать*.

5. Глагольная метонимия и метафора отражают тенденцию к экономии языковых средств (на фонетическом, лексическом или синтаксическом уровне), а также к семантическому «расширению» концептуализации денотативной ситуации за счет актуализации интегральных / дифференциальных семантических признаков.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 303 наименования, в том числе 56 на иностранном языке, списка использованных словарей и их условных сокращений, списка интернет-источников. Общий объем работы составляет 246 страницы.

Во *Введении* обосновывается актуальность исследования, выбор объекта, предмета исследования, формулируются его цель и задачи, указывается теоретическая и методологическая база исследования. В данном разделе также

раскрываются теоретическая и практическая значимость работы, описываются используемые методы и подходы, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В *Главе 1* «Теоретические предпосылки исследования» дается обзор исследований по изучению глаголов говорения в отечественном языкознании, рассматриваются существующие типологии данных глаголов, исследуется их роль в описании речевой деятельности и место в рамках теории речевых актов, приводится анализ подходов к изучению семантики глаголов говорения. Кроме того, в главе представлен анализ основных направлений развития теории метонимии и метафоры и их современная интерпретация в отечественной и зарубежной традиции. Особое внимание уделено изучению глагольной метонимии и метафоры с целью описания их общей концептуальной системы.

В *Главе 2* «Методология и метаязык описания глаголов, репрезентирующих акт говорения в естественном языке» описывается современная исследовательская процедура анализа семантики языковых единиц на базе гипотетико-дедуктивного метода с проведением семантического эксперимента и опроса информантов и последующим обращением к большим базам данных – поисковым системам Google и Yandex. Излагаются этапы применения данной процедуры к описанию семантики метонимичных и метафоричных глаголов говорения, описывается разработанный метааппарат семантико-когнитивного исследования, обосновывается введение понятий *контролируемость действия*, *«порция» действия*, *пресуппозиция / ассерция*, *фрейм* для когнитивной интерпретации акта говорения, репрезентируемого анализируемыми глаголами.

В *Главе 3* «Типология предикатов, обозначающих акт говорения в естественном языке» на основе методологии, предложенной во второй главе, дается описание семантики прототипических глаголов говорения *говорить* и *сказать*, метонимичных и метафоричных глаголов говорения, а также их подгруппы – эмоционально-волевые глаголы речевой деятельности. На основе выделенных интегральных / дифференциальных семантических признаков и полученных описаний значений глаголов говорения строится типология семантических признаков, лежащих в основе метонимического осмысления акта

говорения, а также выявляются когнитивные основания концептуализации фрейма «говорение».

В *Заключении* подводятся итоги исследования, определяется его дальнейшая перспектива.

Апробация работы. Работа прошла апробацию, ее результаты докладывались в рамках следующих конференций: Научно-методическая конференция, посвящённая юбилею В.В. Рябова (г. Москва, МГПУ, 19 октября 2017 г.); VIII Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Казанские научные чтения студентов и аспирантов имени В.Г. Тимирязова – 2018» (г. Казань, КИУ, 21 декабря 2018 г.); Научная конференция ИИЯ ГАОУ ВО МГПУ «Научный старт-2019 (с элементами научной школы)» (г. Москва, 21 марта 2019 г.); 54-й Международный лингвистический коллоквиум «Linguistic Encoding / Decoding in Global Contexts» (Россия, Москва, 19–22 сентября 2019 г.); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Язык как форма и часть жизни», посвященная памяти основателя и первого заведующего кафедрой И.Б. Шатуновского (г. Дубна, 25–26 октября 2019 г.); XVII Всероссийская с международным участием междисциплинарная научно-практическая конференция «Человек в информационном пространстве» (г. Ярославль, 14–16 ноября 2019 г.); Научная конференция ИИЯ ГАОУ ВО МГПУ «Научный старт-2020 (с элементами научной школы)» (г. Москва, МГПУ 24–28 марта 2020 г.).

Основные результаты исследования были опубликованы в сборниках и журналах, в том числе рецензируемых, входящих в список Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки Российской Федерации:

1. **Метонимия и метафора в сфере предиката (на примере глаголов говорения)** // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 3. С. 100–106.

2. **Гипотетико-дедуктивный метод для описания метонимии в сфере глаголов говорения** // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 12. Т. 11. С. 381–386. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.80.

3. **Когнитивная интерпретация акта говорения (на примере эмоционально-волевых глаголов говорения)** // Вестник Московского

государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 1. С. 55–62. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-55-62.

Работы, опубликованные в других сборниках и журналах:

4. **Метонимические переносы в сфере предиката (на примере глаголов говорения)** / Казанские научные чтения студентов и аспирантов имени В.Г. Тимирязова–2018: материалы Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной 25-летию образования университета (21 декабря 2018 г.). Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета. 2019. С. 206–207.

5. **Речевой портрет говорящего: исследование семантики метонимичных и метафоричных глаголов говорения** / Человек в информационном пространстве: сборник научных статей; Ярославль, 14–16 ноября 2019 г. / под общ. ред. Т.П. Курановой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 77–82.

6. **Метафора в научном познании** / Вопросы гуманитарных наук и управления в сфере образования: сборник научных статей по материалам Научно-методической конференции, посвященной юбилею В.В. Рябова (г. Москва, 19 октября 2017 г.) / Сост. И.Н. Райкова, отв. ред. В.В. Кириллов. М.: Книгодел; МГПУ, 2018. С. 347–356.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как отмечалось выше, проблема семантической и когнитивной интерпретации глаголов говорения до сих пор не получила адекватного и однозначного решения. В ходе аккумуляции и систематизации представлений о системе глаголов речи / говорения / речевой деятельности они неоднократно выступали объектом лингвистических исследований, в ходе которых глаголы говорения рассматривались с точки зрения функционально-когнитивного и прототипического подходов на материале различных языков [Соколовская 2002; Имамутдинова 1999; 2010; Михайлова 2007; 2009; Дворник 2003], исследовалась их лексическая и категориальная семантика [Тупицына 2017; 2019; Ермолаева 2017], изучалась специфика глагольной полисемии на примере глаголов говорения различных языков [Шишкина 2004; Крылова 1996], а также функционирование в рамках теории речевых актов [Wunderlich 1976; Почепцов 1981; Богданов 1989; Вежбицкая 1985; Ван Дейк 2000; Апресян 1995b; Дементьев 1997; Гловинская 1992; 1993; Зализняк 2000]. Однако многие вопросы, связанные, например, с построением фрейма «говорение», репрезентируемого метонимичными и метафоричными глаголами речевой деятельности, остаются не выявленными и требуют проведения специального исследования.

1.1. Роль глаголов говорения в описании речевой деятельности в естественном языке

Речевая деятельность является сложным, динамичным процессом человеческой деятельности и представляет собой многокомпонентный денотат, включающий, по мнению разных исследований, определенный набор обязательных элементов (составляющих): говорящего, слушающего, сам процесс речи (высказывания) и его характеристики. Реализация или процесс языкового отображения речевой деятельности в языке происходит с помощью обширного класса глаголов говорения.

Данные глаголы в системе естественного языка выполняют важную функцию – коммуникативную, то есть функцию обмена и передачи информации между людьми в процессе их межличностного общения. Исследуемые предикаты обладают сложной структурой, включающей несколько значений, они чаще всего

многозначны. Некоторые глаголы представляют собой прямые номинации (*говорить, сказать, молвить, обсудить* и др.), часть – вторичные, являющиеся результатом метонимического или метафорического переноса (*мямлить, взрываться, каркать, лепетать* и др.).

Безусловно, потребности языка при выражении понятий, связанных со сферой речевого общения, не могут быть удовлетворены только за счет основных глаголов говорения (*сказать, говорить, произнести* и т.п.), поэтому использование метонимичных и метафоричных глаголов говорения позволяет значительно расширить данный класс предикатов, ср.: *мямлить, бубнить, лепетать, заикаться, картавить, запинаться* и др., представляющие собой обстоятельственную метонимию. Глаголы говорения также могут возникать как результат метафорического переосмысления, ср.: *цедить, взорваться*, где, например, метафоричный глагол говорения ***взорваться*** вносит информацию об эмоциональном акте говорения, сравнивая его со взрывом (семантический перенос ‘подвергаться разрушению от взрыва => резко, внезапно, неожиданно для собеседника сказать грубые, неодобрительные слова, не сдержав своего возмущения, негодования, выразив его в резкой форме’). Таким образом, исследование метонимии и метафоры в сфере глаголов говорения является одним из перспективных направлений развития современной лингвистики.

1.1.1. Различные подходы к классификации глаголов говорения

Основное внимание в лингвистических исследованиях, посвященных изучению глаголов речи, отведено созданию универсальной классификации глаголов говорения. Так, например, В.П. Бахтина делит глаголы речи на три группы: 1) глаголы процесса говорения, ср.: *говорить, сказать, молвить, кричать* и др.; 2) глаголы процесса речи, характеризующие его в зависимости от задач коммуникации, ср.: *беседовать, спрашивать, извещать* и др.; 3) глаголы процесса речи, связанные с различными аспектами деятельности человека, ср.: *велеть, хвалить, приказывать* и др. [Бахтина 1965: 7]. Однако при таком подходе вне внимания исследователя оказались целые классы глаголов говорения, например, *бормотать, бубнить, мямлить, лепетать, гаркать, цедить, шамкать* и др., являющиеся значимыми для описания акта говорения.

В.Г. Степанова выявляет парадигматические отношения некоторых глаголов речи и на основе лексикографического анализа выделяет компоненты значений, которые служат основанием для создания классификации глаголов. Исследователь представляет значения слов как сумму нескольких признаков, ср.: *кричать* = *говорить* + *громко*; *восклицать* = *говорить* + *громко* + *с чувством*. Автор разделяет глаголы речи на три группы, каждая из которых в свою очередь подразделяется на микрогруппы: 1) звучание речи; 2) речь как средство получения информации; 3) речь как средство общения [Степанова 1970: 7–9]. Предложенная классификация является довольно противоречивой и непоследовательной в связи с тем, что автор исключает из анализа сочетаемостные свойства предикатов, которые во многом определяют значения глагола.

Многоаспектное описание семантики глаголов речи, ставшее основой для многих последующих работ (в частности [Ничман 1980; Корнев 1993 и др.]), предложено Л.М. Васильевым, который рассматривает глаголы речемыслительной деятельности и раскрывает структуру акта говорения, выделяя значимые компоненты ситуации (фактически, говоря современным языком, выстраивает фрейм ситуации «говорение»). По мнению исследователя, акт говорения включает следующие элементы: говорящего; слушающего; процесс выражения мысли; процесс произношения; процесс сообщения мысли; речевой контакт; объект (содержание) речи; характеристику процесса или объекта речи.

Далее исследователь, опираясь на характеристику денотата процесса говорения и учитывая синтагматические свойства лексемы, предлагает выделять следующие группы глаголов:

1) глаголы, характеризующие внешнюю сторону речи, ср.: опорные слова *произносить* и *писать*, а также инварианты *говорить*, *восклицать*, *орать*, *рычать*, *шипеть*, *бросать*, *чеканить*, *гнусавить*, *бредить*, *цедить*, *бурчать*, и далее глаголы звучания *ахать*, *аукать*, *ухать*, *шикать* и др.;

2) глаголы, характеризующие содержание мысли, ср.: ядерные глаголы *высказывать*, *выражаться*, *говорить*, *изъявлять*, а также инварианты *грубить*, *врать*, *болтать*, *жаловаться*, *дерзить*, *тянуть* и др.;

3) глаголы, характеризующие коммуникативную сторону речи, ср.: *сообщать, передавать, болтать, излагать, обещать, советовать, объяснять, доказывать, аргументировать* и др.;

4) глаголы речевого взаимодействия и контакта, ср.: *разговаривать, говорить, ворковать, шептаться, договариваться, спорить, обсуждать, спрашивать, задавать, отвечать, соглашаться* и др.;

5) глаголы со значением речевого побуждения, ср.: *побуждать, заставлять, приказывать, просить, приглашать* и др.;

6) глаголы речи со значением эмоционального отношения и оценки, ср. глаголы отношения: *обижать, унижать, поддевать, насмехаться, благодарить, поздравлять* и глаголы оценки: *винить, обвинять, выговаривать, ругать, одобрять, хвалить* и др. [Васильев 1981: 6–33].

Выделенные Л.М. Васильевым группы состоят из синонимичных рядов, объединенных семантической близостью, однако предложенные формальные показатели при распределении глаголов по классам и подгруппам не всегда однозначны. Так, например, включение в состав группы глаголов, характеризующих внешнюю сторону речи, глагола *говорить* вызывает сомнение, поскольку этот же предикат входит в качестве базового в группу глаголов, характеризующих содержание мысли. Неубедительно и включение в данную группу глаголов *врать, болтать, дерзить, темнить* и др., которые близки по своему значению к глаголам эмоциональной оценки, глаголам мышления и поведения.

Отметим также, что Л.М. Васильев указывает на возможность семантических сдвигов в значении глаголов говорения: «При замене одушевлённого существительного неодушевленным в позиции подлежащего (субъекта речи) у глаголов речи происходят различные метафорические и метонимические сдвиги, которые выводят их за пределы данного семантического поля», ср. пример автора: *Факты говорят, что...* и под. [Васильев 1981: 5–6]. Однако на наш взгляд исследователь имеет в виду лексическую метафору и метонимию, являющиеся фигурами речи, а не когнитивные механизмы концептуализации действительности. Таким образом, принципиально

метафоричные глаголы говорения *рычать*, *бросать* или метонимичные *обещать*, *цедить*, *гнусавить*, *ахать* и др. не получают описание в данной системе.

З.В. Ничман, исследуя сочетаемость глаголов речи, строит классификацию предикатов на основе дистрибутивного и отчасти трансформационного методов. Выделяя глагол *говорить* как базовый в исследуемой группе, автор предлагает подход, согласно которому глаголы говорения делятся на **две группы** – с точки зрения цели говорения (ср.: *рассказывать* – *говорить с целью сообщить что-либо*) и с точки зрения характера говорения (ср.: *кричать* – *говорить* (как? каким образом?) *громко*).

Первая отличается богатством синтагматических связей и включает в себя следующие группы глаголов: 1) глаголы речевого общения, ср.: *разговаривать*, *беседовать* и др.; 2) глаголы речевого сообщения, ср.: *рассказать*, *сказать*, *доложить* и др.; 3) глаголы речевого воздействия, ср.: *подговаривать*, *упрашивать*, *ругать* и др.; 4) глаголы выражения мысли, ср.: *произнести*, *вымолвить*, *рассуждать* и др.; 5) глаголы называния, ср.: *назвать*, *именовать* и др.

Ко **второй группе** относятся глаголы, вводящие реплики в диалогах, ср.: *прервать*, *одернуть*, *вставить*, *ввернуть* и др., и глаголы, характеризующие различные внешние и содержательные аспекты речи, ср.: *бормотать*, *басить*, *городить*, *нести* и др. [Ничман 1980: 9–11].

Таким образом, в рассматриваемом исследовании демонстрируется большой сочетаемостный потенциал глаголов говорения, однако по причине некоторой неоднородности в представлении материала, отсутствия полного параллелизма и однозначного соответствия между синтаксическим и лексическими уровнями в группе глаголов говорения все же не предлагается общей системы сочетаемости данной группы предикатов.

Т.В. Матвеева, исследуя лексико-семантические группы глаголов в русском языке, в качестве базового выделяет поле глаголов речевой деятельности, которое подразделяется на несколько групп:

1) глаголы произнесения, ср.: *басить*, *бормотать*, *говорить*, *заикаться*, *гнусавить*, *произнести*, *лепетать* и др.;

2) глаголы речевого сообщения, ср.: *вымолвить, огласить, клевать, намекать, проговориться, изложить, радировать, советовать* и др.;

3) глаголы речевого общения, ср.: *беседовать, браниться, поговорить, расспросить, шутить* и др.

4) глаголы обращения, ср.: *апеллировать, величать, запросить, молить, звать* и др.

5) глаголы речевого воздействия, ср.: *бранить, выпросить, молить, лгать, порочить, допросить, отговорить, хвалить* и др.

6) глаголы речевого выражения эмоций, ср.: *ахнуть, брюзжать, жаловаться, воскликнуть, накричать* и др.

В отдельную группу исследователь выделяет предикаты звучания с базовым глаголом **звучать**, в рамках которой выделяются:

1) глаголы звучания, издаваемого живыми существами, ср.: *верещать, ворковать, каркать, пищать, пыхтеть, реветь, ржать, крякать, голосить, орать, шипеть, щebetать* и др.;

2) глаголы звучания, издаваемого неодушевленными предметами, ср.: *бренчать, булькать, бряцать, греметь, завывать, урчать, шуметь, скрипеть, рокотать* и др. [Матвеева 1988: 52–55, 62–63].

Однако в интерпретации Т.В. Матвеевой не выявленными остаются когнитивные основания интерпретации глаголов говорения (не обозначена метафора / метонимия), не демонстрируются семантические различия между предикатами, например, в классификации не нашлось места глаголам типа *мямлить, лопотать, гнусавить*, не были показаны различия между глаголами *ахать, охать, ухать* и т.д.

Еще одна типология, однако по другим основаниям, предложена в толковом словаре русских глаголов под редакцией Л.Г. Бабенко [ТСРГ], где класс глаголов речевой деятельности авторы подразделяют на следующие подгруппы:

1) **глаголы характеризованной речевой деятельности**, ср.: *ахать, басить, бредить, бубнить, выдавливать, долбить, лепетать, молоть, ойкать, шамкать, цедить* и др.;

2) **глаголы речевого сообщения**, ср.: *болтать, врать, выкладывать, выступать, говорить, извещать, намекать, объяснять, описывать, рассказывать, рапортовать, уточнять* и др.;

3) **глаголы речевого общения**, ср.: *беседовать, возражать, браниться, отвечать, острить, переспрашивать, ругаться, спорить, соболезнавать, спрашивать, шутить* и др.;

4) **глаголы обращения**, ср.: *апеллировать, дразнить, звать, называть, приветствовать, окликать* и др.;

5) **глаголы речевого воздействия**, ср.: *агитировать, бранить, врать, грозить, молить, орать, порочить, проклинать, угрожать, хвалить* и др.

Таким образом, в словаре дается подробная классификация глаголов говорения и их английские эквиваленты, указываются некоторые грамматические характеристики, возможные случаи употребления и синонимы. Однако, несмотря на большую значимость представленного материала, его практический потенциал, в словаре все же не представлено исчерпывающее описание семантики исследуемых единиц: часть глаголов одновременно входит в несколько групп, в толковании единиц присутствуют логические круги и совпадающие фрагменты (ср. с классификацией Т.В. Матвеевой выше).

И.А. Ермолаева на основе анализа глаголов в терминах теории примитивов, предложенной А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987], разрабатывает семантическую классификацию глаголов речи в русском языке и выделяет девять классов глаголов: 1) собственно глаголы речи, ср.: *беседовать, болтать, бормотать, ворчать, мямлить* и др.; каузативные глаголы речи, ср.: *заставлять, навязывать*; интенсивные глаголы речи, ср. *вопить, голосить*; перформативные глаголы, ср.: *допускать, желать, заверять, клясться, молить* и др.; интерактивные глаголы, ср.: *прерывать, оборвать*; глаголы звукоподражания, ср.: *зарычать, загреметь*; глаголы жестикуляции и мимики, ср.: *вздыхать, рассмеяться, нахмуриться, скривить губы, горячиться* и др.; глаголы, выражающие экспрессивную оценку ситуации со стороны говорящего, ср.: *насмехаться, возблагодарить, сожалеть, осквернять, пригрозить, пророчить* и др.; глаголы, принадлежащие более чем одному подклассу, ср.: *отвечать*, принадлежащий к первому и второму классам, *негодовать* – к пятому и восьмому и др. [Ермолаева 2017].

При этом И.А. Ермолаева отмечает, что одни глаголы являются «подлинными» глаголами речи (глаголы типа *болтать, бормотать, поздравлять, прощать* и др., т.е. относящиеся к классам с 1 по 6), а другие – только потенциальными глаголами речи (глаголы типа *забеспокоиться, улыбаться, раскаиваться*) [Ермолаева 2017: 373]. Как и в большинстве рассмотренных классификаций, выделяемые И.А. Ермолаевой группы предикатов определялись по различным основаниям, но системного описания семантики метонимических и метафоричных глаголов говорения не предлагалось.

Таким образом, в большинстве исследований до конца неясными остаются основания для разделения глаголов говорения на группы, поскольку в одних классификациях встречаются пересекающиеся классы глаголов или одновременное включение одних и тех же предикатов в разные группы, в других классификациях наблюдается объединение классов глаголов в более крупные группы. На наш взгляд, несмотря на большое количество классификаций глаголов говорения, в рассмотренных исследованиях присутствует большая доля субъективности в понимании значений глаголов, на что указывают следующие факты: в работах не предложено точного описания семантики рассматриваемой группы предикатов (ср. с методикой описания значения глаголов *ахать, бормотать, мямлить* и др., описанной во 2 главе настоящей работы); исследователи системно не рассматривают и не отмечают возможность метафорических и метонимических переносов в семантике глаголов говорения.

1.1.2. Интерпретация глаголов говорения в рамках теории речевых актов

Говоря о различных классификациях глаголов говорения, нельзя не затронуть теорию речевых актов, получившую развитие во второй половине XX века, объектом изучения которой стали речевые ситуации, «акт речи, состоящий в произнесении говорящим предложения в ситуации непосредственного общения со слушающим» [Кобозева 1986: 11].

В зарубежной (Дж. Остин, Дж. Серль, Т.А. ван Дейк и др.) и в отечественной лингвистике (Ю.Д. Апресян, В.В. Богданов, А. Вежбицкая, Е.П. Савельева, Н.Д. Арутюнова и др.) многие исследователи обращались к изучению глаголов, обозначающих речевой акт: рассматривался их прагматический потенциал, способы репрезентации акта говорения и др. Например, Дж. Остин, исследуя

глаголы, эксплицирующие иллокутивную силу высказывания, выделяет несколько классов употребления иллокутивных глаголов в соответствии с их иллокутивной силой:

1) **вердиктивы**, любые суждения, решения, ср.: *оправдывать / acquit, полагать / take it, понимать / understand, описывать / describe* и др.;

2) **экзерситивы**, выражение влияния, проявление власти, ср.: *умолять / plead, приказывать / order, требовать / claim, советовать / advise, унижать / degrade, называть / name* и др.;

3) **комиссивы**, обещания, обязательства и намерения, ср.: *обещать / promise, поддерживать / espouse, одобрять / favour* и др.;

4) **бехабитивы**, установки социального поведения, ср.: *извиняться / apologize, благодарить / thank, делать комплимент / compliment, поздравлять / congratulate, приветствовать / welcome* и др.;

5) **экспозитивы**, результаты обсуждений, доказательств, прояснение причин, ср.: *замечать / remark, упоминать / mention, информировать / inform, спрашивать / ask, докладывать / report* и др. [Остин 1986: 120–128].

Чуть позднее таксономию Дж. Остина дополняет Дж. Серль, в частности отмечая, что классификация Дж. Остина описывает английские иллокутивные глаголы, а не иллокутивные акты [Серль 1986: 170–193]. Далее Дж. Серль выделяет типы иллокутивных речевых актов, опираясь на выделенные им двенадцать базовых лингвистических параметров.

Согласно таксономии Дж. Серля, базисными типами иллокутивных актов, получающих конкретизацию в речевом акте соответствующими глаголами, являются следующие категории: **репрезентативы** (ассертивы) – сообщение о существующем положении дел и / или его оценка, ср.: *хвалиться / boast, жаловаться / complain, заключать / conclude, выводить / deduce*; **директивы** – побуждения слушающего к некоторым действиям, ср.: *спрашивать, приказывать, просить, молить, советовать* и др.; **комиссивы** – сообщение о принятых обязательствах, ср.: *должен / shall, намереваться / intend, относиться благосклонно / favor* и др.; **экспрессивы** – выражение психологического состояния по отношению к положению дел, ср.: *благодарить / thank, поздравлять / congratulate, сожалеть / deplore, приветствовать / welcome, извиняться /*

apologize и др.; **декларации** – внесение полномочным лицом изменения в статус означаемого объекта, ср.: *находить, объявлять, назначать и др.* [Серль 1986: 188–192].

Последующие попытки создания классификаций речевых актов в работах (см.: [Wunderlich 1976; Leech 1983; Почепцов 1981; Богданов 1989; Формановская 1998; Bach 2003 и др.]) также не дали четкого критерия для разделения речевых актов на непересекающиеся классы. Однако это не указывает на несостоятельность или ошибочность теории речевых актов, а обусловлено, как справедливо отмечает Е.Ф. Гонгало, «спецификой языковой реальности, которая не приемлет жесткого схематизма» [Гонгало 2011: 48].

В дальнейшем исследователи рассматривали не только речевое воздействие, но и коммуникативное взаимодействие в целом (см.: [Арутюнова, Падучева 1985; Вежбицкая 1985; Ван Дейк 1989; 2000; Апресян 1988; 1995b; Савельева 1991; Дементьев 1997 и др.]). В большинстве случаев анализировались перформативные глаголы, многие из которых, по мнению лингвистов, относятся к группе глаголов говорения, ср.: *говорить, поздравлять, требовать, хвалить, одобрять, обещать, сообщать* и др.

Так, перформативный глагол *говорить / сказать* принято считать универсальным глаголом речи, нейтральным по отношению к содержанию речевых актов. Ю.Д. Апресян рассматривает данный предикат и утверждает, что он является не чисто перформативным, а может выполнять анафорическую функцию и отсылать к тому, что уже было сказано до данного акта речи, ср.: *Я говорю, что он заблуждается* [Апресян 1988: 76]. Н.Д. Арутюнова отмечает также ограничения в сочетаемости глагола *говорить*, когда он дополняется конкретизатором / уточнителем, ср., например: *говорить правду, неправду, ложь*, но неправильное: **говорить ошибку, *говорить заблуждение* [Арутюнова 1999: 644].

Детальное описание значений глаголов говорения с точки зрения теории речевых актов выполнено А. Вежбицкой на материале английского языка [Wierzbicka 1987], схожее исследование на русском языке проведено М.Я. Гловинской [Гловинская 1993; 2001]. А. Вежбицкая демонстрирует, что речевой акт наиболее ярко реализуется в таких ситуациях, когда для выражения иллокутивного намерения соответствующего глагола просто нет. См. примеры,

предложенные Е.В. Падучевой: 1) *Вы посмотрите мои картины?* 2) *Вы не посмотрите мои картины?*; 3) *Ты не знаешь, зачем он приходил?* 4) *Ты знаешь, зачем он приходил?*, из которых любой носитель русского языка понимает, что в первом случае предложение выражает вопрос, а во втором «мягкое» предложение; в третьем представлен не вопрос о знании, а желание узнать; а четвертое предложение выражает намерение говорящего сообщить ответ. Е.В. Падучева в этой связи отмечает, что «данные акты говорения являются речевыми намерениями, и язык позволяет выражать эти тонкие речевые намерения, не сводимые к смыслу того или иного глагола» [Падучева 2004а: 360].

М.Я. Гловинская предлагает иной подход к теории речевых актов и разграничивает иллокутивные и перлокутивные глаголы, опираясь на критерий достижения перлокутивного эффекта и, соответственно, в русском языке на различие НСВ и СВ [Гловинская 1992; 1993; 2001]. Как указывает М.Я. Гловинская, «граница между иллокутивами и перлокутивами проходит обычно внутри видовых пар: в форме НСВ (в нерезультативных значениях) глагол является иллокутивом, в форме СВ – перлокутивом» [Гловинская 2001: 278]. Соответственно с этим, например, глагол НСВ *убеждать* – иллокутивный глагол, а глагол СВ *убедить* – перлокутивный.

Отдельные перформативные глаголы говорения, например, *жаловаться, сетовать, доносить, заявлять, извещать, сообщать* и др., получили также описание в «Новом объяснительном словаре синонимов» под редакцией Ю.Д. Апресяна [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2004].

Г.Г. Почепцов предлагает классифицировать речевые акты по иллокутивному критерию и убедительно демонстрирует существование не только таких типов речевых актов, как **констатив**, **квеситив**, **директив**, но и их подтипов: **реквестив** (*предложение-просьба*) и **инъюнктив** (*предложение-приказание*) в пределах директивов, различающихся просодическими характеристиками (ср. интонацию приказания и интонацию просьбы); **промисив** (*предложение-обещание*) и **менасив** (*предложение-угроза*) в составе комиссивов [Почепцов 1981: 271–278].

Как отмечает И.С. Шевченко, предложенное Г.Г. Почепцовым разделение директивов и квеситивов основано на базе общей интенции побуждения, однако в

отличие от английских прагматиков Г.Г. Почепцов показывает, что в первом случае – это побуждение к физическому действию, а во втором – к говорению, к предоставлению существенно важной информации, заполнению информационной лакуны адресата [Шевченко 2013: 9].

А.А. Зализняк не только выделяет отдельные классы глаголов, в толкование которых входит базовый глагол *говорить*, но и приводит слова, с которыми этот глагол может сочетаться, и описывает различные метафорические употребления [Зализняк 2000; 2013]. Исследователь рассматривает обширный класс глаголов, описывающих различные **способы говорения** (сочетания типа *говорить* + обстоятельство образа действия), в которых спецификация способа говорения может касаться: 1) собственно акустических аспектов произнесения, ср.: *басить, бормотать, гнусавить, картавить, шамкать, окать* и др.; 2) иных «внешних» и содержательных характеристик, ср.: *бредить, каркать, шутить, язвить, плести, молоть, болтать* и др.; 3) внутреннего состояния субъекта или его отношения к адресату речевого действия, ср.: *грубить, дерзить, оскорблять, насмехаться, кричать, орать* и др. [Зализняк 2013: 152–154].

А.А. Зализняк указывает, что выделенные три типа спецификации трудно различимы, так как часто происходит их пересечение, ср., например: *ворчать, ворковать, цедить* и др., в которых способ говорения включает одновременно акустическую характеристику речи и выражение некоторого внутреннего состояния или отношения к адресату речи. В подобных случаях отнесение глагола к тому или иному классу производится по преобладающему признаку. В связи с этим, автор делает вывод о неотделимости свойства произносимого текста от свойств его смысла [Зализняк 2013: 152–154]. Важно отметить, что А.А. Зализняк характеризует глаголы первого и второго типа как репрезентирующие речь одновременно с акустической и содержательной стороны, как образованные в результате метафорического переноса, ср.: *бубнить, бурчать, мямлить, мычать, лепетать, лопотать, щебетать* [Зализняк 2013: 153]. Однако при таком подходе каждый отдельный глагол не получает специального описания, а когнитивные основания метонимического переноса по-прежнему остаются неясными. Более того, часть выделенных исследователем глаголов образованы метонимическим сдвигом в значении предиката, а не метафорическим.

Ср. также точку зрения Е.В. Падучевой, включающую глаголы речевого действия в более широкий класс глаголов речи, которые обладают иной таксономической категорией и концептуальной структурой. По мнению исследователя, речевые акты являются речевыми действиями, а не деятельностью, поскольку имеют цель и заканчиваются, когда эта цель достигается. Ср. речевые деятельности типа *разговаривать*, *болтать* или *шептать*, *бормотать*, акцентирующие внимание на внешних характеристиках (способ произнесения), а не на цели говорения [Падучева 2004а: 355–356].

Сложно не согласиться с мнением И.М. Кобозевой, которая указывает, что речевые действия, рассматриваемые на иллокутивном уровне, являются в обыденном языке иллокутивными глаголами (ср.: *утверждать*, *обещать*, *просить* и т.п.). Ученый, сопоставляя исследования в русле теории речевых актов и толкования значений глаголов говорения у А. Вежбицкой [Вежбицкая 1985] и у лексикографов Московской семантической школы [Гловинская 1993], демонстрирует, что компоненты толкований соответствуют условиям успешности обозначаемого глаголом речевого акта [Кобозева 2015: 11].

Таким образом, повышенный интерес исследователей к изучению глаголов говорения в рамках теории речевых актов объясняется, на наш взгляд, большой коммуникативной значимостью рассматриваемой группы предикатов, их многочисленностью и употребительностью. При этом данные глаголы исследуются с точки зрения их вклада и роли в интерпретации теории речевых актов, однако само описание значений отдельных глаголов, а также когнитивные основания метонимических и метафорических переносов в семантике глаголов по-прежнему остаются не выявленными.

Как представляется, необходимо предпринять попытки изучения данной лексическо-семантической группы с точки зрения лексической семантики, которая позволяет детальней описывать смысл соответствующего глагола говорения (а не различные цели речевых актов), и лингвистика располагает для этого хорошо разработанными «инструментами».

1.1.3. Различные подходы к изучению семантики глаголов говорения

Глаголы говорения являются одной из самых многочисленных групп в естественном языке, такая распространенность связана с их важностью в жизни

человека и с тем, что они репрезентируют важнейшую функцию языка – коммуникативную. Изучение данной группы предикатов стало уже традиционным и развивалось в рамках различных направлений и школ. В разные годы глаголы говорения избирались учеными для моделирования языковой картины мира в связи с различными целями и предметами исследования (см. работы отечественных лингвистов [Бахтина 1965; Кодухов 1957; Ничман 1985; Степанова, Шрамм 1980; Васильев 1981; Бабенко 1999; Величко 1974; Крылова 1996] и др.).

Рассмотрим основные подходы и направления их анализа. Так, И.А. Крылова на основе комплексного подхода, включающего изучение парадигматических, синтагматических и стилистических характеристик слова, рассматривает лексико-семантическую группу глаголов речи [Крылова 1996]. Ученый представляет лексическое значение каждого из глаголов как многокомпонентное, иерархически организованное явление, которое сопоставляется с другими единицами, имеющими разную стилистическую окраску [Крылова 1996].

С позиции когнитивного подхода одной из первых исследовала глаголы говорения Ф.Р. Имамутдинова. Автор описывает функционально-когнитивный потенциал ядерных глаголов речи (перформативные глаголы *говорить / сказать* и *to tell / to say*) в русском и английских языках с опорой на базовые функции языка (информативная, коммуникативная, эмоциональная, номинативная, когнитивная и др.) и конкретные функции речевой деятельности (социально-регулятивная, управления, информационная). Наиболее значимыми, по мнению исследователя, для речевой коммуникации являются следующие характеристики – информативность, интенциональность (передача намерений говорящего) и оценка субъектом содержания речи, которые включаются в значения глаголов говорения [Имамутдинова 1999]. В качестве главной функции речевой деятельности автор выделяет функцию передачи информации – коммуникативную, объясняя это тем, что центральной единицей коммуникации являются речевые акты, в организации которых и участвуют глаголы говорения.

Ф.Р. Имамутдинова приводит случаи сочетаемости базовых глаголов говорения с другими частями речи – существительными и прилагательными, которые конкретизируют объектное содержание и отношение говорящего к объекту речи: *говорить / сказать слова нелепые, жесткие, злые, справедливые* и

др. и *to tell – to say dirty things, nasty things*; обозначают модальный аспект высказывания, ср.: *говорить / сказать правду, ложь* и *to tell / to say the truth, a lie*; передают количественный аспект, ср.: *говорить / сказать слово, речь* и *to tell / to say a few words*; с наречиями, описывающими психологическое и физиологическое состояние говорящего, ср.: *говорить / сказать тоскливо, радостно, весело* и др. и *to tell / to say sadly, gaily* [Имамутдинова 2010: 49–50].

Таким образом, исследователь хоть и отмечает особенности сочетаемости глаголов с другими частями речи, позволяющие определять семантику предикатов, однако не приводит описания значения самих единиц, поэтому значения отдельных метонимичных и метафоричных глаголов говорения по-прежнему остаются невыявленными.

Е.М. Соколовская рассматривает глаголы говорения с функционально-когнитивной точки зрения. В качестве ядра группы автор выделяет глаголы *говорить / сказать*, представляющие «имя сферы» глаголов речи и сопровождающиеся самой разнообразной информацией: количественными (*говорить много / мало*), оценочными и модальными признаками (*говорить правду / лжи; говорить / сказать искренне, от чистого сердца* и др.). Через конкретизаторы базовых глаголов передается информация о внешней, звуковой стороне речи, указывается громкость произношения, темп, благозвучность, речевые дефекты, а также констатируется отсутствие какой-либо информации, ср.: *ничего не говорить, молчать* [Соколовская 2002].

Однако автор не рассматривает значения самих глаголов речи, многие из которых содержат дополнительные семы, характеризующие различные аспекты речевой деятельности (акустические, физиологические, содержательные и др.) и способные без слов-конкретизаторов репрезентировать акт говорения, ср.: метонимичные глаголы *бормотать = говорить + тихо, невнятно, невразумительно; мямлить = говорить + невнятно, медленно, нечленораздельно, бессвязно* и глаголы с соответствующим наречием, выражающим такое же значение: *говорить невнятно, говорить нечленораздельно*.

На материале английского языка изучение функциональной категоризации глаголов говорения (*to tell / to say / to speak*), выявление механизма, детерминирующего особенности категоризации на синтаксическом, семантическом

и понятийном уровнях, а также условий формирования особого лексического и категориального значения названных глаголов в рамках предложения-высказывания проводит О.Д. Дворник, показывая, что речевая деятельность в английском языке представлена разнородной лексико-семантической группой глаголов с акциональным прототипом *to tell* и глаголами *to say* и *to speak*, которые в определенных случаях подвергаются перекатегоризации и могут номинировать говорение как инактивный, неконтролируемый и не зависящий от воли субъекта процесс [Дворник 2003: 4, 13].

Для группы предикатов с ядерным глаголом *to speak* в качестве базового интегрального признака О.Д. Дворник выделяет взаимообмен информацией. Однако автор не демонстрирует различие между данным глаголом и его синонимичным глаголом *to talk*. Ср. предложенное нами различие между *to speak* и *to talk* в высказывании *She has spent five years getting me to **talk**, and when I **speak** the fool doesn't listen*, где глагол *to talk* акцентирует внимание на обмене информацией, тогда как *to speak* акцентирует стремление говорящего донести до реципиента релевантную информацию.

Н.М. Шишкина исследует многозначность глаголов говорения в русском и английском языках, выявляет и дает описание национальных особенностей полисемии на примере лексико-семантической группы русских глаголов речевой деятельности (494 единицы) и английских глаголов говорения (391 глагол), каждая из которых по конкретным смысловым признакам делятся на 19 подгрупп [Шишкина 2004: 9], ср.: обозначающие *характеристику речи; сообщение; просьбу / требование и приглашение; согласие / несогласие; имитационную речевую деятельность; обмен мнениями; речевые реплики; порицание и критику; похвалу и благодарность; приветствие и прощание; утешение и ободрение* и др. Отметим, что в русском языке отсутствует подгруппа глаголов со значением «вести переговоры», тогда как в английском существует подгруппа глаголов, обозначающих эмоционально-волевые речевые действия.

Таким образом, Н.М. Шишкина приводит достаточно разработанную типологию глаголов говорения в русском и английских языках, однако не дает описание их семантики, что не позволяет разграничить условия их употребления в различных контекстах в обоих языках.

Е.А. Ушакова исследует лексические и фразеологические единицы, репрезентирующие речевую сферу в русской и немецкой языковой картине мира [Ушакова 2008]. В качестве основных идентификаторов акта говорения исследователь выделяет глаголы *говорить / сказать* в русском языке и *sagen, sprechen, reden, schweigen* – в немецком, а в качестве фразеологических репрезентантов акта говорения – фразеологические единицы, описывающие речевую сферу, ср.: *бросать слова на ветер, проглотить язык* и др.; *das Wort schwebt j-m auf den Lippen, sich (D) etw. auf die Zunge beißen* [Ушакова 2008].

Автор делит глаголы говорения в обоих языках на две большие группы: **глаголы, называющие и / или характеризующие коммуникативную сторону речи**, ср.: *разговаривать, беседовать, шептаться; sich unterhalten, austauschen; ответить, отрезать, огрызнуться; antworten, entgegen; спросить, обратиться; fragen*, и **глаголы, характеризующие процесс устной речи**, ср.: *болтать, мямлить; plappern, diktieren; декламировать, шамкать, skandieren, nuscheln; хвалить, ругаться, ворчать; loben, schimpfen, meckern; молчать, помалкивать, schweigen, verstummen, verschweigen*.

Отметим, что Е.А. Ушакова приходит к важному для настоящего исследования выводу, что значения многих глаголов речевой сферы в исследуемых языках образованы метафорическим переносом, и выделяет основные модели, по которым происходят семантические сдвиги в значениях предикатов, ср.:

1) **животный мир**, ср.: *рычать, мурлыкать, шипеть; brüllen, brabbeln, zischen*;

2) **материальный мир** (звуки природы и различных механизмов), ср.: *гудеть, тархтеть; tönen, brummen* и др.;

3) **мир конкретных действий, производимых человеком в его повседневной жизни**, ср.: *цедить, долбить, бросить, схлестнуться, излить; auspacken, eröffnen, herfallen, austauschen* и др.;

4) **мир природы**, ср.: *бушевать, вспылить, горячиться; sich erhitzen* и др.

Исследователь указывает, что в русском языке таких глаголов 88, тогда как в немецком – 46, и отмечает несоответствие признаков переноса и отсутствие эквивалентных семантических структур слов в анализируемых языках, ср.: *ворковать, каркать, фыркать* и *krächzen* (глухие звуки ворон или попугаев →

глухая речь человека, как при простуде), *quieken* (писк мыши → писклявая речь детей), *schnattern* (звуки, произносимые гусями и утками → легкомысленное общение девочек). Кроме того, для немецкого языка оказывается не характерным метафорический перенос *звуки живой природы или окружающего мира – человеческая речь* [Ушакова 2008: 14–15].

Таким образом, метафоричные глаголы говорения в двух языках обладают как сходными, так и различными чертами, что обусловлено разным метафорическим осмыслением действительности носителями русского и немецкого языков.

На материале русского и английского языков метафорическую номинацию речевой деятельности с позиций функционально-синтагматического и функционально-стилевого анализа, а также деривационного аспекта рассматривает Е.Б. Цыганова. В семантику данных глаголов, наряду с базовыми семами (*говорить / сказать, читать, писать*), автором включены семы, отражающие, например, акустические параметры речи, ср.: *рокотать, реер* или эмоциональное / оценочное отношение говорящего, ср.: *кипятиться, explode* (ср. с описанием семантики русского глагола *взорваться* в 3 главе настоящего исследования) и т.д. [Цыганова 2008: 8]. Примечательно, что автор также приводит и описания значений данных глаголов.

По функционально-синтагматическому критерию глаголы с вторичным метафорическим значением речевой деятельности разделены в работе на две группы:

1) глаголы, которым для реализации метафоричного значения необходимо сочетаться с существительными со значением речевой деятельности: *потчевать (анекдотами); ввернуть (афоризм); закидать (вопросами)* и т.п.; *to falter (an apology); to present (arguments); to juggle (the facts)* и т.п.;

2) глаголы, которым для реализации метафоричного значения требуются лексические показатели, называющие объект речевой деятельности, ср.: *пилить (пилить сына)* и *to needle (needle him)* [Цыганова 2008: 9].

Проанализированный Е.Б. Цыгановой состав ЛСГ глаголов говорения позволил сделать вывод, что, несмотря на практически идентичное членение семантического поля в обоих языках, их лексемное наполнение различается, что

проявляется в виде наличия / отсутствия межъязыковых эквивалентных корреляций глаголов, ср.: *лакировать / lacquer; хлестать / whip, колоть, цыганить, milk, needle* и т.п. [Цыганова 2008: 11–15].

Таким образом, несмотря на многоаспектность проведенного исследования, вне поля зрения ученого остался ряд вопросов, затрагивающих возможность объединения метафоры и метонимии в единую структуру – метафтонимию, ср.: глагол *рубить* в случае *рубить дрова / лес* и *рубить слова*; *чеканить шаг* и *чеканить текст / фразу* и др. Кроме этого, в исследовании также не даются описания отдельных значений метонимичных предикатов, поэтому когнитивное основание метонимического переноса в структуре данных глаголов говорения остается до конца не выявленным.

В исследовании [Глаголы звуков животных: типология метафор 2015] авторы рассматривают семантические сдвиги в значениях глагола в зону человека, природных объектов и артефактов (*пациент взвыл от боли, ветер выл в трубах, воеет пожарная сирена* и др.) на языковом материале более чем 20 языков разной структуры (идиш, греческий, хинди, английский, башкирский, татарский, японский, адыгейский и др.). Прделанная работа значима не только по причине того, что описывает семантику глаголов говорения, но и потому, что вносит значительный вклад в развитие теории и типологии метафоры в целом.

Исследователи отмечают, что метафорическая номинация речевой деятельности глаголами, репрезентирующими звуки животных, обусловлена антропоцентричностью человеческого мышления. Поскольку в языке подвергаются метафоризации только те свойства зверей, которые существенны для человека (ср. «молчащие» – такие животные, как *заяц, крот, белка* и др., которые на самом деле издают какие-то звуки). Авторы указывают на зависимость языковой «освоенности» звуков от интенсивности взаимодействия человека с соответствующим животным, ср. с грызунами, среди которых люди чаще всего сталкиваются с мышами и крысами, поэтому для них во многих языках имеется общеизвестный звуковой глагол (ср. русск. *пищать*). Напротив, бобры или сурки в языковом восприятии носителей языка «молчат», поскольку для человека их звуки, в отличие от мышинных, нерелевантны. Причем животные, с которыми человек чаще всего взаимодействует, в соответствии с данным принципом ассоциируются

не с одним, а сразу с несколькими стандартными звуками. Например, звуки главных домашних животных собаки и кошки, для которых наряду с нейтральным глаголом, ср.: русск. *лаять* и *мяукать*, англ. *bark* и *mew*, используются другие глаголы, подразумевающие определенное «эмоциональное состояние» животного, ср.: русск. *скулить*, *рычать*, *мурлыкать*, англ. *yelp*; немецк. *maunzen*, валлийск. *chwyrni*, татарск. *ырылдау*; эрзянск. *turkijams*, франц. *ronronner* и др. [Рахилина, Резникова, Орехов 2015: 16–17].

Другая группа метафор релевантна для обозначения звуков домашних животных: коров, коз, овец, свиней, петухов, кур, гусей, лошадей и др., ср.: русск. *мычать*, *блеять*, *кудахтать*, *шипеть*, *мекать*, *хрюкать*, французск. *beugler* ‘реветь, мычать’ <о быке, буйволе, корове>, адыгейск. *bəwəp* ‘мычать <о корове>, выть <о волке, собаке>’, англ. *bellow*, *low*, *moos*, *nicker*, *bleat* и др. Важную семиотическую функцию имеют и звуки хищных зверей – они предупреждают человека об опасности, ср. русск.: *рычать*, *выть*, *реветь*, англ.: *growl*, *roar*, *howl*, армянск. *տընց՝ալ* ‘рычать’ и др. Отдельно выделяются также звуки, издаваемые насекомыми и птицами. Среди насекомых в первую очередь метафоризируются звуки неприятных человеку насекомых или тех, кто может нанести ему непосредственный вред (*комары*, *осы*, *пчелы*). Часто метафоризируются звуки, издаваемые небольшими птицами, ср. русск. *чирикать*, *ворковать*, *каркать*, англ. *cluck*, *quack*, *chirp*, *tweet* и др. [Рахилина, Резникова, Орехов 2015: 17].

В целом авторы выделяют два типа систем для звуков животных: **доминантный** и **дистрибутивный**. **Дистрибутивный** тип (к которому относятся русский и многие европейские языки) предполагает наличие большого количества метафоричных глаголов говорения, которые более или менее равномерно распределены между основными животными, с которыми взаимодействует человек. Причем разные языки отражают достаточно сходные модели лексического распределения. **Доминантный тип** характерен прежде всего для азиатских, дальневосточных, в некоторой степени для кавказских языков. В данных языковых системах есть общий глагол со значением ‘издавать звук, кричать’, который применим ко всем или к очень многим животным, ср. *naku* в японском, *jìào* в китайском. Вместе с тем, использование для большинства животных одного и того же глагола не означает, что доминантные языки не имеют возможности лексически

противопоставить звуки разных существ. Для этой цели привлекаются идеофоны, которые употребляются в качестве наречия при «легком» глаголе – часто в этой функции выступает доминантный звуковой глагол (по модели ‘кричать му’) [Рахилина, Резникова, Орехов 2015: 19].

Таким образом, составители монографии обобщают имеющиеся данные о системе метафоричных глаголов, репрезентирующих звуки животных, в различных языках. В частности, указывается, что производящей основой для глаголов изучаемой группы становятся ситуации, связанные с человеком, причем именно акустическое сходство служит основанием метафорического переноса, т.е. в результате семантического сдвига действие или состояние человека, сопровождающееся звуками, описывается через глаголы звуков животных. В качестве продуктивной зоны-мишени для исследуемых глаголов выступают все действия, соотносимые с ротовой (реже – носовой) полостью (собственно речь, неречевые реакции – эмоциональные, как смех или плач, или физиологические, как кряхтение или сопение, – а также ситуация приема пищи, ср. ‘чавкать’) [Рахилина, Резникова, Орехов 2015: 20].

Отметим однако, что, несмотря на актуальность и разработанность материала, представленного в книге, кажется нецелесообразным определение русских глаголов *бормотать* и *бубнить* как образованных метафорическим переносом, поскольку способом образования их значения все же является метонимический перенос (см. о семантическом сдвиге в семантике данных глаголов далее). К тому же, как отмечают сами составители монографии, изучение семантики метафоричных глаголов в русском языке, а также их этимологии практически не выполнено, поэтому требует специального изучения.

Работа Е.В. Черемисиной, выполненной в аспекте филологической регионалистики, посвящена языку художественной прозы М.Н. Еськова и диалектным лексическим единицам разных частей речи и лексико-семантических групп [Черемисина 2018]. Так, опираясь на классификацию глаголов говорения, представленную в «Толковом словаре русских глаголов» под редакцией Л.Г. Бабенко (1999), ученый указывает, что группа глаголов характеризованной речевой деятельности в произведениях писателя часто подвергается метафоризации, в результате семантического сдвига в значении они начинают

относиться не к речи человека, а к звукам, издаваемым предметами неживого мира (*буркотали потоки воды*); животным и насекомым (*гнусавили не в меру комары*); механизмам и объектам предметного мира, созданным человеком (*зикнет паровоз*); отвлеченным образом (*душа нудит*). В примерах, представленных в исследовании, данные сдвиги в значениях безусловно являются авторскими метафорами, однако подчеркнем, что данные региональные глаголы говорения являются регулярными метафорическими переносами (ср. примеры, представленные в настоящем исследовании: *бормотал ручей, лепетал / лопотал костер* и др.).

Таким образом, предпринятые попытки описания системы глаголов речевой деятельности в рамках изучения их многозначности, способов вторичной (метафоричной) номинации речевой деятельности с точки зрения функционально-когнитивного и этимологического подходов, сравнительно-исторического, типологического языкознания позволяют сделать вывод о значимости рассматриваемой группы предикатов для языка. Однако в целом исследователи практически не выделяют когнитивных оснований, лежащих в основе метонимического и метафорического представления акта говорения в естественном языке.

1.1.4. Приставочные глаголы говорения

Остается неопределенным место приставочных глаголов говорения, имеющих дополнительное оценочное и / или аспектуальное значение (см.: [Крылова 1996; Кронгауз 1998; Шишкина 2004; Зализняк 2013] и др.). Глаголы говорения в сочетании с приставками приобретают различные аспектуальные значения, «наслаивающиеся» на основное значение глагола: например, значение **начинательности** выражается с помощью приставки *за-*: *заговорить, забормотать, залепетать, заворчать* и т.д.; **завершенности** с помощью приставки *до-*: *досказать, договорить*; **ограниченности** с помощью приставки *про-*: *проворчать, пробубнить, пробормотать, прокартавить, прошепелявить* и др.

Обратим внимание на то, что с помощью приставок также вносятся дополнительные оценочные характеристики: **усилительности** с помощью приставок *раз-(рас-)*: *раскричаться, расшуметься, разговориться* и др.;

определенной степени с помощью приставки *пере-*: *переругаться, переговорить*; **исчерпанности** с помощью приставки *из-(ис-)*: *искричаться, изворчаться* и др. [Крылова 1996].

Все это указывает на их сложную семантическую структуру, поскольку, с одной стороны, приставочные глаголы являются самостоятельными глаголами и входят в группу глаголов говорения, с другой – являются одной из грамматических форм того или иного глагола. Кроме того, ученые отмечают сложность их исследования: во-первых, в языке нет строго закрепленных аффиксов, во-вторых, аффиксы не являются обязательными для всех глаголов данной ЛСГ. Так, И.А. Крылова отмечает, что значение нежелательной результативности выражается с помощью приставки *до-* и постфикса *-ся*: *докричаться, дошуметься, досоветоваться* и др. [Крылова 1996: 24–25].

Более детальную классификацию префиксальных глаголов говорения предлагает Н.М. Шишкина, которая указывает на то, «что глаголы говорения активно сочетаются практически со всеми приставками в русском языке» [Шишкина 2004: 35]. Причем в отличие от И.А. Крыловой исследователь предлагает детальное описание семантики пятнадцати приставок в их употреблении с словообразовательными суффиксами и постфиксами (*вы-, до-, за-, на-, недо-, о- / об-, от- / от- + -ся, пере-, по-, под-, при-, про-, раз- / рас-, с- + -ся, у-*), каждая из которых может репрезентировать одновременно несколько значений.

Рассмотрим некоторые из них.

Например, **вы-** – прилагать усилия, получить желаемую ценность: *выпросить, выпросить* и сделать звук доступным для слуха: *высказать, выговорить, вымолвить*; **при-** – неполная или слабая мера действия: *приврать, прилгнуть*; **при-** + суффиксы *-ыва-* / *-ива* – сопутствующее действие: *приговаривать, пришептывать*; **про-** – действовать непрерывно, без остановки в течение какого-то отрезка времени: *проговорить, проболтать, пролепетать* (см. также параграф о прототипических глаголах говорения, где данная приставка служит способом перехода от одного грамматического вида к другому); **про-** + постфикс *-ся* – выполнить действие, обозначающее утрату: *проговориться, проболтаться* [Шишкина 2004: 35–37]. Ср. приставку **про-** в глаголе *прохохотать*,

в которой глагол *хохотать* метонимически переосмысливается и встраивается в соответствующую семантическую модель приставки [Кронгауз 2005: 174].

Таким образом, префиксальные глаголы говорения значительно расширяют исследуемый класс предикатов, внося дополнительные значения, которые иногда противоположны основному значению глагола, ср.: *говорить*, *оговорить* (делать во вред адресату) и *обговорить* (делать информацию доступной для всех); *говорить*, *заговорить* (начинательность) и *заговориться* (крайняя степень действия). Это направление лингвистического исследования требует специального изучения и лишь отчасти будет затрагиваться в настоящей работе.

Итак, в большинстве случаев рассмотрение метонимичных и метафоричных глаголов говорения выполнялось в ходе анализа других аспектов изучения глагольной лексики (см. об этом подробнее в [Агеева 1990; Ваулина 1994; Баранчеева 2007; Каменькова 2007; Анашкина 2003; 2011 и др.]) и только отдельные исследования [Цыганова 2008; Глаголы звуков животных 2015] посвящены рассмотрению глаголов, которые во вторичном узуальном значении могут метафорически репрезентировать речевую деятельность. Для дальнейшего описания системы глаголов говорения необходимо обратиться к анализу работ зарубежных и отечественных лингвистов с целью описания механизмов метонимии и метафоры и их влияния на когнитивную интерпретацию акта говорения в естественном языке.

1.2. Анализ основных направлений развития теории концептуальной метонимии и метафоры и ее современная интерпретация

На сегодняшний день интерес исследователей к изучению механизмов метонимии и метафоры не ослабевает, а напротив, усиливается: рассматривается специфика их функционирования в различных дискурсах, прагматическое применение, способность влиять на наше мышление, восприятие и оценку событий. Однако часть вопросов, связанных с изучением глагольной метонимии и метафоры, по-прежнему продолжают оставаться дискуссионными и требующими специального изучения.

В силу различных причин метонимия, в отличие от метафоры, оказывается менее изучена, хотя, по мнению многих отечественных и зарубежных ученых (см.: [Lipka 1990; Barcelona 1997; 2002; 2003; 2007; Taylor 1995; Шмелев 2008; 2019;

Агеева 1990; Сулейманова, Федорова, Беклемешева 2008; Сулейманова 2017; Трухановская 2009; Солодилова 2017 и др.]), метонимические процессы оказываются более значимыми для языка и мышления, чем метафорические, поскольку «метонимия вследствие лежащих в ее основе отношений смежности гораздо глубже коренится в когнитивно-семантических структурах, нежели метафора» [Солодилова 2017: 54]. На это указывал и Д.Н. Шмелев, отмечая, что «метонимический перенос отличается большей организованностью и продуктивностью» [Шмелев 2008: 223–224].

1.2.1. Интерпретация концептуальной метонимии и метафоры в зарубежной традиции

Одними из первых ученых, обратившихся к изучению метафоры и метонимии в рамках когнитивной лингвистики как категории мысли в зарубежной лингвистике, можно считать Дж. Лакоффа и М. Джонсона с их известной работой «*Metaphors We Live by*». Для Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафора – это не только и не столько образное средство языка, сколько феномен мышления и культуры.

Дж. Лакофф и М. Джонсон в качестве основания метафорического переноса выделяют сосуществование двух когнитивных областей – *исходного* и *целевого* доменов. При таком семантическом переносе происходит «метафорическая проекция», в ходе которой часть домена-цели структурируется по образцу домена-источника [Lakoff 1991; 2003; 2006; Лакофф 2004; Лакофф, Джонсон 2004]. Отметим, что метонимию авторы рассматривают преимущественно на фоне метафоры (метонимия рассмотрена только в одной из 30 глав), подчеркивая необходимость разведения этих понятий и указывая, что они являются разными видами процессов [Лакофф, Джонсон 2004: 62].

Ученые убедительно продемонстрировали неоправданность исключительно литературоведческого подхода к рассмотрению метафоры и метонимии. По их мнению, сама система понятий, которыми мы оперируем в повседневной жизни, метафорична по своей природе. Как указывает А.Н. Баранов, основная функция метафоры как способа постижения одной вещи в терминах другой заключается в обеспечении понимания, тогда как метонимии присуща в основном референциальная функция (в ее случае одна сущность используется для отсылки к

другой) [Баранов 2004]. Ср. также мнение, согласно которому метонимия определяется как «когнитивный процесс, в котором одна концептуальная сущность, носитель, обеспечивает ментальный доступ к другой концептуальной сущности, цели, в рамках тех же идеализированных когнитивных моделей (ИКМ)» [Radden, Kövecses 1999: 19–21; Barcelona 2003: 4].

На референтный характер метонимии указывалось в ряде работ [Арутюнова 1990; Новиков 1996; Croft 2006; Warren 2002; 2006; Lakoff, Turner 1989 и др.]. Ср. мнение Б. Уоррен, которая разделяет метонимию на пропозициональную и референциальную [Warren 2002; 2006]. Как указывает автор, в случае пропозициональной метонимии упоминание состояния / события А будет также передавать состояние / событие Б (поскольку в норме если А истинно, то и Б обычно истинно); в случае референциальной метонимии говорящий предполагает, что упоминание некоторого признака, выделяющегося в контексте данного объекта (или объектов), на которые он хочет сослаться, позволит собеседнику идентифицировать его (или их) [Warren 2006: 10].

Однако, как представляется, сведение метонимии исключительно к выполнению референциальной функции сужает ее понимание, тем самым находясь в противоречии с представлением о ней как о могущественном когнитивном инструменте в сфере концептуализации категорий (см.: [Barcelona 2002; Radden, Kövecses 1999 и др.]). Например, К.-У. Пантер и Л. Торнбург считают, что метонимия включает не только референциальное использование языка, но и широко распространена в предикациях и речевых актах [Panther, Thornburg 1999: 335]. А. Барселона в этой связи указывает, «что метонимия не должна рассматриваться как обязательно ограниченная актом референции, однако в метонимиях для отдельных лиц (см. [Lakoff, Jonson 1980]) это наиболее частая «ограниченная дискурсивно-прагматическая цель», для которой они используются» [Barcelona 1997: 26].

Несмотря на универсальность теории концептуальной метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, она не развивает вопросы вариативности метафоры. В данном направлении их теорию логично дополнил Дж. Грейди [Grady 1997], предложив теорию примарной метафоры (ТПМ). Так, согласно выдвинутой концепции опыт человека становится источником

примарных, или примитивных метафор, которые, объединяясь друг с другом, формируют комплексные метафоры. По мнению З. Ковечеша, именно на уровне таких метафор и наблюдается наибольшая вариативность, поскольку примарные метафоры, несмотря на совпадение во многих языках, находят в них разное выражение в силу тех или иных причин [Kövecses 2005: 82; 2010].

Позднее Дж. Лакофф и М. Тернер уже отмечали необходимость разведения метафоры и метонимии. Свою точку зрения они аргументировали частыми случаями смешения метафоры и метонимии (см.: метафтонимия / «блендинг») [Lakoff, Turner 1989: 108]. Ученые указывают, что основное расхождение между этими когнитивными механизмами заключается в том, что при метафорическом переносе проецирование происходит в рамках двух доменов, один из которых понимается в терминах другого, а в случае метонимического переноса задействован один домен, внутри которого и происходит метонимический перенос [Lakoff, Turner 1989]. Интерпретацию когнитивной метонимии как сдвига в пределах одного домена разделяют также и другие исследователи [Croft 2006; Barcelona 2002; Radden, Kövecses 1999; Radden 2002; Kövecses 2010 и др.]. Б. Уоррен в этой связи отмечала, что подобный взгляд близок к традиционному пониманию метафоры и метонимии, в котором метафора основана на нахождении сходства в различии, а метонимия основана на смежности [Warren 2006: 18].

Дж. Тейлор рассматривает метонимию как доминирующий когнитивный процесс, лежащий в основе образования метафоры и как один из самых фундаментальных процессов расширения смысла, даже более фундаментальный, чем метафора [Taylor 1989: 124; 2002]. Для него «смысл метонимии заключается в возможности установления связи между сущностями, которые сосуществуют в рамках данной концептуальной структуры» [Taylor 1989: 123]. Ученый, сравнивая между собой метафорические понятие вертикали и понятия количества, оценки и силы, ср.: метафоры Больше – Вверх, Сила – Вверх, считает их чисто метонимическими. Он объясняет это тем, что когда объект становится выше, а количество субстанции увеличивается, происходит замена одного аспекта другим, в ходе которого метонимические формы «расширяют» основу для метафоры [Taylor 2002].

В. Крофт рассматривает *доменные матрицы*, включающие в себя комбинации доменов, внутри которых может происходить метонимический перенос [Croft 1993; 2006: 273, 281], ср., например, Пушкин как человек и как автор: *прочитать всего Пушкина*, т.е. прочесть все литературные произведения, написанные Пушкиным.

Интерпретация метонимии как сдвига внутри доменной матрицы получила дальнейшее развитие и была положена в основу новых определений метонимии (см., например: [Barcelona 2002]). Ф. Руиса де Мендоса, рассматривая возможность действия метонимических механизмов между доменами одной матрицы (доменом-источником и доменом-цели), различает два основных типа метонимии: в первом случае домен-источник является субдоменом цели (*source-in-target*), ср.: *клавишник не придет сегодня на репетицию* (метонимический перенос *инструмент – музыкант, играющий на нем*), во втором – цель является субдоменом источника (*target-in-source*), ср. *давай выпьем еще бутылку* (перенос ,) [Ruiz de Mendoza 2007: 13]. По мнению исследователя, данные комбинации могут приводить к двойному метонимическому сдвигу и соотноситься с двумя основными когнитивными операциями – расширением домена (*domain expansion*), ср. пример Н.С. Трухановской *Пушкин лежит на столе* (о книге) и сужением домена (*domain reduction*), ср.: *Пушкин тяжело читается* (об авторе) [Трухановская 2009: 42].

Идею объединения метонимии и метафоры в единое целое высказали М. Тернер и Ж. Фоконье, которые отмечали их способность выступать как концептуальная интеграция (или «блендинг»), под которым авторы понимали когнитивную операцию, в ходе которой происходит объединение двух ментальных пространств в единое целое (детальный анализ механизмов концептуальной интеграции см. в [Fauconnier, Turner 1994; 1996; 1998; 1999; Turner, Fauconnier 1995]). Ср. пример бленда, предложенный авторами: *Если бы Клинтон был Титаником, то утонул бы айсберг*, где происходит объединение двух исходных ментальных пространств, в которых президент соотносится с кораблем, а скандал с айсбергом. Таким образом, в смешанном пространстве конструируется новая структура, приносящая совершенно противоположный смысл: *Титаник не потопляем, а утонуть может только айсберг* [Turner, Fauconnier, 2000/2003]. Как

справедливо замечают А.П. Чудинов и Э.В. Будаев, «эта “невозможная” структура не доступна из исходных пространств, она конструируется в бленде» [Чудинов, Будаев 2007: 20–21].

Системно взаимодействие между когнитивной метафорой и метонимией было рассмотрено Л. Гуссенсом [Goossens 1990; 1995; 1999; 2003] и А. Барселоной [Barcelona 1997; 2003]. Л. Гуссенс выделяет три типа метафтонимии: **метафора из метонимии** (*огрызаться – отвечать в грубой форме*), где одновременно предполагается быстрое сжатие челюстей (метонимия) и перенос поведения животного в эмоциональную сферу человека (рычание); **метонимия внутри метафоры** (*прикусить язык*), где образное действие метафорически проецируется на реальную ситуацию лишения способности говорить; **метафора внутри метонимии** (*встать на дыбы*), где сфера-источник «встать, подняться» метонимически замещает выражение «участвовать в общественных обсуждениях» и смешивается со сферой физиологии животных, таким образом, данное выражение представляет объединение базисных метонимических элементов и метафоры [Goossens 2003].

А. Барселона указывает, что существует два вида взаимодействия между метафорой и метонимией: 1) взаимодействие на концептуальном уровне и 2) текстовое совместное создание метафоры и метонимии в одном языковом выражении. Как представляется, наиболее важным из них является взаимодействие на концептуальном уровне. На этом уровне в основном существует два типа метафоро-метонимического взаимодействия: а) метонимическая концептуальная мотивация метафоры и б) метафорическая концептуальная мотивация метонимии.

Как отмечает А. Барселона, большое количество метафор имеют метонимическую основу, например, метафора *Закипать от гнева* в примерах *Я достиг точки кипени; Она вся вскипела; Когда я сказал ему, он просто взорвался*. По словам ученого, эта метафора мотивирована группой метонимий, в которых определенные физиологические эффекты гнева выступают в роли этой эмоции [Barcelona 1997; 2003: 10].

Другим направлением исследований является изучение того, насколько метонимия может быть мотивирована метафорической сетью языка, ср. метафорические переносы типа *громкая музыка / громкий цвет; сладкий торт /*

сладкая музыка; черная ткань / черное настроение, где, по мнению А. Барселоны, метонимическое представление громких звуков как звуков, которые заставляют обратить на себя внимание, мотивирует отображение на яркие, эффектные («громкие») цвета, которые заставляют обратить на себя внимание [Barcelona 1997: 30]. Ср. также схожий пример *She caught the minister's ear*, рассмотренный в [Goossens 1990; Barcelona 2003; Kuczok 2016], где метонимия *Слух как внимание* основана на метафоре *Внимание как физическая сущность*.

Второй вид взаимодействия представляет собой объединение метафоры и метонимии в одном языковом выражении. Это происходит, когда метонимия концептуально независима от метафоры, и их совместное появление связано с простым текстовым совпадением [Barcelona 1997: 31]. Ср. пример А. Барселоны: *The ham sandwich started snarling* (*бутерброд с ветчиной начал рычать* – перевод мой – *Е.В.*), где происходит объединение метафоры *Люди как животные* и метонимии типа *Потребляемый товар – клиент*. Ученый указывает, что этот пример наглядно демонстрирует, что метонимия и метафора концептуально независимы друг от друга. Данный факт легко обнаружить в отношении метонимии, рассмотрев известный пример *The ham sandwich is waiting for his check* (*Сэндвич с ветчиной ждет своего чека* – перевод мой – *Е.В.*), где это выражение будет относиться к гневному поведению клиента, который купил сэндвич с ветчиной. Что касается метафоры, достаточно заменить субъект в данном примере, чтобы понять, что метафора в этом случае концептуально не зависит от этой метонимии: *John started snarling* (*Джон начал рычать*) [Barcelona 2003: 12].

М. Кучок, рассматривая взаимодействие метафоры и метонимии в конструкциях типа существительное + существительное на примере английского языка, обобщил ряд ключевых работ в области изучения когнитивной метонимии и метафоры (см: [Benczes 2006; Fauconnier, Turner 2002; Ruiz de Mendoza, Díez Velasco 2002 и др.]). По мнению исследователя, значение таких конструкций может быть мотивировано механизмами концептуальной метафоры или метонимии, а иногда и тем, и другим в процессе, называемом метафтонимией [Kuczok 2016: 193].

Таким образом, спустя 40 лет после публикации книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», в которой, как указывалось ранее, обсуждение концептуальной метонимии заняло лишь одну главу, за последние

годы тенденции, как в отечественной, так и в зарубежной науке, кардинально изменились. Никто уже не подвергает сомнению тот факт, что «метонимия есть часть обыденного, повседневного способа мышления и действия, а также речи» [Lakoff, Jonson 1980: 37]. Одним из первых шагов к этому стала публикация сборника статей «Metonymy in Language and Thought» [Panther, Radden 1999], представляющего «отчет» о метонимических исследованиях, имеющих различную дисциплинарную и теоретическую основу в области лингвистики, психолингвистики, психологии и литературоведения. Далее был опубликован целый ряд исследований, посвященных таким значимым для языка и мышления явлениям, как когнитивная метонимия и метафора: «Metaphor and metonymy at the Crossroads» [Barcelona 2003/2000], «Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast» [Dirven, Pörings 2002], «Metonymy and Pragmatic Inferencing» [Panther, Thornburg 2003], «Metonymy and Metaphor in Grammar» [Panther, Thornburg, Barcelona 2009], «Defining Metonymy in Cognitive Linguistics» [Benczes, Barcelona, Ruiz de Mendoza 2011], Conceptual Metonymy: Methodological, theoretical, and descriptive issues [Blanco-Carrión, Barcelona, Pannain 2018] и др., которые подтвердили гипотезы о концептуальной природе метонимии, поднятые и впервые подробно рассмотренные в работе К.-У. Пантера и Г. Раддена «Metonymy in Language and Thought» (1999). Тем не менее, по ряду вопросов сохраняется ряд значимых разногласий. Например, одна из главных проблем возникает из-за утверждения, что метонимия действует в пределах одной концептуальной области, тогда как метафора соединяет две разные концептуальные области [Barcelona 2011]. Также до сих пор не решены вопросы, поднимаемые в рамках настоящего исследования и связанные с классификацией глагольной метонимии и метафоры, репрезентирующей акт говорения в естественном языке. Предпринятые попытки применения имеющихся типологий, например, в [Толмачева 2018: 148], не предлагают исчерпывающей систематизации и скорее представляют собой первые шаги по описанию отдельных глаголов говорения, не объединенных в лексико-семантическую группу. Базовой моделью образования вторичного значения «говорение», по мнению автора, является метонимическая модель «Часть – Целое», которая проявляется как обозначение сложного действия (целое) через один из его этапов (часть) [Толмачева 2018: 150]. Ср. более точное определение метонимии

через постулирование «неслучайной» связи между соотносимыми сущностями, а также разделение метонимии на два базовых типа – причинно-следственную и обстоятельственную [Грамматические аспекты перевода 2010], что позволяет получить более точные семантические описания рассматриваемых в диссертации глаголов говорения (об этом см. ниже).

Помимо этого, проблемой является сложность идентификации метонимических переносов в сфере предиката, ср.: метонимичный глагол *мямлить* => *говорить мямля, т.е. невнятно, нечетко, медленно, вяло, едва шевеля губами*. Метафорические переносы, напротив, легко идентифицируются рядовыми носителями языка, ср., например, глаголы *взорваться, прошипеть, отмахнуться, рывкнуть, реветь* и др., в ходе которых информация из одного домена понимается в терминах другого, ср.: глагол *реветь* = *издавать протяжный громкий крик, рев (о животных)* => *громко петь, кричать неистовым голосом; сильно плакать, уподобляясь животному*. Как видно из рассмотренного материала, при глагольной метонимии перенос происходит на основе «неслучайной» связи (об этом см. ниже), возникающей в рамках одной концептуальной области, тогда как при глагольной метафоре семантический сдвиг происходит между двумя концептуальными областями на основе их звукового или иного сходства.

1.2.2. Интерпретация концептуальной метонимии и метафоры в отечественном языкознании

Отметим, что в отечественном языкознании многие из положений, получивших развитие в зарубежных концепциях, были известны давно. Так, например, идея взаимосвязи языка и мышления в трудах отечественных лингвистов не подвергалась сомнению, а регулярность семантических переносов в зависимости от некоторого исходного образа отмечалась (еще до Дж. Лакоффа) такими исследователями как В.Г. Гак, Р.Б. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Д.Н. Шмелев и др.

Е.В. Рахилина справедливо отмечает, что в то же время наблюдается и принципиальная разница в методах: так, в зарубежной когнитивной лингвистике широко используется интроспекция и опрос испытуемых, тогда как в отечественной семантике до некоторого момента основным методом оставался анализ лексической сочетаемости [Рахилина 2000: 16]. Кроме того в отечественном

языкознании возникло «национальное» направление когнитивистики, занимающееся исследованием концептов и концептосфер, к которому традиционно относятся исследования, выполненные такими известными лингвистами, как Ю.С. Маслов, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Н.Н. Болдырев, А.П. Бабушкин и др.

Так, А.М. Плотникова отмечает, что в рамках отечественной когнитивной лингвистики возник целый ряд пограничных направлений [Плотникова 2005]. Среди них можно выделить:

1) лингвокультурологический подход к исследованию способов репрезентации знаний в разных языках с акцентом на национальной специфике языковых средств (см.: Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин, А. Вежбицкая, Н.Ф. Алефиренко, В.Н. Телия, В.А. Маслова, С.Г. Тер-Минасова и др.) и проблемах межкультурной коммуникации (Д.Б. Гудков, В. В. Красных, И. А. Стернин и др.);

2) семантический подход, исследующий специфику концептуального содержания языковых единиц (А.Н. Бабушкин, О.Н. Селиверстова, О.А. Сулейманова, И.А. Стернин, З.Д. Попова и др.);

3) психолингвистический подход, исследующий процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотнесенности с системой языка (В.А. Пищальникова, Е.В. Лукашевич, В.П. Глухов, А.А. Леонтьев и др.);

4) гипотетико-дедуктивный подход (Ю.С. Степанов, О.Н. Селиверстова, О.А. Сулейманова и др.).

Отметим также, что схожие с зарубежными лингвистами идеи развивали в своих трудах и отечественные ученые (см.: [Кубрякова 1992; Кононова 1998; Бадеева 2004; Филатова 2004; Падучева 2004а; 2004b; Баранчеева 2007; Архипкина 2007; Рунова 2007 и др.]). Например, Е.С. Кубрякова указывает на исключительную роль метонимии в процессах мышления, поскольку «увлеченные метафорой и посвятившие ей столько публикаций, мы как бы отодвинули на задний план метонимию» [Кубрякова 1992: 89–90].

А.К. Бирих, рассматривая метонимию (а также ее частый случай – синекдоху) в сфере существительных и прилагательных, основное внимание уделяет семантическому механизму метонимических переносов, особенностям их реализации в различных лексико-семантических группах слов, иерархической

организации метонимических конструкций в семантической структуре слова, а также выявлению ограничений на развитие метонимии в зависимости от лексико-грамматической и частеречной отнесенности слов [Бирих 1995]. Автор предлагает широкий перечень метонимических моделей имен существительных и прилагательных в современном русском языке. Среди предметной метонимии А.К. Бирих выделяет пространственную, каузальную (причинно-следственную), атрибутивную, временную и квантитативную (количественную) метонимию [Бирих 1995: 172–179]. Однако вне поля зрения ученого остаются метонимические переносы в значении глагола, хотя исследователь отмечает их возможность у существительных, образованных от соответствующих глаголов, ср.: *литье* (металла) = > *литье* (из бронзы), *редакция* (редакция протокола) = > *редакция* (члены редакции), *обивка* (обивка мебели тканью) = > *обивка* (кожаная обивка) и др.

О.Н. Чарыкова, исследуя роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте, выделяет некоторые типы глагольной метафоры (субъектная, объектная, адвербиальная и ситуативная) и отмечает способность глагольной метафоры репрезентировать когнитивную структуру не отдельных концептов, а целостных экстралингвистических ситуаций в совокупности их компонентов [Чарыкова 2000].

Л.В. Архипкина, анализируя соматические фразеологические единицы (СФЕ) в немецком языке, исследует метафорические и метонимические модели их образования в направлении от языковой ситуации к концепту и от концепта к языковой ситуации [Архипкина 2007]. В процессе образно-схематического моделирования СФЕ автор выясняет, что наиболее распространенными являются структурная метафора и ее подвид – метафора контейнера, менее употребительна – метафора пространственной ориентации. Распространенным типом метонимии является переосмысление частей тела в качестве *часть – целое* и подвиды метонимии *предмет* вместо *типичного аспекта деятельности* (*рука* вместо *действие*, *глаза* вместо *зрение* и др.) [Архипкина 2007].

Л.В. Архипкина также отмечает случаи, когда два типа переноса значения, одновременно интерпретируются как с точки зрения метафоры, так и с точки зрения метонимии, образуя метафтонимию, ср.: *mit halbem Ohr hinhören / zuhören*

(пример Л.В. Архипкиной), где актуализируются структурная метафора контейнера *ухо – контейнер* и метонимия *ухо* вместо *слух* [Архипкина 2007]. Таким образом, исследователь затрагивает возможность интеграции метонимии и метафоры в единую структуру, а также выделяет некоторые значимые типы метонимических переносов, хотя и не рассматривает метонимию в сфере предикатов.

Н.В. Рунова, взяв за основу концепцию З. Ковечеша и Г. Раддена [Radden, Kövecses 1999], значительно расширяет существующие представления о метонимии и рассматривает процесс метонимизации в трех основных онтологических областях (ИКМ) – знаковой, референтной и концептуальной (см. также эту типологию в [Radden, Kövecses 1999] и [Милькевич 2016: 206–210]). Исследователь указывает, что ключом к пониманию механизмов метонимического проецирования является интеграция различных направлений исследований, в частности, теории прототипов [Kövecses 1998] и концептуальной семантики [Taylor 1989; Dirven 2002 и др.] с позиций традиционных когнитивных схем, таких как фрейм и сценарий [Рунова 2007: 7].

И.М. Кобозева отмечает, что в отличие от метафоры «метонимия же представляет собой перенос языкового выражения, соответствующего одному из элементов когнитивной структуры, на другой ее элемент и тем самым при метонимическом переносе сознание остается в пределах одной концептуальной области» [Кобозева 2002], тогда как при метафорическом переносе происходит проекция одной концептуальной области на другую, своего рода экспансия концептов области-источника, в результате которой происходит захват и освоение ими новой области – области цели [Кобозева 2002].

Е.В. Падучева рассматривает метонимический перенос как сдвиг фокуса внимания при описании одной и той же ситуации, когда какой-то элемент подчеркивается и выделяется, а другой остается в тени, что связано с актуализированными отношениями типа причина-следствие, часть-целое и др. [Падучева 2003; 2004а; 2004б]. Исследователь также выделяет особый тип метонимического переноса на основе явления, называемом ученым диатетическим сдвигом и расщеплением, ср. *пробить дыру в стене – пробить стену, уложить вещи в чемодан – уложить чемодан, ветер хлопает дверью – дверь хлопает*

(примеры Е.В. Падучевой), когда в фокус внимания попадает то один, то другой участник ситуации, обозначаемый глаголом [Падучева 2003].

М.А. Кронгауз под метонимией понимает «использование слова по отношению к новому внеязыковому объекту, смежному со старым денотатом во времени и пространстве или вовлеченному с ним в одну ситуацию, иными словами, перенос наименования одного объекта на другой по смежности» [Кронгауз 2005: 129]. Рассматривая метонимические переносы наряду с метафорическими, ученый отмечает, что данные механизмы хотя и являются особыми типами окказиональной номинации, однако выполняют важную для речи и для языковой системы функцию, поскольку используются для образования переносных значений и являются отношениями между значениями одного слова [Кронгауз 2005: 129].

Ученый в большей степени рассматривает субстантивную метонимию, однако косвенно затрагивает возможность метонимического переноса в значении глагола, обусловленной, в частности, переосмыслением глагольной основы и продуктивностью приставки. Так, анализируя продуктивность приставки *про-* в глаголе *прохихотать*, ученый приходит к выводу о возможности метонимического переноса значения, при котором глагол переосмыляется и встраивается в соответствующую семантическую модель приставки [Кронгауз 2005: 174].

А.Н. Баранов разрабатывает дескрипторную теорию метафоры, представляющую собой попытку переосмысления идей Дж. Лакоффа и М. Джонсона для описания большого корпуса контекстов, а не отдельных метафор. При помощи компьютерных методов обработки языковых данных исследователь создает формализованный аппарат для описания и инвентаризации метафор отдельных дискурсов или их замкнутых фрагментов, в частности, применяет теорию для описания метафор в области политической лингвистики в русском и немецком языках, приводит примеры применения вводимого инструментария для описания коррупции, бизнеса и власти [Баранов 2014].

А.П. Чудинов и Э.В. Будаев рассматривают историю возникновения и развития одного из динамичных направлений современной лингвистики – политической метафорологии и стремятся не только выявить истоки возникновения современной теории политической метафоры, но и

продемонстрировать методологический аппарат, который применяется в исследованиях по метафорологии [Чудинов, Будаев 2007].

А.Л. Новиков, используя разработанный им метаязык описания, базирующийся на понятии функции, строит типологию метонимических переносов в значении имен существительных, основанную на функциональной иерархии операторов смысловой структуры метонимов (метонимически структурированных слов) [Новиков 2002]. Хотя позднее исследователь предлагает классификацию метонимии в сфере прилагательных и глаголов (см. [Новиков 2003]), однако предлагаемые ученым метонимические модели, ср.: *копать землю – копать яму*, на наш взгляд, представляют собой метонимический перенос в значении существительного, так как сам глагол *копать* не меняет своего значения.

Е.В. Рахилина, О.С. Карпова и Т.И. Резникова на базе корпусного исследования рассматривают метонимические и метафорические сдвиги в сфере русских качественных прилагательных в атрибутивных конструкциях [Рахилина, Карпова, Резникова 2009]. Авторы отмечают, что регулярные модели метафорических и метонимических переносов согласуются с уже известными и, по-видимому, типологически широко представленными моделями семантических переносов, рассмотренных ранее в целом ряде работ (см., например: [Peirsman, Geeraerts 2006]).

В качестве особого имплицативного механизма образования значения, отличного от метафоры и метонимии, ученые выделяют особый тип семантического перехода – **ребрендинг** (см. также [Рахилина, Резникова, Карпова 2010]). Под данным процессом исследователи понимают случаи, когда при транскатегориальном метонимическом переносе наречие меняет свое значение, ср.: *дружно ненавидеть, дружно врать*, где пропадает идея дружеских отношений и появляется идея одновременности действия [Рахилина, Карпова Резникова 2009]. Ср. также *грубо ошибся* и *криво объяснять*, где в первом случае исчезает идея грубого поведения, тогда как во втором – идея неровной формы, отличной от прямой линии.

По мнению Е.В. Рахилиной, О.С. Карповой и Т.И. Резниковой, в каждом из примеров возникающее значение является выводом, или **имплицатурой**, исходного значения. Так, *Криво пришить* означает неровность результата, из чего

следует отрицательная оценка результата. *Дружно играть* подразумевает успешную кооперацию в некоторой области социальной деятельности, предполагающую, что каждый из участников совершает сходные действия, откуда и рождается идея одновременного выполнения действий [Рахилина, Карпова, Резникова 2009].

Как отмечают ученые, ни один из указанных выше примеров не укладывается в стандартные представления о метафоре или метонимии. Например, в случаях типа *кривое объяснение / кривой нож* имеет место явная мена семантического домена (*кривой*: форма => отрицательная оценка), поэтому их нельзя рассматривать как метонимию (при которой новое значение остается в той же семантической зоне, что и исходное) [Карпова и др. 2011: 293]. В то же время эти переходы нельзя отнести к метафорам, в основе которых лежит уподобление домена-цели домену-источнику, ср.: *здоровый кусок / здоровая палка*, где данные физические объекты не наделяются признаками одушевленного существа, и сам признак существенно изменяется, не сохраняя свое исходное содержание [Карпова и др. 2011: 294].

В других работах исследователи допускают возможность имплицативных переходов и в значениях некоторых глаголов [Кюсева, Рахилина, Рыжова 2015: 338–339], ср. *брехать* – врать; *гудеть* – пить и гулять, веселиться (о большой и шумной компании), ср.: *Я не помню, сколько дней мы гудели* (А. Белянин. Свирепый ландграф, 1999), где рассматриваемое интерпретационное значение глагола восходит к частотным метонимичным употреблением типа *толпа гудела* со значением ‘шуметь – о помещении, в котором одновременно и громко разговаривает большое количество людей’, которое затем через импликацию получает новое значение ‘шумная компания → гулянка и веселье’, ср.: *Зал гудел, как муравейник. Готовились к молебну* (В. А. Гиляровский. Москва и москвичи, 1926–1934).

Среди отечественных лингвистов связь метонимии и метафоры отмечали С.А. Хахалова и О.С. Шарманова в целом ряде работ [Хахалова 2003; 2008; Шарманова 2011; 2012; 2016]. Опираясь на исследования зарубежных лингвистов, они отмечают возможность взаимодействия метафоры и метонимии в пределах одной концептуальной системы, когда «при проекции одного концептуального

домена на другой возможна активация одного из сегментов доменов и его переосмысление как смежного, или смежное проецирование сегментов одного домена требует дополнительно концептуального расширения по сходству. Такая интеграция метафоры и метонимии получила название «метафтонимии» [Шарманова 2016: 11–12].

Многие лингвисты отмечали, что метафорический и метонимический механизмы способны регулярно взаимодействовать. Так, например, метафора типа *Он закипел от гнева* представляет собой «бывшую» метонимию, прошедшую следующие этапы переноса способа концептуализации с тела на гнев: «жидкость-кровь => жидкость-гнев, жар-тело => жар-чувство» [Илюхина 2005: 146].

О.А. Сулейманова и Н.Н. Беклемешева, рассматривая в первую очередь переводческую метонимию, указывают на то, что регулярные метонимические переносы создаются на основе принципа *неслучайной связи*. По их мнению, метонимия может быть рассмотрена как языковой механизм замещения слова другим, находящимся с ним в определенного рода (неслучайных) отношениях, ср.: *Дима обсуждал интересную книгу в своем классе. Он дружит с автором*, где наличие неслучайной связи между книгой и ее автором делает последовательность предложений осмысленной и логичной [Сулейманова, Беклемешева 2009: 89]. Ср. также *Дима обсуждал интересную книгу в своем классе. Он дружит с пилотом*, где отсутствие связи между книгой и летчиком делает последовательность высказывания бессмысленной [Сулейманова, Беклемешева 2009: 89].

А.Н. Еремин и О.О. Петрова, исследуя субстантивную [Еремин, Петрова 2018] и адъективную метонимию [Еремин, Петрова 2019а] в современном русском языке, предлагают описание большого количества моделей метонимических переносов в сфере существительных и прилагательных. Авторы указывают на организованность и конструктивную обусловленность метонимических переносов, которые могут организоваться как: а) цепочные схемы; б) радиальные схемы от исходного прямого или метонимического значения; в) как смешанные схемы; в) как радиальные схемы, организованные от общего инвариантного смысла [Еремин, Петрова 2018: 8]. Однако отметим, что авторы не разделяют метонимию на узкую и языковую и не выделяют синекдоху как часть метонимии (хотя метонимические переносы типа *часть – целое* в работе рассматриваются). Кроме

того, вне поля зрения исследователей оказываются метонимические переносы глаголов, что снова указывает на сложность их выделения и интерпретации.

Таким образом, метонимия и метафора могут рассматриваться, с одной стороны, как способы развития у слова новых значений (явление полисемии), которые в итоге могут получить фиксацию в словаре (узуальные метафоры и метонимии). С другой стороны, оба феномена представляют собой регулярные модели семантических переносов, при которых глаголы используются метонимически и / или метафорически и в их значении данные сдвиги не зафиксированы [Грамматические аспекты перевода 2010]. Так, только наличие базовых знаний о том, что существует модель регулярного метонимического переноса *вместилище (территория) – совокупность людей* позволяет правильно интерпретировать высказывание, ср.: *Все болото только об этом и говорило*, где вероятность развития соответствующего значения у существительного *болото* практически равна нулю (см. об этом ниже).

Как показал анализ работ, вопросы, связанные с изучением глагольной метонимии, остаются по-прежнему нерешенными, а ее когнитивные основания не выявленными, поскольку в большинстве работ рассмотрению подвергаются преимущественно модели метонимии существительных и прилагательных. В связи с этим возникает потребность в специальном исследовании всей системы глагольной метонимии и метафоры, и, в частности, сферы человеческой коммуникации, репрезентируемой глаголами речевой деятельности.

1.2.3. Метонимия в сфере предиката

Как упоминалось ранее, способность глагола метонимически и метафорически репрезентировать денотативные ситуации отмечали многие исследователи. Например, у Д.Н. Шмелева встречаются примеры глагольной метонимии: *рубить поленья* и *рубить дрова*, где, по утверждению ученого, в одном случае объектом является предмет, подвергаемый воздействию, в другом – в качестве объекта выступает обозначение предмета, создаваемого соответствующим действием [Шмелев 2019: 99]. Как представляется вместе с тем, здесь взаимодействуют два объекта – *поленья* и *дрова* как результат действия и как объект действия глагола *рубить*, тогда как сам глагол не представлен в двух значениях, соотносимых метонимически [Грамматические аспекты перевода 2010:

107]. Подобные метонимические переносы свойственны и другим глаголам, ср.: *косить траву* и *косить сено*; *копать глину* и *копать яму*; *рыть землю* и *рыть окопы*; *варить рыбу* и *варить уху*; *варить ягоды* и *варить варенье*; *рисовать (лепить) кого-либо* и *рисовать (лепить) портрет*; *разжечь хворост* – *разжечь костер* и т. п. [Шмелев 2019: 99].

При этом, как отмечает Д.Н. Шмелев, далеко не всякое использование слова на основе ассоциации по смежности может быть расценено как появление у слова нового значения [Шмелев 2019]. Так, обозначение совокупности людей словом, обозначающим место, где они живут, работают и т.д. не всегда является результатом того, что данное слово получило соответствующее метонимическое значение, ср. приводившееся выше высказывание: *Все болото об этом только и говорило*, где существительное *болото* является регулярным метонимическим переносом, который не закреплен в словаре. Ср. также: *Вся аудитория молчала, зал аплодировал* и др., где у указанных существительных переносное значение «совокупность людей, находящихся в этом помещении» уже получило фиксацию в толковых словарях.

Таким образом, Д.Н. Шмелев одним из первых отметил регулярность метонимических переносов, которые, по его словам, «противостоят метафорическим именно своей большой “организованностью” и “продуктивностью” соответствующих моделей» [Шмелев 2008].

Н.С. Трухановская, рассматривая метонимический сдвиг глагола как способ концептуализации денотативной ситуации, утверждает, что «возникший в последнее время интерес исследователей к изучению явления глагольной метонимии обусловлен, как представляется, мнением, что метонимия проявляет себя в полную силу именно среди признаков слов, в частности, глаголов» [Трухановская 2009: 45; 2012]. Отчасти на это также указывала и Е.С. Кубрякова, говоря, что именно метонимия лежит в основе номинации глаголом целой ситуации, когда один или несколько компонентов ситуации, будучи обозначенными, проявляют способность вызывать в воображении ситуацию в целом. Глагол способен метонимически восстанавливать более сложные и развернутые структуры в памяти, создавая каркас будущего высказывания [Кубрякова 1992: 89].

Частично о глагольной метонимии писал Ю.Д. Апресян, выделяя случаи типа *натопить*₁ – нагреть топкой (*натопить печь*) и *натопить*₂ – кипятя или растапливая, приготовить в каком-нибудь количестве (*натопить воск, жир*); причем данные глаголы не являются омонимами, а представляют собой образованные метонимически единицы. Свою точку зрения автор обосновывает тем, что общий семантический компонент *жидкое* у глаголов *топить*₁ и *топить*₂ есть, но он выполняет разные роли в их семантических структурах [Апресян 1995а: 184–185]. Исследователь также рассматривает глаголы *дрожать*, *трепетать*, *трястись*, которые, по его мнению, метонимически связаны со значением «бояться», ср. глаголы *трусить*, *бояться*, *страшиться* [Апресян 1995а].

А.Л. Новиков на основе предложенного им понятия «метонимический классификатор» предлагает иерархическую классификацию метонимии в сфере прилагательных и глаголов в русском языке (см. [Новиков 2003]). Ученый указывает, что «метонимически организованный по своей структуре глагол соотносится с одним и тем же денотатом, но “выбирает” в нем различные сигнификативные аспекты, планы», ср.: *копать* землю – *копать* яму, где денотативная соотнесенность метонимических значений одинакова (одна и та же ситуация), а семантическое (сигнификативное) содержание различно (рытье земли и как «смежный» результат – выкапывание траншеи, ямы) [Новиков 1996: 74; 2003: 63]. Ср. также с точкой зрения Д.Н. Шмелева в случае *рубить* дрова – *рубить* поленья и др. [Шмелев 2019: 99].

Основным типом метонимического переноса у глаголов А.Л. Новиков видит отношение каузирования, отмечая, что другие разновидности глагольной метонимии носят достаточно частный характер [Новиков 1996; 2003], с чем, на наш взгляд, сложно согласиться (см. разделение глагольной метонимии на *причинно-следственную* и *обстоятельную*, а также ее типы в [Агеева 1990; Резяпова 1994; Козлова 2001; Грамматические аспекты перевода 2010; Чаплин 2019b и др.]). В рамках отношений каузации по принципу *действие – каузация действия / создания или видоизменения объекта* (в результате действия) ученый выделяет различные типы метонимических переносов, ср. *бурить* землю – *бурить* скважину; *валять* шерсть – *валять* из шерсти валенки; *выжать* лимон – *выжать* сок из лимона; *закрывать* (запирать) дверь на ключ – *закрывать*

(*запирать*) квартиру; самолет *летит* – пассажир *летит* (на самолете) и др. [Новиков 2003].

Отметим, что специального рассмотрения требуют выделенные исследователем метонимические переносы типа *теплоход проплывает мимо – пристань проплывает мимо*, где перемещение одного предмета передается как отраженное в другом, который отображается как движущийся, оставаясь при этом неподвижным [Новиков 2003: 65], или *поезд проносится с огромной скоростью – станция проносится мимо*, где движение передается с точки зрения пассажиров, относительно которых предметы метонимически изображаются как движущиеся, «текущие» в пространстве и времени [Новиков 1996] (см. также трактовку аналогичной ситуации в [Анашкина 2009: 127–131]).

Как отмечает Н.С. Трухановская, подобные случаи характеризуются сдвигом в восприятии изображения и могут интерпретироваться как *метафтонимии* (см.: [Goossens 1990; 2003; Barcelona 1997; 2003; Pauwels 1999; Шарманова 2011; 2016 и др.]), при которых одна и та же языковая единица функционирует как метафора (по сходству) и как метонимия (по смежности движущегося и неподвижных объектов) [Трухановская 2009: 59].

Таким образом, подобное рассмотрение глагольной метонимии представляется не вполне исчерпывающим, поскольку, во-первых, рассматривает в большинстве своем предметную метонимию, а не глагольную, во-вторых, охватывает только часть метонимических переносов, в-третьих, не демонстрирует глубинные связи, лежащие в основе метонимических преобразований, а именно **причинно-следственные и обстоятельственные** отношения.

О.А. Сулейманова и Н.Н. Беклемешева [Грамматические аспекты перевода 2010], рассматривая в первую очередь метонимию в сфере перевода, указывают, что глагольная метонимия сводится к двум разновидностям – *причинно-следственной* и *обстоятельной*. В первом случае между членами метонимической пары устанавливаются *причинно-следственные отношения* по следующим типам: **действие – результат / состояние**, ср.: *he is still here – он был еще здесь* (следовательно) *он еще не ушел*; **результат – причина**, ср.: *to smell: нюхать – пахнуть, He smells the flower и The flower smells well – цветы хорошо пахнут*, следовательно, *кто-либо их нюхает*; **причина – следствие / результат**,

ср.: *he always made you say everything twice* – (следовательно) *он всегда переспрашивал* и др. [Грамматические аспекты перевода 2010: 124, 130, 212]. Во втором случае акцент делается на замещении обозначения основного действия (*процесса, состояния* и т.п.) обозначением регулярно сопутствующего этому действию звукового, визуального или иного эффекта. Например, **звуковые эффекты** – *she hisses fiercely* (она яростно шипит) – *шипеть, издавая шипящие звуки*; **зрительное воздействие** – *to flash a smile* (вспыхнуть улыбкой) – *засверкать улыбкой*; **интенсивность, скорость протекания действия** – *to sip* (прихлебывать / потягивать) – *пить мелкими глотками (с характерным звуком)*; **внезапность действия** – *to jerk* (рвануть, дергать, дрыгать) – *резко свернуть*; **характерные действия и жесты, сопровождающие действие**: *to jog* – *бежать трусцой*, *to trot* – *пустить / бежать рысью* и др. [Грамматические аспекты перевода 2010: 125–126, 207, 208].

Как отмечают О.А. Сулейманова и Н.Н. Беклемешева, «эти вторичные (сопутствующие) параметры могут взять на себя функцию основных, и тем самым репрезентировать само событие, ситуацию» [Сулейманова, Беклемешева 2009: 91]. Ср., например, как данная особенность проявляется в глаголах говорения: *Боже мой, какой «угод»*, – *она очень смешно картавила* (С. Спивакова. Не все. 2002), где признак, сопутствующий акту говорения и вносящий информацию о «дефектном» исполнении события, замещает весь акт говорения. Тем самым мы снова возвращаемся к идее «неслучайной» связи между предикатами, находящимися в определенном роде неслучайных отношениях.

Н.Г. Агеева, исследуя типологию и механизмы глагольной метонимии на материале английского языка, предлагает разделять глагольные метонимии на *простую лексико-семантическую метонимию* и *осложненную лексико-синтаксическую метонимию*, различающиеся механизмами семантической деривации, свойствами и соотношениями исходного и производного значений [Агеева 1990]. Причем каждый тип метонимии исследователь разделяет на несколько подтипов.

Интересным представляется *коллигативная* метонимия, которая выделяется в рамках *лексико-семантической* глагольной метонимии. Данный тип метонимии основан на *совстречаемости / соположенности* действия (*процесса, состояния,*

отношения) с сопутствующим признаком, ср.: *Мы купим... – Покупайте чего хотите... – отмахнулся Корытин* (Б. Екимов. Пиночет, 1999), где глагол действия *отмахнулся* вносит информацию о внутреннем состоянии субъекта, проявляющемся в виде невербального жеста и соответствующего акта речи.

Как представляется, семантический сдвиг, лежащий в основе данного метонимического переноса, можно отнести к модели *состояние как причина – внешнее его проявление*, поскольку глагол *отмахнулся* акцентирует либо эмоции, сопровождающие производимые действия, ср.: *отвечать невнимательно, небрежно, легкомысленно оставлять что-либо без внимания*, либо состояние говорящего, которое сопровождается жестом, ср.: *недоволен, следовательно, отмахивается*.

Поясним, что глагол *отмахнуться* можно интерпретировать и как метафору, в которой метафорическое значение образуется на основе переноса из домена-источника (жест, действие) в домен-цель (акт говорения). Таким образом, границы между метафорой и метонимией достаточно трудноуловимы и нуждаются в специальном изучении. Однако прояснение подобных случаев будет возможно после построения общей теории метафоры и метонимии и, в частности, метафтонимии, которые не до конца разработаны к настоящему времени (см. также в практической части исследования описание семантики глагола *шипеть*, образованного по схожей модели).

Подобные модели, которые соотносятся с глаголами говорения, выражающими действие через сопутствующий признак, отражающий эмоции, выделяет Е.В. Анашкина. Исследователь указывает, что глагол действия при передаче прямой речи может осмысляться метонимически, ср.: *Oh no, I like it awfully, – laughed Ursula*, где глагол *to laugh* (смеяться) изначально не содержит в своем значении сему «говорения», но приобретает ее в конструкции с прямой речью. Таким образом, границы языковой ситуации, отраженной глаголом *to laugh*, расширяются за счет включения новой семы [Анашкина 2011: 373].

В рамках *осложненной лексико-синтаксической* глагольной метонимии значимой для настоящего исследования является *обстоятельная* метонимия. Данный тип глагольной метонимии, по мнению Н.Г. Агеевой, предполагает связь между действием и обстоятельствами его осуществления, т.е. производимое

действие может происходить путем экспликации обстоятельственного признака, сопровождающего данное действие, ср.: *тележка загрохотала по камням*, где действие *проехала* выражается через признак сопутствующего звука *с грохотом* [Агеева 1990].

Однако данное определение обстоятельственного типа метонимии представляется нечетким, размытым (ср. с определением в [Грамматические аспекты перевода 2010], где акцент делается на замещении обозначения основного действия (*процесса, состояния* и т.п.) обозначением регулярно сопутствующего этому действию звукового, визуального или иного эффекта). Так, метонимичные глаголы говорения наглядно демонстрируют этот тип переноса, ср.: *мямлить, картавить, шепелявить*, где процесс говорения представлен через сопутствующий признак – речевой дефект, который собственно и репрезентирует основное действие.

Н.Ф. Резяпова, анализируя прагматический аспект метонимии в немецкоязычных текстах кинокритики, также выделяет *обстоятельную* и *причинно-следственную* глагольную метонимии [Резяпова 1994]. Причинно-следственная метонимия предполагает отношения между исходным и производным значениями на основе каузальной связи типа *состояние как причина – внешнее его проявление*, ср.: *Warum erblassen Sie? Nein, beruhigen Sie sich* (здесь и далее примеры Н.Ф. Резяповой), где эмоциональное состояние человека *испуг* выражено по внешнему признаку *бледность*.

Обстоятельный тип глагольной метонимии, так же как представлено в исследовании [Агеева 1990], предполагает связь между действием и обстоятельствами его осуществления, ср. значение глагола *betrommeln*, где основное действие (*барабанить* + префикс *be-*, выражающий направленность действия на объект) описывается через экспликацию сопутствующего действию обстоятельственного признака, например, акустического явления – оказывать на кого-либо непрерывное воздействие, например, путем рекламы [Резяпова 1994].

Однако выделенные Н.Ф. Резяповой типы метонимических переносов требует некоторых уточнений, поскольку ряд метонимичных глаголов, ср.: *flimmern, kratzen, laufen, bunkern, fensterln* хотя и получают семантическое

описание, однако не причислены ни к одному из рассмотренных исследователем типов метонимии.

Таким образом, рассмотренные примеры моделей глагольной метонимии показывают, что с точки зрения изменения значения вследствие вторичной номинации и с позиций когнитивного подхода глагольная метонимия разделяется на *причинно-следственную* и *обстоятельную* (см. [Грамматические аспекты перевода 2010]), в рамках которых выделяются частные модели метонимических переносов. См., например, типологию глаголов говорения, образованных обстоятельственной связью, через репрезентацию дополнительного признака, сопутствующего основному действию, предложенную в настоящем исследовании: **врожденный и / или приобретенный дефект речевого аппарата** (*картавить, заикаться и шамкать, шепелявить*); **специфическая манера речи** (*гундосить, гнусавить, лепетать, лопотать, бормотать, бубнить, бурчать*); **наличие / отсутствие ожидаемой преграды для произнесения звуков** (*шамкать, шепелявить, шипеть*) и др. Таким образом, подобный подход к глагольной метонимии позволяет в настоящем исследовании системно рассматривать особенности репрезентации акта говорения в естественном языке в случаях, когда он представлен метонимичными глаголами.

1.2.4. Метафора в сфере предиката

Глагольная метафора неизменно вызывает интерес у лингвистов. В частности, анализ ее с различных сторон представлен в работах таких ученых, как Е.Ю. Ваулина, И.В. Кононова, А.С. Филатова, Е.И. Баранчеева, Ю.А. Каменькова и др.

Например, Е.Ю. Ваулина исследует метафорические переносы в сфере глаголов активного физического воздействия [Ваулина 1994] и указывает, что глагольная языковая метафора в русском языке образует строгую систему, осложненную участием в ней актантных отношений глагола, чем существенно отличается от метафоризации имени существительного. Объясняя принципы метафорического переноса глагола, Е.Ю. Ваулина утверждает, что метафоризация в сфере предиката может быть результатом одного из трех семантических процессов:

а) переноса субъекта обозначаемого глаголом действия из одной семантической сферы в другую, ср.: *птица парит в воздухе* – *человек парит мыслью*; *пчела ужалила меня* – *он ужалил меня своими словами*,

б) переноса объекта действия из одной семантической сферы в другую, ср.: *кусать хлеб* – *кусать собеседника*, *знашивать одежду* – *знашивать чувства*;

в) изменения содержания действия при возможном сохранении субъекта (и объекта для переходных глаголов) тех же семантических сфер, что и в прямом значении, ср.: *сгибаться под тяжестью ноши* – *сгибаться от забот* [Ваулина 1994].

Далее Е.Ю. Ваулина, опираясь на схему метафорических переносов существительных, разработанную Г.Л. Складневской [Складневская 1993], выделяет следующие семантические сферы, на базе которых происходят метафорические переносы в значениях глаголов: **Материальный мир; Животный мир; Человек, Абстракция.**

В соответствии с предложенной схемой наиболее распространены метафорические переносы в сфере **Материальный мир**, где они происходят путем сравнения, сопоставления признаков материальных объектов, ощущений, мыслей и действий человека, выводимых им из абстрактных понятий, со свойствами и характеристиками предметов: ср.: *зреет колос* – *зреет теория*; *изделие выковывается из металла* – *выковывается система*; *расцвела фиалка* – *расцвела теория*; *извивается лента* – *хитрец извивается* и др.

Лексика семантической сферы **Животный мир** при метафорическом переносе описывает экспрессивные обозначения производимых человеком звуков, речи, движений и жестов, различных психических проявлений, сопоставляя их с аналогичными характеристиками животных: ср.: *приручить зверя* – *приручить человека*; *мурлыкает кошка* – *мурлыкает собеседник*; *птицы роятся* – *идеи роятся в сознании*; *птица нахохлилась от холода* – *человек нахохлился от обиды* и др.

В семантической сфере **Человек** исследователь выделяет следующие типы переносов: **Человек как физическое существо – Человек как социальное существо**, ср.: *зарываться в песок* – *зарываться в работу*; *прожевывать пищу* – *прожевывать слова*; **Человек как физическое существо – Человек как**

психическое существо, ср.: *скользить по полу* – *скользить по теме*; *люди затеснились в комнате* – *мысли затеснились в голове*; **Человек как физическое существо** – **Человек как социальное существо**, ср.: *чернить волосы* – *чернить человека*; *передергивать в карточной игре* – *передергивать в рассуждениях*; **Человек как социальное существо** – **Человек как психическое существо**, ср.: *похоронить умершего* – *похоронить идею*; *прозондировать рану* – *прозондировать обстановку*.

Отметим, что точнее интерпретировал подобные метафорические переносы Д.Н. Шмелев, который отмечал, что среди глаголов, обозначающих конкретные физические действия и состояния, многие предикаты используются для обозначения психических процессов и т.д., ср.: *открыть дверь* и *открыть физический закон*, *разжечь костер* и *разжечь страсти*, *разрубить полено* и *разрубить противоречия*, *бросать мячик* и *бросать слова*, *уколоть палец* и *уколоть самолюбие*, *развязать веревки* и *развязать войну* и др. [Шмелев 2019: 96–97].

Подчеркнем, что Е.Ю. Ваулина, рассматривая языковые метафоры семантической сферы **Человек**, выделяет среди областей социальной деятельности людей, интересующую нас область речевой деятельности. Предложенные автором глагольные метафоры, репрезентирующие акт говорения, описывают различные аспекты этой сферы, ср.: *рубить, отчеканить слова*, где глаголы характеризуют произношение; *вклинивать в повествование, нанизывать слова*, где глаголы характеризуют порядок и строение высказывания устного или письменного текста, ср.: *выдавливать слова, рубить фразы*, где глаголы характеризуют произношение и отражают эмоциональное, физическое или нравственное состояние говорящего или способ высказывания; *натрениваться*, где глагол отражает количественную характеристику общения; *напарывать чепуху, толочь одно и то же*, где глаголы связаны с характеристикой содержания высказывания; *бичевать, хлестать обидными словами*, где глаголы описывают воздействие ка собеседника.

В семантической сфере **Абстракция** встречаются метафоры всех остальных сфер, ср.: *заваривается чай* – *заваривается дело*; *отсеивается мусор* – *отсеиваются студенты из группы* (Материальный мир – Абстракция); *обнищал*

человек – обнищала теория; размежевывать землю – размежевывать понятия (Человек – Абстракция) [Ваулина 1994].

Таким образом, предложенный Е.Ю. Ваулиной подход, основанный на идеографической классификация прямых значений глаголов и языковых метафор, демонстрирует основные тенденции употребления метафоры в сфере предиката в разных семантических сферах (причем в качестве базовых типов выделяются зооморфная и антропоморфная метафоры).

Однако заметим, что по многим приведенным примерам метонимических переносов возникают вопросы: так, часть высказываний, например, *птица парит в воздухе – человек парит мыслью; изнашивать одежду – изнашивать чувства* представляют собой авторские метафоры (=троп), а не когнитивные метафоры (регулярные переносы). Кроме того, возникают вопросы к выделенным ученым семантическим сферам, ср.: *птицы роятся – идеи роятся в сознании* (сфера Животный мир – Человек как психическое существо), где, по нашему мнению, речь идет о некоторых ментальных сущностях – идеях, которые, безусловно, связаны с человеком, но прямого противопоставления сфер животного и человека нет. То же самое касается случаев типа *зарываться в песок – зарываться в работу; прожевывать пищу – прожевывать слова* (Человек как физическое существо – Человек как социальное существо); *скользить по полу – скользить по теме* (Человек как физическое существо – Человек как психическое существо) и др., где Е.Ю. Ваулина ассоциирует метафорические переносы со сферой человеческой деятельности и различных психологических действий. Однако это легко опровергается тем фактом, что в представленных примерах идет речь о физических явлениях и все метафорические переносы описываются моделью *физическое действие / пространство – ментальная сущность / действие*.

А.С. Филатова, исследуя валентности исходных и метафоризованных глаголов на предметно-логическом, семантическом и синтаксическом уровнях, хотя и выделяет глагол как организующее ядро предложения, однако указывает на несамостоятельный характер признаковой метафоры, поскольку при переосмыслении значения глагол все же опирается на имя вещи, которой свойственен данный признак, нуждается в нем как в субстанциальной базе [Филатова 2004]. На наш взгляд данное утверждение является не совсем точным,

поскольку глагол выступает организующим центром всего предложения и способен без уточняющих существительных метафорически или метонимически менять свое значение, ср.: *мямлить, гаркать* или *реветь, рубить*.

Автор предлагает обобщенные схемы метафоризации, сопровождаемой изменениями синтаксической валентности у глаголов. Так, весь корпус глагольных метафор А.С. Филатова подразделяет на две неравные части на основании сохранения / несохранения структуры синтаксических валентностей, присущей каждому отдельному глаголу. Первая часть метафор включает случаи, когда структура синтаксических валентностей метафорически переосмысленного глагола вписывается без количественных изменений в валентностную структуру того же глагола. Вторая часть включает случаи глагольных метафор, сопровождающиеся изменением схемы синтаксической валентности (большинство таких предикатов относятся к группе глаголов с узкой семантикой) [Филатова 2004]. Однако данные выводы не обладают объяснительной силой для понимания семантики метафоричных глаголов, поскольку факт того, что глагол изменяет значение или образует новое, уже автоматически предполагает изменение его валентности.

Важно также отметить, что А.С. Филатова, выделяя три группы метафоризированных глаголов, меняющих свою валентность, включает в одну из них подгруппу глаголов, обозначающих речевые действия человека [Филатова 2004: 20], ср. пример автора с глаголом *bellow* в исходном значении, обозначающим звуки, издаваемые быком *The bull bellowed* (*Этот бык проревел*), и метафорическом, репрезентирующем речь человека *He bellowed orders at his squad* (*Он проревел приказы своему отделению*). В данной ситуации предикат из области животного мира при перенесении в сферу человека может изменять свою валентность.

Таким образом, предложенный исследователем подход, связанный с изучением схем метафоризации и валентностей глагольных метафор в синтаксических конструкциях, позволяет выделять некоторые группы глагольных метафор, а также дополнить настоящее исследование некоторыми случаями употребления отдельных метафоричных глаголов говорения, однако не дает оснований для создания полной и исчерпывающей классификации предикативных метафор.

Е.И. Баранчеева подходит к анализу глагольной метафоры как когнитивного явления, связанного с процессами восприятия человеком действительности, получением и обработкой информации о мире, и предпринимает попытку описания метафорического поля, образующегося в результате семантических сдвигов в значениях глаголов лексико-семантической группы обработки (глаголов типа *пилить, точить, резать, рубить, колоть, сверлить, долбить* и т.д.) в русском и английских языках [Баранчеева 2007].

Исследователь отмечает способность таких глаголов «сворачивать» информацию о субъекте и объекте действия, об инструменте действия, о времени, о пространственных и иных отношениях (среде) т.е. о разных участниках прототипической ситуации. На основе семантического элемента, участвующего в переносе наименования, автор выделяет два типа метафорического переноса:

1) метафорический перенос происходит на основе общего семантического компонента в прямом и переносном значениях (в этом случае компонент, входящий в денотативную часть прямого номинативного значения, становится ведущим в переносном метафорическом значении);

2) признак, служащий основой метафорического переноса, определяется наличием ассоциативных или иных признаков между метафорическим и исходным значениями, связанных с представлениями о предметах и явлениях [Баранчеева 2007: 12].

На основе тематического описания метафорического поля обработки в русском языке, под которым Е.И. Баранчеева понимает вторичную лексическую парадигму, включающую метафорические значения, связанные общим смыслом, автор выделяет несколько групп глагольной метафоры, например, 1) **метафоры физического состояния**, ср.: *боль сверлит / режет / грызет; резать / колоть глаза; резать ухо / слух* и др.; 2) **метафоры негативного эмоционального состояния**, ср.: *меня точит обида; сушит ревность; сверлит фраза; уколол тон / интонация; резануло слово; давит обида / раскаяние* и т.д.; 3) **метафоры ментальных процессов**, ср.: *мысль сверлит; фраза колет / режет / пилит / жжет* и др.; 4) **метафоры репрессивного физического воздействия**, ср.: *молотить / долбить кого-либо кулаками; резать / сечь / крошить врагов; утюжить (кого-то); мять бока* и др.; 5) **метафоры эмоционального**

воздействия, ср: *давить авторитетом / молчанием; обрабатывать / резать / жать (кого-либо); нажимать / давить (на кого-либо)* и др.; б) **метафоры интенсивных действий**, ср.: *молотить / чесать / долбить из пулемета; жарить на гармошке; пилить на автобусе; долбить физику; шпарить по-немецки* и ряд других групп.

В качестве главных семантических компонентов в образовании метафорического поля на основе глаголов обработки автор выделяет компоненты «инструмент» и «способ действия» (ср. с точкой зрения Дж. Лакоффа, согласно которой некоторые области целевого домена структурируются по образцу источника через способ действия, инструмент и др. [Лакофф, Джонсон 2004]). Данные признаки в процессе семантического сдвига получают ассоциативное переосмысление, в результате которого появляются метафорические значения, отражающие различные типы состояния, воздействия на человека, речевого поведения, интенсивных действий и т.д. Так, компонент «инструмент» является сквозным, ведущим в образовании метафор негативных эмоционального и физического состояния, метафор ментальных процессов, синкретичных метафор, метафор речевого воздействия в русском языке, ср.: *режет в бок; краски режут глаз; ужас режет души; он валит студентов на экзамене; голос режет слух* и др.

Компонент «способ действия» связан с акцентом на определенной составляющей действия: траектории приложения силы, векторной направленности (*сверлит взглядом, резать правду*), удалении частей, слоев, элементов объекта (*болезнь точит, сушит человека*), многократном повторении элементов действия (*трепать языком, молоть чепуху, долбить физику*) и др. [Баранчеева 2007: 18].

В отдельную группу в исследовании Е.И. Баранчевой выделяются значимые для нашего исследования метафорические переносы, репрезентирующие различные особенности и характеристики речи глаголами обработки, к которым относятся: **метафоры репрессивного речевого воздействия**, ср.: *колоть замечаниями; пилить каждый вечер; скоблить по совести; сверлить фразами* и др.; и **метафоры манеры речи**, ср.: *чеканить слова; резать правду; трепать обо всем; молоть вздор; отрубить; отрезать* и др. [Баранчеева 2007: 16–17].

Говоря о метафорических переносах в сфере глаголов речевой деятельности, исследователь также отмечает, что метафоры, образованные от глаголов обработки,

в русском языке отражают конфликт между говорящим и слушающим, которому эта речевая деятельность наносит психологический «ущерб». При этом говорящий использует речь как способ эффективного воздействия на собеседника, с целью его улучшения / исправления до субъективного идеала. В английском языке с помощью метафор речевой деятельности демонстрируются представления о критике, которая соответствует вине человека, ср.: *hammer* – сурово критиковать, втолковывать; *to brush down* – ругать за провинность [Баранчеева 2007: 22].

Таким образом, Е.И. Баранчеева, выделив два основных типа метафорических переносов на основе семантического элемента, участвующего в образовании переносного значения, смогла охватить широкий спектр метафор и ситуаций, в которых они могут употребляться. В большинстве своем этому способствовало выделение общего семантического поля и ведущих метафорообразующих признаков исследуемых глаголов, т.е. таких «участников» ситуации обработки, как *инструмент, способ действия, объект, усилие, звук* и др. Примечательно, что автор затрагивает и такие глаголы обработки, которые в определенном контексте способны вносить информацию об особенностях речевой деятельности, однако детального описания семантики данные предикаты не получают. Также отметим, что в целом автор не разделяет метафору как троп и метафору как когнитивный механизм, например, регулярный семантический перенос *режет в бок* и авторскую метафору *ужас режет души*. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что данные метафорические значения еще не успели закрепиться в словарях, однако в сознании носителей языка они уже закреплены.

Ю.А. Каменькова анализирует роль глагольной метафоры в процессе языковой репрезентации эмоционально-чувственных феноменов на примере чешского языка. В качестве материала исследования выступают метафорические синтагмы – имя существительное (дающее наименование эмоции, чувства и выступающее в качестве субъекта) + предикат-метафоризатор (глагол конкретного действия). Ю.А. Каменькова в этой связи отмечает, что механизм метафоры является действенным средством объективации, поскольку при взаимодействии с метафорическими предикатами «эксплицируются скрытые возможности имени и репрезентируется онтология денотата» глагола, тем самым воссоздается образ

эмоций, чувств [Каменькова 2007: 16] (ср. с точкой зрения А.С. Филатовой выше [Филатова 2004]).

Среди регулярных моделей метафорической деривации (физиологическая сфера человека => мир эмоций и чувств; природные проявления => мир эмоций и чувств) исследователь также выделяет модели, репрезентирующие акт говорения в чешском языке (речевые проявления => мир эмоций и чувств, ср. глаголы: *netь* – *zřivat*, *govoritь* – *mluvit*, *křичать* – *křicet* и др.) [Каменькова 2007].

Однако отметим, что в работе не представлено целостного описания семантики отдельных лексических единиц, предложена только общая классификация метафорических моделей, позволяющих описать систему функционирования метафоричных глаголов в чешской языковой картине мира.

Таким образом, в рассмотренных исследованиях в той или иной мере описана система метафорических переносов в сфере предикатов, причем во многих работах затрагиваются вопросы, связанные с глагольной метафорой, репрезентирующей сферу речевой деятельности. Однако предложенные подходы (лексикографический, когнитивно-семантический, валентный и др.) не позволяют получать точные описания значений исследуемых глаголов, тем самым ставя под сомнение возможность построения исчерпывающей классификации метафорических переносов в естественном языке.

Выводы по Главе 1

Как видно из обзора работ, глаголы говорения в когнитивном отношении являются метаязыковым явлением, которое категоризирует и концептуализирует речевую деятельность субъекта речи (говорящего). Ядро данной ЛСГ составляют глаголы *govoritь* / *сказать*, которые представляют «имя сферы» глаголов речевой деятельности и являются наиболее общими обозначениями речемыслительного акта. Хотя данные предикаты неоднократно являлись объектом лингвистических исследований, в которых изучалась их лексическая или категориальная семантика, функционирование в различных структурах, строились классификации по различным основаниям, рассматривался их вклад в теорию речевых актов и способы категоризации окружающей действительности, однако не рассматривались когнитивные основания метонимических и метафорических

переносов в системе глаголов, репрезентирующих акт говорения в естественном языке.

В большинстве случаев анализ метонимичных и метафоричных глаголов говорения выполнялся в ходе изучения других аспектов глагольной лексики (см. подробнее в [Агеева 1990; Ваулина 1994; Баранчеева 2007; Каменькова 2007; Анашкина 2011 и др.]). Только в отдельных исследованиях, например, [Цыганова 2008; Глаголы звуков животных 2015], рассматривались глаголы, которые во вторичном узуальном значении могут метафорически репрезентировать речевую деятельность.

Настоящее исследование также показало, что в когнитивной лингвистике достаточно хорошо разработан метааппарат описания когнитивных механизмов метонимии и метафоры, используемый для исследования и описания метонимических и метафорических переносов с позиций различных когнитивных направлений. Так, когнитивная метонимия и метафора рассматривается с точки зрения теории прототипов [Рунова 2007], теории речевых актов [Panther, Thornburg 2003; Gibbs 1999; Зализняк 2013], принципа неслучайной связи [Сулейманова, Беклемешева 2009; Грамматические аспекты перевода 2010; Сулейманова 2017], лексико-семантического подхода [Новиков 2002; 2003; Кронгауз 2005; Еремин, Петрова 2018; 2019b], когнитивно-дискурсивного подхода [Рахилина, Карпова Резникова 2009], и, в частности, политической метафоры и метонимии [Бадеева 2004; Будаев, Чудинов 2008; Чудинов, Будаев 2007; Кричун 2011; Скребцова 2018; Никулина 2014; Ковязина 2018; Баранов 2014] и ряда иных, более узких подходов.

Вместе с тем, представленный в исследовании обзор демонстрирует, что в большинстве работ рассматриваются преимущественно метонимия существительных и прилагательных [Резяпова 1994; Новиков 2002; Кустова 2004; Жданова 2009; Чернявская 2014; Еремин, Петрова 2018; 2019a], а большая часть описаний системы метонимических переносов базируется на соотношении часть – целое (см.: [Bierwiaszwonek 2007; 2013; Чернявская 2014; Илюхина 2005; 2015; Толмачева 2018; Еремин, Петрова 2018] и др.). Систематизация и обзор глагольной метонимии представлен эпизодически в виде ряда отдельных моделей метонимических переносов [Radden, Kövecses 1999; Трухановская 2009].

Кроме того, глагольная метафора (и ее типология в частности) оказывается более изученной и разработанной, чем глагольная метонимия. Как представляется, это обусловлено тем фактом, что семантический сдвиг на основе метонимии сложен для интерпретации и зачастую не воспринимается носителями языка как сдвиг в значении (ср.: *мямлить, бормотать* vs *взрываться, чеканить*). Вслед за О.А. Сулеймановой и Н.С. Трухановской в настоящем исследовании мы приходим к пониманию, что в основе глагольной метонимии лежат *причинно-следственные* связи и метонимические связи, носящие *обстоятельный* характер, в рамках которых могут быть выделены частные модели метонимических переносов.

Итак, в области исследования глаголов говорения значимым представляется, во-первых, разграничение метонимии и метафоры, во-вторых, интерпретация природы метонимичных и метафоричных глаголов говорения. Что касается исследования метафоры и метонимии, в целом анализ особенностей их функционирования уже не носит фрагментарный характер, однако описанию семантики и типологии метонимических переносов уделено значительно меньше внимания, чем описанию функционирования системы глагольной метафоры. Более того, семантика метафорических глаголов говорения спорадически рассматривалась в ряде работ, тогда как семантика метонимичных глаголов говорения и особенности репрезентации ими акта говорения не были предметом специального изучения.

Таким образом, возникает необходимость в проведении специального исследования с целью описания общей концептуальной системы глагольной метонимии и метафоры и, в частности, той ее части, которая репрезентирует акт говорения в естественном языке. Дальнейшее когнитивное описание акта говорения будет сделано в практической части настоящего исследования на основе анализа семантики ряда метонимичных и метафоричных глаголов говорения.

Глава 2. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТАЯЗЫК СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Современная лингвистика (в частности, когнитивная семантика) оперирует хорошо разработанными методами исследования, среди которых выделяются такие традиционные методы, как компонентный, дистрибутивный, психолингвистический, валентный, контекстуальный, количественный и другие методы; так и сравнительно новые: например, гипотетико-дедуктивный метод (ГДМ) (см. работы Ю.С. Степанова, О.Н. Селиверстовой, Т.Н. Маляр, О.А. Сулеймановой и др.), основанный на выдвижении и обосновании гипотез, а затем их экспериментальной проверке с помощью специальных лингвистических методов (о самом методе см. ниже). Наибольшее распространение данный метод получил в исследованиях по когнитивной семантике при описании значений прилагательных, глаголов и других частей речи [Белайчук 2004а; 2004b; Фомина 2009; Чалей 2013; Лукошус 2015; Гордиенко 2017 и др.]. Рассмотрим, как гипотетико-дедуктивный метод применяется к описанию семантики определенной лексико-семантической группы на примере анализа глаголов говорения.

2.1. Особенности гипотетико-дедуктивного метода (ГДМ) и семантического эксперимента

Для анализа предикатов, способом образования значения которых являются метонимические и метафорические переносы, в настоящем исследовании используется комплексная методика, основанная на гипотетико-дедуктивный процедуре исследования, семантическом эксперименте и обращении к ведущим поисковым системам Google и Yandex, выступающим как поисковый и исследовательский инструменты. Кроме того, на предварительном этапе исследования широко применяются такие собственно-лингвистические методы, как дистрибутивный, валентный и контекстный анализ, позволяющие исследователю собирать и обобщать некоторое количество языковых фактов, которых часто достаточно, чтобы построить предварительную гипотезу о свойствах и различиях анализируемых единиц. Однако, как замечает О.А. Сулейманова, отмеченные методы не всегда могут предложить конкретный инструментарий, а также продемонстрировать высокую степень верификации гипотезы о семантике рассматриваемой лексической единицы [Сулейманова 1999]. Для решения данной

проблемы возникает необходимость в применении специальных процедур, позволяющих выявлять релевантные компоненты в семантике лексических единиц и обеспечивать высокий верификационный потенциал сформулированных в процессе исследования гипотез.

К подобным методам относится гипотетико-дедуктивный метод, получивший теоретическое обоснование в работах Ю.С. Степанова и О.Н. Селиверстовой [Степанов 1974] и дальнейшее развитие в исследованиях [Маляр 2002; Белайчук 2004b; Трухановская 2009; Фомина 2009; Лось 2009; Чалей 2013; Лукошус 2015; Гордиенко 2017]. Данный метод является одним из основных способов построения теории и основан на дедуктивном выводе следствий из гипотезы или системы гипотез, а затем их экспериментальной проверке с помощью специальных лингвистических методов (в нашем случае семантического эксперимента), позволяющих установить объективность и адекватность разрабатываемых описаний.

Однако в связи с тем, что дедукция переносит значение истинности от посылок к заключению, полученные отрицательные или положительные результаты эмпирических проверок гипотезы не могут свидетельствовать о ее некорректности или достоверности, а служат лишь условием правдоподобности и вероятности. Поэтому оценка исходной гипотезы на основе такого вывода носит сложный и многоступенчатый характер, так как только достаточно длительный процесс испытания гипотезы в системе научного знания может привести к ее обоснованному принятию или опровержению.

Именно поэтому для окончательной верификации гипотез о различиях в семантике исследуемых языковых единиц необходимо применение семантического эксперимента. Его необходимость в языкознании отмечал еще Л.В. Щерба, подчеркивая, что «эксперимент открывает перед лингвистами новые возможности для изучения и описания живых языков и является залогом создания в будущем адекватных действительности грамматик и словарей» [Щерба 2004: 32].

Как отмечает О.Н. Селиверстова, важнейшими условиями применения эксперимента является регулярная воспроизводимость явления, которое подвергается анализу, а также возможность контролировать условия, от которых оно зависит [Селиверстова 2004: 93].

Таким образом, контролируемость условий проведения эксперимента, регулярность его воспроизведения, а также наличие в языке частных и общих законов функционирования языковых единиц обуславливают воспроизведение изучаемого явления и создают предпосылки для использования эксперимента в семантических исследованиях.

Эксперимент в лингвистике в целом, в той или иной форме, применяется в большом количестве работ и число это постоянно увеличивается (см.: [Зализняк 1992; Киселева 1998; Ким 2010; Долинский 2011; Холодова 2015 и др.]). Однако, несмотря на явные преимущества, лингвистический эксперимент именно в семантических исследованиях получил широкое распространение и теоретическое обоснование не так давно (см., например, [Селиверстова 1980; 2004; Селиверстова, Сулейманова 1988; 2016; Сулейманова 2004; Сулейманова, Фомина 2010; 2017 и др.]).

Как одну из причин такого положения дел О.Н. Селиверстова видела в сложности его постановки в лингвистике и отсутствии традиций экспериментальной работы [Селиверстова 2004: 92]. Другая распространенная причина связана с предубеждениями некоторых лингвистов, отмечающих субъективность и, следовательно, ненадежность данной методики, поскольку, во-первых, ее основной и ключевой особенностью является работа с информантами – носителями языка (например, может утверждаться, что при оценке высказываний каждый информант вносит заведомо субъективное суждение о предложенном материале), во-вторых, в его постановке так или иначе заложена известная искусственность в том смысле, что действия совершались в неестественной ситуации. В связи с этим Р.М. Фрумкина ставит под сомнение существование «чистых» лингвистических экспериментов, отмечая, что «в определенном смысле любой эксперимент субъективен, и не только потому, что в нем присутствуют интроспективные шаги. Ведь уже на этапе обдумывания эксперимента замысливший его ученый закладывает в исходную гипотезу, а также в инструментальное обеспечение и план опыта солидное количество теоретических предпосылок» [Фрумкина 2003: 10].

На наш взгляд, подобные предубеждения возникают из-за того, что некоторые ученые не отграничивают семантический эксперимент от

психолингвистического, социолингвистического или типологического экспериментов. Так, в первую очередь цель семантического эксперимента – получение адекватного описания семантики языковой единицы, тогда как при проведении психолингвистического (например, ассоциативного) эксперимента ставится цель выяснить, как представлено значение той или иной лексической единицы в индивидуальном сознании носителя языка и общества. Кроме того отметим, что в психолингвистическом эксперименте важна спонтанность ответов (реакций) информантов, поэтому анкетлируемый не должен задумываться над ответом, тогда как в семантическом эксперименте информант оценивает с точки зрения своей языковой компетенции созданный или подобранный исследователем согласно заданным параметрам текст. Именно поэтому в семантическом эксперименте при прохождении опроса не требуется быстрота реакции, поскольку информант не использует язык спонтанно, важны продуманность оценки и умение вдумчиво оценивать предлагаемый языковой материал [Сулейманова 2013].

В исследованиях по семантике последних лет не подвергается сомнению необходимость привлечения информантов в качестве «того инструмента, который создает явление и того прибора, который его регистрирует» [Селиверстова, Сулейманова 1988: 432; Селиверстова 2004: 95]. Основные возражения касаются только оценки значимости отдельных случаев расхождений в оценках языковых явлений информантами.

2.1.1. Использование информантов в семантическом эксперименте

Безусловно, даже при идеальном проведении эксперимента в ответах и оценках информантов будет присутствовать разброс, обусловленный тем, что носители языка воспринимают и описывают одни и те же ситуации по-разному. Вместе с тем, способность говорящего и слушающего в процессе коммуникации понимать друг друга дает основание считать, что речь носителей языка обуславливается некоторыми объективными законами, а не их индивидуально-речевыми особенностями.

Другие расхождения могут быть вызваны, например, несовпадением языковых кодов информантов (разный языковой уровень, социальный статус и др.), возможностью различного осмысления ситуации говорения, а также ошибкой в постановке семантического эксперимента. Так, исследователь может некорректно

или приблизительно сформулировать гипотезу о значении исследуемой единицы или пренебречь принципом варьирования одного параметра, что приведет к невозможности однозначной интерпретации результатов опроса. Влияют на ответы информантов и различные случайные факторы, например, несерьезное отношение к эксперименту, усталость, плохое самочувствие [Селиверстова 2004: 96], влияние окружающей обстановки (из-за чего информант отвлекается от выполнения задания), взаимодействие с другим информантом при выполнении заданий анкеты [Сулейманова 1999: 9] и др.

Однако, как показывает практика, большинство этих расхождений легко избежать на предварительной стадии эксперимента при условии тщательной подготовки и соблюдения требований к его выполнению. Это достигается, например, при помощи объяснения информанту его задачи, которая сводится не к оценке самой денотативной ситуации (смотри шире – высказывания), а только к оценке правильности / неправильности высказывания («так говорят» или «так не говорят»), на основании его языкового чутья. Оценка осуществляется на основе разработанной исследователем шкалы и в соответствии с заранее заданными правилами (см. об этом, например, [Селиверстова 2004; Сулейманова, Фомина 2010; 2017]).

Минимизировать случайные расхождения в уже полученных оценках позволяют различные математические методы, направленные на обособление фактора случайности от объективной оценки, обусловленной фактами языка (см. подробнее: [Селиверстова, Сулейманова 2016; Парфенова 2009; Фомина 2009; Сулейманова, Фомина 2010: 84–89]).

Для снижения субъективности исследования и, соответственно, улучшения качества семантического эксперимента необходим строгий отбор информантов. О.Н. Селиверстова рекомендует опрашивать людей, которые имеют или получают высшее образование в рамках различных специальностей (гуманитарных, технических, естественнонаучных) [Селиверстова 2004: 96–97]. Также можно привлекать аспирантов, научных работников различных направлений, преподавателей, редакторов – людей, обладающих высоким уровнем языковой компетенции и способных к абстрактному мышлению и логическому анализу.

Немаловажным при разработке семантического эксперимента является вопрос о необходимом количестве информантов. Так, О.А. Сулейманова указывает, что в норме для выборки из 5 высказываний (минимально допустимое количество) достаточно опросить 5–8 информантов (но не менее 3), с тем, чтобы величина выборки составила 25–40 событий [Сулейманова 1986: 142–151].

В настоящем исследовании в опросах принимали участие 6 информантов – носителей русского языка, имеющих высшее филологическое образование, в возрасте от 25 до 60 лет. Кроме того, исследователь, как носитель русского языка, также выступал в качестве анкетированного и, опираясь на свое языковое чувство, определял правильность или неправильность полученных высказываний, делая предположения о различиях в семантике анализируемых единиц на всех этапах проведения эксперимента.

Таким образом, отбор информантов и проверка их языковой компетенции имеют первостепенное значение при подготовке и проведении семантического эксперимента. В связи с этим, значимой и неотъемлемой частью эксперимента с привлечением информантов должны быть подготовка инструкции и бланка опроса, предъявляемого информанту (см. Табл. 2). Для исключения расхождений в интерпретации одних и тех же высказываний и шкалы оценок, в соответствии с которой информанты должны оценить правильность / неправильность высказывания, в инструкции необходимо объяснить информанту цель и задачи, стоящие перед ними, а также задать систему оценок, на которую он будет опираться при выполнении задания. В данной работе применяется пятибалльная шкала оценок (см. Табл. 1.), предложенная А. Тимберлейком [Тимберлейк 1985: 265] и в дальнейшем доработанная О.А. Сулеймановой, М.А. Фоминой и другими исследователями [Белайчук 2004а; 2004б; Фомина 2009; Сулейманова, Фомина 2010; 2017]:

Таблица 1. Шкала оценок ответов информантов

Rating (оценка / помета) англ. / рус.	Meaning (обозначение)	Comment (пояснение)
Без пометы 1 / 5	<i>Acceptable, preferred</i> (приемлемо, предпочтительно)	<i>Most frequent</i> (встречается наиболее часто)

+ 2 / 4	<i>Acceptable, not preferred</i> (приемлемо, не предпочтительно)	<i>Frequent</i> (встречается часто)
? 3/3	<i>Marginally acceptable</i> (на грани приемлемости)	<i>Rare</i> (встречается крайне редко)
* 4/2	<i>Unacceptable</i> (неприемлемо)	<i>Not occurring</i> (не употребляется)

Пример стандартной анкеты для предъявления информантам – носителям русского языка, представлен ниже (Табл. 2).

Таблица 2. Пример анкеты для заполнения информантами

АНКЕТА

Имя: _____

Национальность: _____

Возраст: _____

Образование: _____

Оцените / отметьте каждый из примеров ниже по следующей шкале:

Помета / Оценка	Обозначение	Пояснение
Без пометы / 5	Приемлемо, предпочтительно	Встречается наиболее часто
+ / 4	Приемлемо, не предпочтительно	Встречается часто
? / 3	На грани приемлемости	Встречается крайне редко
* / 2	Неприемлемо	Не употребляется

Примечание: Оценивая высказывания, опирайтесь на **нейтральную функционально-стилевую принадлежность высказываний** (сленг, профессионализмы, сниженная и иная стилистически маркированная лексика не находится в центре внимания исследования)

Некоторые правила при выполнении опроса:

1. Не пытайтесь оценить степень синонимии анализируемых слов.

2. Оцените приемлемость высказываний («так говорят» или «так не говорят»), судя по тому, как представлена информация. Не пытайтесь развивать дополнительные контексты.

3. Если вы считаете, что контекст недостаточен для оценки приемлемости высказывания, предложите свое собственное предложение в столбце «комментарии», соответствующее тому или иному высказыванию (1–3). Затем оцените его согласно предложенному вами контексту. Любые ваши комментарии будут высоко оценены!

	Пример	Помета / Оценка	Примечание / Комментарий
1	<i>Все молчали. Что-то пробормотал во сне Вася</i>		
	<i>Все молчали. Что-то пробубнил во сне Вася</i>		
2	<i>Бабка Маруца что-то бормотала по-цыгански, и даже Толик не мог перевести на русский ее слова</i>		
	<i>Бабка Маруца что-то бубнила по-цыгански, и даже Толик не мог перевести на русский ее слова</i>		
3	<i>При движении на высоких оборотах откровенно назойливо «бормочет» двигатель</i>		
	<i>При движении на высоких оборотах откровенно назойливо «бубнит» двигатель</i>		
1	<i>Варька, ты что, рехнулась... нигде я не рылся... когда позвонили, я приехал к тебе... а тебя уже нет, – лопотал бледный Сеня, пытаюсь вырваться</i>		
	<i>Варька, ты что, рехнулась... нигде я не рылся... когда позвонили, я приехал к тебе... а тебя уже нет, – лепетал бледный Сеня, пытаюсь вырваться</i>		

2	<i>Все были встревожены чрезвычайно, и все молчали, и только Фризоргер что-то лопотал и лопотал по-немецки</i>		
	<i>Все были встревожены чрезвычайно, и все молчали, и только Фризоргер что-то лепетал и лепетал по-немецки</i>		
3	<i>Но не изменились – лопочут о науке, о социальной справедливости, черт знает о чем</i>		
	<i>Но не изменились – лепечут о науке, о социальной справедливости, черт знает о чем</i>		

Спасибо за то, что приняли участие в опросе!

Как представляется, подобный бланк опроса является удобным для информанта и исследователя, поскольку обеспечивает чистоту эксперимента и правильность интерпретации оценок информантами. Кроме того, возможность информанта предложить свой вариант употребления того или иного высказывания позволяет дополнить имеющиеся гипотезы о значениях анализируемых единиц (см. таблицу 3).

Таблица 3. Фрагмент заполненной анкеты с пометами и комментариями информантов

	Пример	Помета / Оценка	Примечание / Комментарий
1	<i>Варька, ты что, рехнулась... нигде я не рылся... когда позвонили, я приехал к тебе... а тебя уже нет, – лопотал бледный Сеня, пытаюсь вырваться</i>	?!+	Не совсем приемлемо. Описывается манера речи, говорит несвязно, сбивчиво
	<i>Варька, ты что, рехнулась... нигде я не рылся... когда позвонили, я приехал к тебе... а тебя уже нет, – лепетал бледный Сеня, пытаюсь вырваться</i>	+	Слабая позиция, говорит невнятно, оправдываясь, с трудом подыскивая слова

2	<i>Все были встревожены чрезвычайно, и все молчали, и только Фризоргер что-то лопотал и лопотал по-немецки</i>	+	Говорит на незнакомом для окружающих языке
	<i>Все были встревожены чрезвычайно, и все молчали, и только Фризоргер что-то лепетал и лепетал по-немецки</i>	?/*	Недопустимо. Акцент на акустических характеристиках речи
3	<i>[Пьяный] Заплетающимся языком лепетал, что осознал свою ошибку, обещал больше так не делать</i>	+	Говорит невнятно, потому что не контролирует свою речь
	<i>[Пьяный] Заплетающимся языком лопотал, что осознал свою ошибку, обещал больше так не делать</i>	+	Пьяный не может контролировать процесс говорения, поэтому говорит заплетающимся языком, невнятно, неясно

Подобная процедура последовательно применялась при анализе всего массива метонимичных и метафоричных глаголов говорения, рассмотренных в настоящем исследовании. Однако еще раз уточним, что информанты напрямую не давали прямых ответов о дифференциальных признаках, разграничивающих семантику языковых единиц, или о значении анализируемых глаголов, а лишь служили «инструментом», указывающим на правильность или неправильность того или иного выражения согласно своей языковой компетенции.

2.1.2. Применение триангуляционного подхода и поисковых систем для верификации данных семантического эксперимента

Другой характерной чертой семантического эксперимента, кроме уже отмеченного участия в нем информанта – носителя языка, как инструмента, создающего явления, и особого прибора, регистрирующего его, является определенный порядок проведения исследования. Данная особенность заключается в необходимости соединения эксперимента с другими методами, позволяющими выдвигать гипотезу о семантической структуре слов, которая в свою очередь служит основанием для поиска и выделения семантических компонентов значений изучаемых единиц. Одной из таких процедур, как было указано ранее, является гипотетико-дедуктивный метод, получивший практическое применение в работах [Белайчук 2004а; 2004б; Фомина 2009; Селиверстова 2004; Степанов 1974;

Сулейманова, Фомина 2010; Трухановская 2009], в которых была предложена пошаговая экспериментальная методика описания семантики лексических единиц, включающая различное количество этапов (от 4 до 12 шагов).

Так Ю.С. Степанов и вслед за ним О.Н. Селиверстова выделяли четыре основных этапа ГДМ применительно к лингвистическим исследованиям:

1. Сбор и индуктивное обобщение фактов (лексических единиц).
2. Выдвижение гипотезы и ее уточнение в сопоставлении и частичном противопоставлении с другими существующими теориями (гипотезами).
3. Выведение дедуктивным путем различных следствий из выдвинутой гипотезы.
4. Проверка гипотезы путем сопоставления дедуктивно полученных следствий с фактами [Степанов 1974: 137].

В настоящем исследовании предложенный учеными алгоритм анализа лексических единиц получает некоторую модификацию, обусловленную, в первую очередь, особенностями рассматриваемого языкового материала. При этом общая логика метода в целом остается прежней.

Сверх того, для подтверждения или опровержения выдвинутых нами гипотез о значении лексических единиц в исследовании привлекались массивы корпусов текстов, а также возможности поисковых систем типа Google и Yandex. Так, поисковые системы позволяли не только получить эмпирические данные о количестве вхождений той или иной языковой единицы (анализ совпадений, частотный анализ), но и служили отправной точкой для проведения семантического и когнитивного анализа, в ходе которых верифицировали ответы информантов и выдвинутые гипотезы о различиях в семантике анализируемых глаголов.

Подобная интеграция традиционных и современных исследовательских средств и методов составляет суть триангуляционного подхода, при котором данные, полученные при помощи одной исследовательской методики, подтверждаются через использование принципиально иного метода [Сулейманова, Фомина 2018b: 225]. Так, вполне возможно при изучении семантических особенностей единиц в составе словосочетания опираться на поисковые системы, формируя соответствующие запросы в поисковой строке, например, «невнятно

лепетать»; «деловито пробубнил» и др., позволяющие искать точное совпадение фразы, заключенной в кавычках. Таким образом, варьируя сочетания изучаемых лексических единиц с другими словами, а также их форму, наклонение, время, падеж и др. (в зависимости от исследуемой части речи), исследователь фиксирует возможность или невозможность сочетания единиц, а также число вхождений исследуемых словосочетаний (см. рис. 1, 2). В результате такого подхода, как допускают исследователи, поисковая система становится своего рода информантом [Сулейманова, Фомина 2018b].

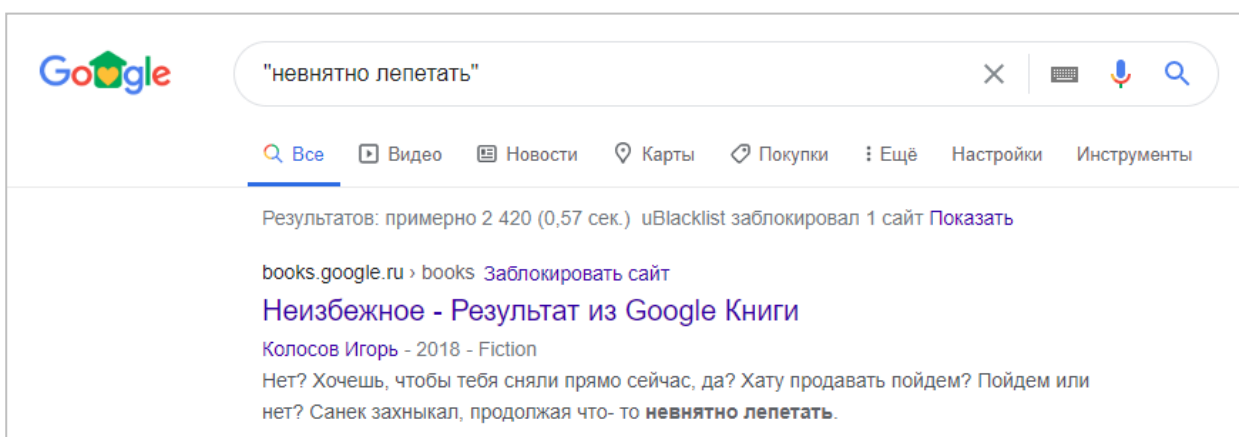

Рисунок 1. Скриншот запроса с анализируемым языковым материалом в поисковой системе Google

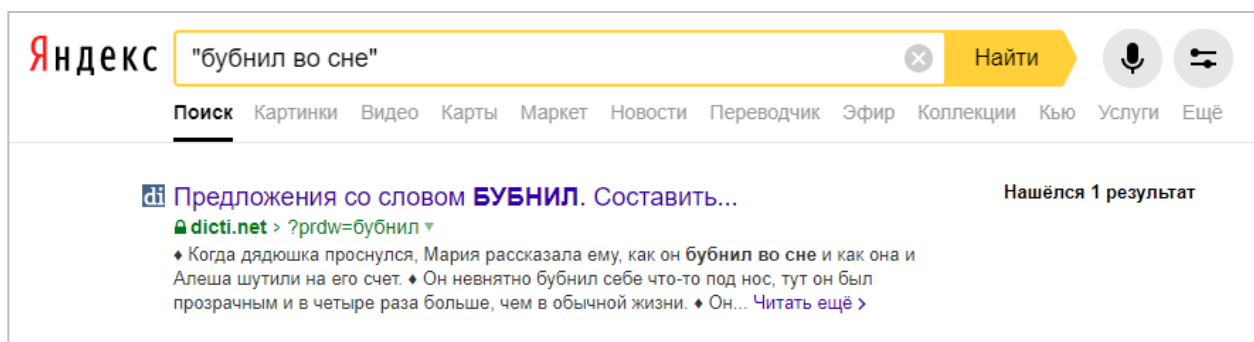

Рисунок 2. Скриншот запроса в поисковой системе Yandex

Тем не менее, в отличие от классического семантического эксперимента данная методика напрямую не дает отрицательных ответов («отрицательный языковой материал» в терминологии Л.В. Щербы), однако особенность работы с большими базами данных (корпусами текстов или поисковыми системами) заключается в том, что норму задает большинство. В соответствии с этим, если словосочетаний с анализируемой единицей мало или их нет вовсе (см. рис. 2), а рассматриваемое значение выражается другим способом, и он, наоборот, частотен,

можно утверждать, что данное значение невозможно или маловероятно [Рахилина 2017: 124–125].

Триангуляционный подход, таким образом, позволяет значительно повысить степень валидности полученных результатов и снизить в целом уровень субъективности, присущей семантическому эксперименту с привлечением информантов, поскольку, как констатируют исследователи, «совпадение результатов двух независимых исследовательских экспертиз позволяет говорить о достоверности полученных результатов» [Сулейманова, Нерсисян 2018: 44–45].

Подчеркнем, что в настоящей работе все результаты получены посредством последовательного применения рассматриваемого метода на протяжении всего исследования.

2.2. Пошаговая процедура применения триангуляционного подхода для описания семантики глаголов говорения

Остановимся на пошаговой процедуре описания семантики глаголов говорения и проиллюстрируем применяемую методику на примере анализа двух пар глаголов. На первом этапе исследования было отобрано по 200 словоупотреблений каждой из пар глаголов *бормотать / бубнить* и *лепетать / лопотать*. Как уже упоминалось ранее, в качестве материала исследования используются контексты с исследуемыми глаголами из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), охватывающие пласт художественных и публицистических произведений за разные годы, а также контексты, полученные в ходе точечных запросов в поисковых системах Google и Yandex.

На следующем этапе отобранные контексты индуктивно обобщаются и выделяются группы «похожих», «однотипных» контекстов с фиксацией дифференциального признака (так называемая предварительная «разметка» материала). Исследуемые глаголы разделялись нами на четыре группы согласно выделенным значениям: прямое, метонимическое, метафорическое и комбинированное (метафтонимическое).

Далее исследуется валентность данных предикатов. Как рекомендует О.А. Сулейманова, «если дифференциальный признак, разграничивающий значения исследуемых единиц, не может быть четко вычленим, то в таком случае классифицируются дистрибутивные параметры слова, его левая и / или правая

сочетаемость, валентность и элементы контекстного окружения» [Сулейманова, Нерсисян 2018: 43–47].

Так, например, найдено множество примеров сочетаемости выбранных глаголов с фазовыми глаголами (*начал, продолжил, перестал* и др.), с наречиями, описывающими разные характеристики процесса говорения (*тихо, громко, монотонно, жалко, холодно, жалобно* и др.), а также с деепричастиями, репрезентирующими акт говорения (*оправдываясь, заикаясь* и др.). В дальнейшем эти данные будут использованы для создания уточненных описаний значений изучаемых предикатов.

Часто у исследователя может и не быть гипотезы о сущности различий в значениях анализируемых языковых единиц, поскольку данных словарей оказывается недостаточно для формулирования первоначальной гипотезы о характере различий в значениях рассматриваемых единиц, в связи с тем, что предложенные в словарях толкования значений слов не всегда оказываются точны и однозначны. Ср., например, определения из онлайн словарей [Карта слов и выражений русского языка 2020], [Русский Викисловарь 2020], предлагающих толкования значения из многочисленных словарей и справочников [МАС], [ССРЛЯ], [ТСРЯ] и иллюстрирующие их примеры из НКРЯ:

1) **бубнить** – говорить глухо и быстро. – *Говорю, лучше остановись! – глухо бубнил Таракан, цепляясь за рукав* (М. Булгаков. Таракан, 1925);

– монотонно, неразборчиво, ворчать, бормотать, несмело выражать протесты. *Он тяжело дышал, беспрестанно озирался и что-то неразборчиво бубнил себе под нос* (А. Макеев, Н. Леонов. Ментовская крыша (2004); *И ты что-то бубнишь, а очередь ждет, а старушенция, покачивая головой, торжествует, и записывает на тебя опостылевшую книгу* (Ф. Искандер. Мученики сцены, 1989);

– однообразно, монотонно повторять что-либо (с целью запомнить, заучить и т. п.). *Человек спрятался за трибуну и занудно бубнит текст, заглядывая в бумажку...* (Г. Архангельский, О. Стрелкова. Госслужба на 100%: Как все устроено, 2016)

2) **бормотать** – говорить тихо, негромко, неясно, про себя. *Учитель рядом невнятно бормотал про себя* (В. Быков. Камень, 2002); *В тот же день доктор*

Рамеш, индеец, тихо бормотал мне, когда мы были одни (В. Голяховский. Русский доктор в Америке, 1984–2001).

– невразумительно, невнятно произносить. *Он находился еще под наркозом и что-то неразборчиво бормотал* (Г. Березко, Ночь полководца, 2001). *Никто не мог разобрать, что бормотал лектор.*

3) **лепетать** – говорить несвязно, неразборчиво (обычно о речи детей). *Гулять, пошли гулять, – лепетал ребенок* (К. Подгорный. Матушка Готель, 2017); *«Ка... прыз», – лепетал мальчик* (Б. Хазанов. Я воскресенье и жизнь, 1976);

– говорить невнятно, невразумительно, сбивчиво, с трудом подыскивая слова; бормотать. *Он засуетился, стал бегать по квартире и только лепетал: – Скажи, что сделать?* (М. Шишкин. Письмовник // «Знамя», 2010); *И планировку видел, – жалобно лепетал Николай Васильевич, упираясь* (А. Волос. Недвижимость, 2000).

– тихо, смутно звучать, издавать тихие, неясные звуки (о явлениях природы – шум, шелест и т. п.). *Все кругом шумело, лепетало* (Г.П. Данилевский, «Беглые в Новороссии», 1862)

4) **лопотать** – говорить несвязно, неясно произнося слова (о детях); лепетать. *А Светка, когда научилась лопотать, выговаривала ей* (Э. Розенталь. Хроника блудного брата // «Вестник США», 2003); *Сложно беседовать со взрослой девицей, которая лопочет, как шестилетний ребенок, но я стараюсь...* (А. Старобинец. Мечтают ли андроиды о летнем отпуске // «Русский репортер», 2012);

– говорить невнятно, бормотать. *Пассажир, конечно, побледнел, как полотно. Начал чего-то такое лопотать, за свой карманчик хвататься.* – (М. Зощенко. Доктор медицины, 1920–1930); *Действительно, Диана встала как вкопанная и лопочет: «Опоздали»* (С. Ткачева. Новый год и звезды // «100% здоровья», 2002).

– говорить на незнакомом, непонятном для других языке. *А он вылез, да еще сразу начал лопотать быстро по-ихнему* (А. Приставкин. Вагончик мой дальний, 2005); *А американец начал что-то быстро лопотать по-английски, тыча рукой в фотографию* (В. Доценко. Тридцатого уничтожить! 2000);

– тихо звучать, шелестеть. *Слышно было как мощно лопочет листва* (Ю. Никитин. Скифы, 2018)

Как видно, каждый из рассматриваемых глаголов репрезентирует акт говорения, внося информацию об особенностях говорения субъекта речи. Однако предлагаемые словарями определения не дают адекватного и исчерпывающего описания семантики лексических единиц. На проблему лексикографического портретирования слова в принципе уже указывали и И.А. Стернин и Э.В. Шаламова, подчеркивая, что «семантика слова не может быть сведена к ее описанию в словарях, к т. н. лексикографическому значению слова – там семантика представлена всегда не полностью, значения слов представлены в основном в своих ядерных компонентах» [Стернин, Шаламова 2016: 70].

Так, мы видим, что глагол *лопотать* в одном из значений определяется через его синоним – *лепетать*, а глагол *бубнить* через глагол *бормотать*. Таким образом, в словарных статьях образуются так называемые «логические круги», при которых слова трактуются друг через друга.

Кроме этого, существует другая проблема, заключающаяся в наличии совпадающих фрагментов в толкованиях рассматриваемых предикатов, что позволяет утверждать о тождественности значений слов и, следовательно, их возможной взаимозамены во всех контекстах, что опровергается языковой практикой. Например, **бубнить** – *монотонно, неразборчиво, ворчать, бормотать, несмело выражать протесты* и **бормотать** – *невразумительно, невнятно произносить*. Так, глаголы *бормотать* и *бубнить* репрезентируют акт говорения и характеризуют речь как *глухую, монотонную, однообразную или тихую, неясную, неразборчивую*, ср.: *Затем услышали голоса. Один **быстро бормотал**, точно читал книжку* (А. Толстой. Обыкновенный человек, 1917), где глагол *бормотал* сочетается с наречием *быстро* и вносит информацию о том, что субъект речи говорит *быстро, неразборчиво, неясно*. Ср. также *Я только сейчас понял, – он все **бубнил** что-то вроде: би... би... би... би...* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1, 1960), где глагол *бубнил* вносит информацию о том, что субъект речи говорит *монотонно, неразборчиво, неясно, про себя* (ср. с определением глагола выше). Ср. недопустимые (отмечены знаком *) или не вполне допустимые (отмечены знаком ?) замены: *Ты что-то ?бубнил во сне и корчил страшные гримасы!*

(М. Милованов, Рынок тщеславия, 2000) или **Пробормотал все это как заученное стихотворение* (М. Раабе, Истина, 2020).

Сходство в описаниях значений наблюдается также у глаголов *лепетать* и *лопотать*: **лепетать** – *говорить несвязно, неразборчиво (обычно о речи детей)* и **лопотать** – *говорить несвязно, неясно произнося слова (о детях); лепетать*. Например, «*Ка... прыз*», – **лепетал мальчик** (Б. Хазанов. Я воскресение и жизнь, 1976) и [*Девчонка*], *не переставая, что-то лопотала своим милым детским голоском* (Л. Толстой, Воскресение, 1899), где использование рассматриваемых глаголов позволяет адресату воспринимать речь как детскую, т.е. *несвязную, неразборчивую*.

Во втором значении у исследуемых глаголов встречаются пересекающиеся фрагменты, и они оба трактуются через глагол *бормотать*: **лепетать** – *говорить невнятно, невразумительно, сбивчиво, с трудом подыскивая слова; бормотать; лопотать* – *говорить невнятно, бормотать*. Ср.: *А мы с женой и Зюечкой жили в эвакуации в Чувашии... – быстро пролопотал старик* (Ю. Трифонов. Старик, 1978). Ср. также допустимое *пролепетал старик*.

На данную проблему указывали О.А. Сулейманова и М.А. Фомина, утверждая, что «логические круги» и совпадающие фрагменты в толкованиях лексических единиц предполагают, что данные глаголы совпадают в значении и, следовательно, должны быть взаимозаменяемы практически в любых контекстах [Сулейманова, Фомина 2018b]. Но в случае замены в контексте одного из рассматриваемых глаголов на другой выясняется, что между ними существуют различия, которые не получают отражения в словарном описании, но отчетливо осознаются носителями языка: *бубнил текст* – *говорил монотонно, заученно и бормотал текст* – *тихо, невнятно, себе под нос говорил что-то*. Ср. также **лопотал бледный Сеня** – *говорил несвязно, непонятно произнося слова, оправдываясь* и **лепетал бледный Сеня** – *говорил невнятно, невразумительно, сбивчиво, с трудом подыскивая слова*, где на передний план выдвигается описание «слабой» коммуникативной позиции говорящего (об этом см. ниже).

Таким образом, несмотря на некоторую семантическую общность исследуемых глаголов, позволяющую в ряде случаев осуществлять их замену в контексте, существуют признаки, разграничивающие значения данных предикатов.

Более того, как подчеркивают О.А. Сулейманова и М.А. Фомина, «если высказывания, полученные в результате взаимозамены лексических единиц, и оцениваются опрашиваемыми как приемлемые, информация, вносимая этими глаголами, будет различна» [Сулейманова, Фомина 2018b]. Ср., например, оцениваемое информантами как приемлемое *По бумажке пробубнили комсомольский секретарь и начальник АХО* и оцениваемое как невозможная замена *Потом по бумажке ?пробормотали положенное комсомольский секретарь и начальник АХО*. Ср. также *И принялись что-то лопотать на непонятном наречии* и отмеченное информантами как на грани приемлемости / неприемлемое *И принялись что-то ?/*лепетать на непонятном наречии*.

Для построения гипотезы о различиях в значениях анализируемых глаголов говорения *бубнить / бормотать* и *лепетать / лопотать* необходимо практически «механически» заменять изучаемую единицу на ее синоним, пытаясь получить «отрицательный языковой материал», на основании которого может быть сформулирована гипотеза о значении лексемы, с ее дальнейшей экспериментальной проверкой [Сулейманова, Фомина 2010]. Как справедливо в этой связи отмечает О.Н. Селиверстова, «поскольку в словарных статьях помимо верных предлагаются и неверные сведения и, кроме того, поскольку словарные толкования часто оказываются неполными, работа исследователя не может сводиться только к систематизации – она должна дополняться проведением верификационных процедур» [Селиверстова 2004: 90].

На этом этапе исследования формируется репрезентативная выборка примеров, в которой исходный глагол заменяется на его синоним, т.е. *бормотать* на *бубнить*, *лепетать* на *лопотать*, а затем полученные высказывания предъявляются информанту для оценки их правильности или неправильности с точки зрения его языковой компетенции.

Анализ результатов эксперимента, подразумевает разделение полученного языкового материала на «положительный» и «отрицательный» (по терминологии Л.В. Щербы [Щерба 2004: 30]) с его последующей интерпретацией и выдвижением гипотезы о сущности различий в значениях исследуемых глаголов.

2.2.1. Описание семантики глаголов *бубнить* и *бормотать*

Так, было обнаружено, что глагол *бубнить* не используется, когда речь идет о неконтролируемом процессе говорения, ср., получившее отрицательную оценку информантов *?бубнил во сне; *бубню спросонок; *бубнил в бреду*, кроме этого данный глагол не может вносить информацию об акте говорения на каком-либо языке: *по-русски едва *бубнит; *бубнит по-немецки; *бубнит по-цыгански* и др.

Глагол *бормотать* зачастую не может репрезентировать ситуации, когда говорящий контролирует процесс говорения или отдает себе отчет в этом, а также когда сфокусирован на содержании или на релевантных компонентах денотативной ситуации: собеседнике, содержании, условиях говорения и т.д. – ср., например, отмеченное информантами как не совсем приемлемое: *?терпеливо бормотал, ?деловито бормотал*.

В связи с этим глагол *бормотать* не может репрезентировать ситуации, когда кто-то монотонно и однообразно говорит с целью выучить что-либо, ср.: **бормотал текст* и **бормотал стихотворение*. Однако информантами было отмечено, что использование данного глагола допустимо в случае описании внешней стороны говорения, т.е. манеры говорения, ср., допустимо *бормотал стихотворение* (читал стихотворение вслух, но тихо, неясно, практически про себя, себе под нос).

Таким образом, на основе анализа контекстов мы выдвигаем гипотезу о различиях в семантике исследуемых глаголов и проверяем ее на имеющемся языковом материале. Если выделенный дифференциальный признак работает, приступаем к следующему шагу – анализу имеющегося корпуса примеров и проверке словосочетаний с исследуемыми языковыми единицами с помощью поисковых систем. Так, обнаружено множество контекстов, которые подтверждают (в иных случаях могут опровергать) выдвинутую нами гипотезу о различиях в семантике исследуемых глаголов говорения. Остановимся на каждом из глаголов говорения подробнее.

В значении глагола *бубнить* содержится акцент на релевантных компонентах денотативной ситуации: собеседнике, содержании речи, условиях говорения и т.д., ср.: *По телевизору какие-то унылые люди давно уже бубнили про надвигающийся кризис, но его лично вся эта болтовня совершенно не задевала* (А.

Геласимов. Дом на Озерной, 2009), где глагол **бубнили** вносит информацию о том, что субъект речи говорит *быстро, монотонно, неразборчиво, а также долго и нудно* (содержание речи). Ср. также допустимое *давно уже бормотали про надвигающийся кризис*, вносящее информацию о том, что субъект речи говорит *тихо и невнятно*.

Глагол **бубнить** может описывать однообразность, монотонность и повторяемость акта говорения, ср.: например, *Есиф вообще редко сиживал за столом вместе с учениками, больше ходил по избе, заложив руки за спину, и монотонно бубнил урок* (В. Гладкий Под маской скомороха, 2019), где глагол **бубнил** репрезентирует ситуацию, когда кто-то монотонно, многократно говорит, повторяет вслух что-то, чтобы заучить, запомнить. Ср. также вызвавшее у информантов некоторые сомнения *?бормотал урок*, в котором акцент смещается на звуковую характеристику речи – говорить *тихо, невнятно, про себя*. Анализ запросов в поисковых системах показал отсутствие вхождений с этим словосочетанием, что подтверждает некорректность данного употребления. Ср.: **бубнил урок**, получившее более 70 вхождений, что, безусловно, не является общеупотребительным вариантом, но в целом не отрицает возможность употребления глагола **бубнить** в этом значении, поскольку информанты отметили допустимость такого употребления. Вероятнее всего данное значение еще не вполне закреплено в языковом сознании носителей языка.

В связи с вышерассмотренным значением глагол **бубнить** способен репрезентировать ситуации, когда субъект речи как бы осуществляет «контроль» над процессом говорения (добавляется осознанность действия), ср.: *Что по описи было, то и отдаем, – терпеливо бубнит доведенный до изнеможения Ушаков* (Э. Радзинский. Княжна Тараканова, 1999), где обстоятельство с глаголом **терпеливо бубнит** характеризует речь героя как *глухую, однообразную, монотонную, местами невнятную*. Ср. также аналогичное *Хозяйка деловито бубнила с набитым ртом: «Теперь ко мне Назейкина Анатолия, вот и свидимся мы вновь»* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001), где есть указание на контролируемость акта говорения, а обстоятельство с глаголом **деловито бубнила** обозначает речь героя, жующего пищу, характеризуя ее как *глухую и быструю, монотонную, невнятную*, в связи с наличием препятствия

для четкого произнесения звуков. Ср. также отмеченные информантами как не совсем приемлемые высказывания *?терпеливо бормотала* и *?деловито бормотала*, поскольку семантика глагола *бормотать* противоречит семантике наречий *терпеливо / деловито*, подразумевающих наличие контролируемости действия. Таким образом, высказывания вносят информацию о неконтролируемом процессе говорения, в результате которого субъект речи говорит *тихо, негромко, неясно, про себя*. В ходе запросов в поисковые системы установлено, что словосочетания как с глаголом *бормотать*, так и глаголом *бубнить* получают в данном случае приблизительно одинаковое количество вхождений (220 и 266 соответственно), что возможно свидетельствует о том, что данное значение глагола *бубнить* еще не вполне закреплено в языковом сознании носителей русского языка.

В некоторых случаях глагол *бубнить* используется для создания образности речи, например, *Приходили и отправлялись составы, гудели электровозы, бубнило вокзальное радио* (Э. Рязанов, Э. Брагинский. Вокзал для двоих, 1983), где глагол *бубнило* используется в метафорическом значении ‘говорить бубня => издавать однообразные, монотонные звуки’. Ср., например, *Бубнил бубен шамана, трещали костями скелеты, звякали цепи Песиглавцев* (И. Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть 2007), где глагол *бубнил* образует метафорический перенос ‘говорить бубня => издавать однообразные, монотонные звуки’.

В высказывании глагол *бубнить* иногда может использоваться одновременно метонимически и метафорически: *Леди Диана Спенсер решила отказаться от мехов в своем гардеробе, – бубнил телевизор* (Т. Тронина. Русалка для интимных встреч, 2004), где способом описания акта говорения выступает и метафорический перенос ‘человек бубнит => бубнит телевизор’, и метонимический перенос ‘бубнил телевизор, т.е. издавал звуки / говорил глухо, монотонно, однообразно, неразборчиво’. Таким образом, в данном примере наблюдается метонимическая репрезентация денотативной ситуации при помощи глагола, используемого метафорически. Ср. оцениваемые информантами как приемлемые высказывания *бормотал телевизор* и *бормотало радио*. В ходе проверки этих словосочетаний в поисковых системах обнаружено большое количество вхождений, что свидетельствует о взаимозаменяемости двух глаголов и

высокой частотности этого метафорического значения, ср.: *бубнил(о) телевизор / радио* получило 11 500 и 3 700 вхождений, тогда как *бормотал(о) телевизор / радио* – 7620 и 4340 вхождений соответственно.

Обобщенное значение глагола **бубнить** можно сформулировать следующим образом: *говорить быстро, монотонно и неразборчиво, долго и нудно артикулировать, контролируя процесс говорения; монотонно и многократно говорить (вслух или про себя) с целью выучить или запомнить что-либо; издавать глухие, однообразные, монотонные звуки (о механизмах или явлениях природы).*

В свою очередь, глагол **бормотать** обычно используется для описания неконтролируемого процесса говорения, когда содержание речи неважно для адресата, когда она характеризуется как *тихая, нечленораздельная, невнятная, неразборчивая* (в связи с опьянением говорящего, принятием наркотиков, во сне или в бреду и др.): *Он находился еще под наркозом и что-то неразборчиво бормотал* (Г. Березко, *Ночь полководца*, 2001), где *бормотать* репрезентирует неконтролируемый акт говорения и характеризует речь как *невразумительную, невнятно произносимую* в связи с наркотическим опьянением. Ср. также *Что-то пробормотал во сне Вася* (В. Пелевин. *Синий фонарь*, 1991), где глагол *пробормотал* репрезентирует речь человека, который не может контролировать процесс говорения, поскольку спит. Ср. отмеченное информантами как неприемлемое *что-то ?пробубнил во сне Вася*, где глагол вносит информацию о быстроте, монотонности речи и не способен описывать контролируемость акта говорения. Однако проверка употреблений анализируемых предикатов в поисковых системах показала наличие 397 и 6 вхождений для выражений *?бубнил во сне* и **бубнил в бреду*, тогда как те же высказывания с глаголом *бормотать* получают 23 100 и 7 540 вхождений соответственно. Эти данные допускают возможность употребления глагола **бубнить** для описания неконтролируемой речи (во сне), но в целом это значение не является релевантным, что подтверждает гипотезу о различиях в семантике двух глаголов.

В связи с тем, что глагол **бормотать** характеризует речь как *нечленораздельную, невнятную*, он может репрезентировать акт говорения и вводить информацию о том, что субъект речи говорит на языке, непонятном для окружающих, ср., например, *Бабка Маруца что-то бормотала по-цыгански, и*

даже *Толик не мог перевести на русский ее слова* (В. Бурлак. Хранители древних тайн (2001) или *Он оказался один среди евреев, которые все бормотали на незнакомом ему языке* (Ю. Петкевич. Живые цветы зимой, 2001). Ср. также *Ростом – вершок, дура-дурой, по-русски едва бормочет, лицо желтое, как пулавка, глаза враскос...* (А. Амфитеатров. Марья Лусьева, 1903), где глагол *бормочет* в сочетании с наречием *по-русски* репрезентирует слабую способность персонажа изъясняться на русском языке. Ср. также недопустимые / на грани приемлемости, по мнению информантов, высказывания *?/*бубнила по-цыгански; ?/*бубнили на незнакомом языке; ?/*по-русски бубнит; ?/*бубнит по-немецки*, где глагол *бубнить* вносит информацию о том, что субъект речи говорит на языке, непонятном для окружающих. Эти данные подтверждаются количественными характеристиками: найдено всего несколько высказываний для случаев типа *?/*по-русски бубнит; ?/*бубнит по-немецки; ?/*бубнит на незнакомом языке*, тогда как те же примеры с глаголом *бормотать* получают 2300, 1000 и 150 вхождений соответственно.

При введении прямой речи частотны метонимичные употребления глагола *бормотать*, ср.: *А... зачем? – озадаченно пробормотал Виталий*. (В. Васильев. Шуруп, 2013), где глагол *пробормотал* репрезентирует акт говорения, характеризуя речь как *тихую, невнятную*. Ср. также аналогичное *пробубнил Виталий*, где привносится информация о недовольстве, раздражительности субъекта речи, когда он говорит глухо и монотонно.

Глагол *бормотать* может подвергаться метафоризации, в результате которой начинает относиться не к речи человека, а к звукам, издаваемым объектами неживого, предметного мира, созданными людьми: *На грудь ему давила тяжелая, выброшенная из окна фаянсовая раковина, а на кухне непрерывно бормотал кран* (И. Грекова. Фазан, 1984) или *При движении на высоких оборотах откровенно назойливо «бормочет» двигатель* (Н. Качурин. Тарзанка // «Автопилот», 2002), где глагол *бормотал* образует метафорический перенос ‘бормотать (о человеке) => издавать тихие, шелестящие, ритмичные звуки (об устройстве, механизме)’, а также описывает специфическую работу двигателя автомобиля. Или, например, *За стеной бормотал телевизор* (Е. Усачева. Любовная записка с того света, 2006), где способом описания речи выступает

метафорический перенос 'голос человека' => 'звук из динамика телевизора'. Таким образом, в данных примерах наблюдается метафорическое использование глагола говорения для описания денотативной ситуации. Ср. не совсем приемлемые, по мнению информантов, употребления *?бубнит кран* и *?бубнит двигатель*, подразумевающие некоторую сознательность действия. В ходе дополнительной верификации данных не были найдены примеры для словосочетания *бубнит кран*, но обнаружено небольшое количество вхождений для *бубнит двигатель* (42 случая).

Таким образом, глагол *бормотать* обозначает *тихо, невнятно или нечленораздельно говорить, не контролируя процесс говорения (из-за алкогольного или наркотического опьянения, во сне, в бреду и др.); говорить тихо, невнятно и неразборчиво (себе под нос); говорить нечленораздельно, непонятно для окружающих (об иноязычной речи); издавать тихие, шелестящие, ритмичные звуки (об устройствах, механизмах).*

2.2.2. Описание семантики глаголов *лепетать* и *лопотать*

Рассмотрим вторую пару глаголов – *лепетать* и *лопотать*. Хотя в значении глагола *лепетать* и присутствует указание на несвязность, невнятность речи, он не может использоваться для описания способности субъекта речи изъясняться на незнакомом, непонятном для окружающих языке, ср. отмеченное как не совсем приемлемое: *?/*лепетал по-немецки*, где вносится информация о звуковой стороне акта говорения.

Глагол *лопотать* не используется для описания ситуации, в которой задана подчиненная коммуникативная позиция (об этом см. ниже), ср.: *?лопотал бледный Сеня*, где прилагательное *бледный* привносит представление о существовании подчиненных отношений между участниками ситуации. Информанты также отметили невозможность употребления выражения типа *детский / взрослый *лопот*. Ср., например, допустимое: *детский лепет, наивный лепет* и др., содержащее в своем значении компонент «детской» речи.

Далее выдвигается гипотеза о дифференциальных семантических признаках исследуемых глаголов и проводится ее проверка на имеющемся языковом материале. Так, обнаружено множество контекстов, которые подтверждают

выдвинутую нами гипотезу о различиях в семантике глаголов *лепетать* и *лопотать*.

Глагол *лепетать*, описывая содержательную и внешнюю, звуковую сторону речи и характеризуя ее как *несвязную, неразборчивую, невнятную*, может использоваться для репрезентации «детской» речи (*несерьезная, легковесная*), ср., например: *И лепечет ей малютка: «Мама, я умру»* (Н. Мордюкова. Казачка, 2005), где глагол *лепетать* репрезентирует речь ребенка и характеризует ее как *неразборчивую, с неясным произношением отдельных слов*. Так, информанты отмечают допустимость высказываний типа *лопочет ей малютка; лопочет ребенок; лопотала девочка*, хотя при запросах в поисковых системах вхождений с глаголом *лопотать* значительно меньше (чуть более 300 вхождений), чем с глаголом *лепетать* (свыше 6000 вхождений). Такое расхождение в количественном отношении при сходстве значений обусловлено тем фактом, что глагол *лепетать* в первую очередь репрезентирует речь детей, тогда как глагол *лопотать* не маркирован с точки зрения описания взрослой / детской речи, характеризуя другие особенности речи (об этом см. ниже).

В связи с этим глагол *лепетать* при описании говорения взрослого может характеризовать его речь как *быструю, сбивчивую, невнятную и неразборчивую*, ср.: также *Понимаешь, – жалобно пролепетала она, – в ту пятницу я осталась у Никиты...* (В. Белоусова, По субботам не стреляю 2000), где глагол *пролепетала* вносит информацию о том, что субъект речи переживает сильные эмоции и находится в слабой / подчиненной коммуникативной позиции, в результате чего слушающему сложно расчленить речевой поток на отдельные осмысленные языковые единицы. Это также подтверждается запросами в поисковые сети, поскольку словосочетания *жалобно (про)лепетал* получают 552 и 4870 вхождений, тогда как *жалобно (про)лопотал* – 0 и 19 вхождений соответственно.

Таким образом, слабая коммуникативная позиция говорящего представлена с точки зрения слушающего и определяется тем, что глагол *лепетать*, характеризуя речь как *быструю, сбивчивую, невнятную, неразборчивую* и др., маркирует ее как неважную, содержанием которой можно пренебречь в связи с коммуникативными установками слушающего, например, по причине сравнения с детской речью, ср.: *Я... не Борина, – заикаясь, пролепетала тетка, очевидно,*

плохо понимая, о чем именно она говорит, – я теперь Селезнева, а раньше была Уварова... (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости, 2003), где глагол **пролепетала** соответствующим образом репрезентирует акт говорения. Ср. также *В растерянности я пролепетал что-то о склонности Меттера к розыгрышам и шуткам* (Е. Рубин, Пан или пропал. Жизнеописание, 1999-2000), где глагол **пролепетал** вносит информацию о слабой / подчиненной коммуникативной позиции, оцениваемой так с точки зрения самого говорящего, и характеризует речь как *сбивчивую, неразборчивую* и др.

В таком случае содержание сообщения как по сути самый релевантный компонент высказывания оказывается тем не менее неважным для говорящего / слушающего, поскольку оцениваются и воспринимаются только внешние характеристики речи, ср.: *Знаменитость сбилась, лепечет невнятицу* (В. Маканин. Удавшийся рассказ о любви, 1998–1999), где глагол **лепечет** описывает характер и манеру говорения, а также указывает на подчиненную коммуникативную позицию субъекта речи.

Ср. также не совсем приемлемые, по мнению информантов высказывания *?В растерянности я пролопотал что-то* и *?знаменитость сбилась, лопочет невнятицу*, где глагол **лопотать** хотя и репрезентирует речь как *невнятную, неразборчивую*, однако не вносит информацию о слабой / подчиненной коммуникативной позиции говорящего.

Глагол **лепетать** может репрезентировать речь человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения: *Сказал, что под конец рабочей смены решил выпить 0,5 л пива, но поверить в это сложно, как минимум, пол-литра водки выпил. Заплетающимся языком лепетал, что осознал свою ошибку, обещал больше так не делать* (Р. Максимова «Грани». Новости Чебоксар, Новочебоксарска и Чувашии, 2017), где в значении глагола **лепетал** присутствует указание на слабость коммуникативной позиции говорящего (из-за алкогольного опьянения), в результате чего способность к членораздельной речи ослабляется, и она характеризуется как *невнятная, непонятная, бессмысленная*. Ср. вносящее схожую информацию о процессе говорения в случае **лопотал** *заплетающимся языком*.

Глагол *лепетать* также может вводить информацию об акте говорения и характеризовать речь как *несвязную, прерывистую, сбивчивую*, ср.: *Полиночка... Васильевна, – пролепетала она, захлебываясь дыханием* (М. Елизаров. Библиотекарь, 2007), где прерывистость и сбивчивость речи выражается графически с помощью пауз, многоточий. Ср. аналогичное *пролопотала она, захлебываясь дыханием*.

Рассмотрим особенности метафоричных употреблений глагола *лепетать*. В некоторых случаях глагол описывает звуки, издаваемые предметами неживого мира, ср.: *Крона тополя огромным самостоятельным царством лепетала вверху, дребезжа матовым серебром изнанки, темным верхним глянецом* (А. Иличевский. Ай-Петри // «Октябрь», 2006) или *Все вокруг ослепительно блестит: лепечут бриллиантовые ручки, ключи, речки, сияют озера* (В. Катаев. Юношеский роман, 1980–1981), где используются метафорические переносы ‘говорить лепеча, сбивчиво’ (о речи человека) => ‘тихо, невнятно звучать, журчать’ (о шуме, издаваемом листьями или потоком воды). Безусловно, данные примеры представляют собой случаи авторской метафоры, однако в большинстве случаев они образуют регулярные модели метафорических переносов, свойственные обоим глаголам, ср.: *лепетал / лопотал ручей, ребенок внутри меня лепетал / лопотал* и др., которые вносят информацию о метафорических переносах в значении предикатов, связанных с тем, что домен-источник проецируется в домен-цель (в терминах когнитивной лингвистики). Поиск системы демонстрируют, что в количественном отношении подобные переносы свойственны обоим глаголам (например, *лепетал ручей* – 266 вхождений, тогда как *лопотал ручей* – 140).

Итак, глагол *лепетать* обозначает *говорить быстро, тихо, сбивчиво, неразборчиво / нечетко артикулируя, находиться в «слабой» и / или подчиненной коммуникативной позиции, в результате чего слушающему сложно расчленить речевой поток на отдельные осмысленные языковые единицы, поскольку содержание сообщения передается не только словами, но и интонацией, невербальными средствами (акцент на внешних характеристиках речи); тихо, невнятно звучать, журчать (о явлениях природы или объектах предметного мира)* [Чаплин 2019а: 384].

Как упоминалось выше, глагол *лопотать* не маркирован с точки зрения описания взрослой или детской речи и репрезентирует ее как *несвязную, с неясным произношением, непонятную для окружающих*, ср.: [*Девчонка*], *не переставая, что-то лопотала* своим милым детским голосом (Л. Толстой. Воскресение, 1899), где глагол *лопотала* вносит информацию о речи маленького ребенка. Ср. также *А мы с женой и Зоечкой жили в эвакуации в Чувашии... – быстро пролопотал старик* (Ю.В. Трифонов, Старик 1978), где глагол *пролопотал* вносит информацию о речи взрослых, характеризуя ее как сложную для распознавания / декодирования с точки зрения членения на осмысленные языковые единицы.

В силу того, что глагол *лопотать* репрезентирует речь как *несвязную, непонятную*, он может использоваться для описания иноязычной речи, которую слушающий не понимает, ср.: *Из кубрика высунула голову женщина, что-то пролопотала по-норвежски, махнула рукой и опять ушла в кубрик* (Е. Замятин. Ела, 1928), где глагол *пролопотала* вносит информацию о речи как *невнятной, с неясным произношением слов, непонятной со стороны слушающего*. Ср. также *Фризоргер что-то лопотал и лопотал по-немецки* (В. Шаламов. Колымские рассказы, 1954–1961) или *Заденет, заденет он нас, – лопотал китаец* (А. Вороной. Банда профессора Перри Хименса, 2018), где глагол *лопотал* указывает на *быстроту, невнятность, несвязность акта говорения*. Ср. отмеченное информантами как не совсем приемлемое / недопустимое *что-то ?/*пролепетала по-норвежски; Фризоргер что-то ?/*лепетал и лепетал по-немецки; ?/*лепетал китаец*, где глагол *лепетать* не может вносить информацию об иноязычной речи, акцентируя внимание на характере и манере говорения (*речь бессвязная, сбивчивая*). Эти данные также подтверждаются при анализе вхождений с анализируемыми глаголами в поисковых системах, например, *лопочет по-русски / по-немецки* или *лопочут не по-нашему* получает 4960 / 2370 и 765 вхождений, тогда как *?лепечет по-русски / по-немецки; ?лепечут не по-нашему* – 967 / 23 и 7 вхождений соответственно.

Глагол *лопотать* в некоторых случаях специально используется для создания речевого портрета говорящего, и как и глагол *лепетать*, также может вводить информацию о речи человека, находящегося в состоянии алкогольного

опьянения, ср.: «*Что ты, я совсем пьяный*», – **лопотал** будущий автор открытия поляризации излучения Крабовидной туманности (И. Шкловский. Новеллы и популярные статьи, 1982), где глагол **лопотал** репрезентирует акт говорения и характеризует речь как *несвязную, бормочущую, непонятную для окружающих*, в связи с тем, что пьяный человек не контролирует процесс говорения и *произносит слова невнятно и неразборчиво*.

В метафорическом значении глагол **лопотать** описывает не акт говорения, а характеризует звуки, издаваемые объектами неживого, предметного мира или явлениями природы, ср.: *В траве кричал дергач. Лопотал под камнем родник* (К. Паустовский, Дым отечества, 1964) или *Лопотал костер. Слышно, как конь Прохора хрупает овес* (В. Шишков. Угрюм-река. Ч. 1–4, 1928–1933), где глагол **лопотал** образован метафорическим переносом ‘*говорить несвязно, бормотать*’ => ‘*издавать тихие, смутно звучащие звуки, шепот, шелест, журчание* и т.д.’. Как уже говорилось ранее, поисковые системы демонстрируют, что в количественном отношении подобные переносы свойственны обоим глаголам (например, *лепетал ручей* – 266 вхождений, тогда как *лопотал ручей* – 140).

Глагол **лопотать** метафорически может описывать «процесс говорения» какого-либо механизма, ср.: *Тикают стенные часы, лопочет репродуктор, но его никто не слушает, хотя почему-то и не выключают* (Ф. Искандер. Начало, 1969) или *Виртуальное радио мило лопочет глупости* (В. Никора, За гранью игры, 2018), где глагол **лопочет** образует метафорический перенос ‘*голос человека*’ => ‘*звук из динамика радиоприемника*’. Ср. отмеченное информантами как приемлемое *лепечет радио*. В поисковых системах обнаружено сравнительно небольшое количество примеров с обоими глаголами, поскольку данные метафорические переносы не являются распространенными и общеупотребительными. Однако глагол **лопотать** все же встречается чаще (около 35 вхождений), чем глагол *лепетать* (около 10 вхождений).

Следовательно, глагол **лопотать** обозначает *говорить быстро, негромко, невнятно и непонятно артикулируя, в результате чего слушающему сложно распознать / декодировать речевой поток с точки зрения его членения на осмысленные языковые единицы (акцент на содержании речи); издавать тихие, невнятные звуки (о явлениях природы или объектах предметного мира)*.

2.2.3. Верификация и подтверждение данных проведенного эксперимента

Таким образом, в ходе анализа метонимичных глаголов говорения обнаружено большое количество контекстов, подтверждающих выдвинутую гипотезу о различиях в семантике рассматриваемых единиц, однако исследование еще не представляется завершенным, а полученные выводы полностью достоверными. Для окончательного подтверждения необходимо провести эксперимент, в ходе которого подбираются или создаются примеры, характеризующиеся в соответствии с нашей гипотезой либо как положительные, либо как отрицательные. В корпус примеров, предлагаемых информантам, подбираются или создаются пары предложений, которые отличаются друг от друга только по одному признаку: например, наличие / отсутствию контролируемости действия, способности / неспособности к репрезентации речи иностранца, слабой / сильной коммуникативной позиции говорящего и т.д.

Так, информантам, например, было предложено оценить следующие высказывания, ср.: *Без сомнения, Николай Яковлевич, – пролепетал председатель областного комитета* и *?Без сомнения, Николай Яковлевич, – пролопотал председатель областного комитета*. Второе предложение, в котором акт говорения репрезентируется глаголом *пролопотать*, вносящим информацию о том, что субъект речи говорит *несвязно, непонятно произнося слова, оправдывается*, получило отрицательные оценки информантов, тогда как первое, в котором присутствует указание на слабость коммуникативной позиции говорящего, оценивалось как приемлемое и нормативное. Это позволило сделать вывод о том, что использование глагола *лопотать* не предполагает выделение слабой коммуникативной позиции.

Или другая пара глаголов, ср.: *Ты что-то бормотал во сне и корчил страшные гримасы!* (М. Милованов. Рынок тщеславия, 2000) и **Ты что-то бубнил во сне и корчил страшные гримасы!* Второе предложение получило отрицательные оценки информантов, поскольку действие, описываемое глаголом *бубнить*, подразумевает наличие контролируемости со стороны субъекта речи, тогда как процесс говорения, представленный в первом предложении, является неконтролируемым (говорение осуществляется во сне). Таким образом, делается

вывод о том, что контролируемость действия нерелевантна для глагола *бормотать*.

Экспериментальная выборка примеров, созданная по такому принципу, предъявляется информантам для оценки правильности / неправильности предложенных высказываний. Затем полученные данные анализируются, причем проверка гипотезы заключается в соотнесении опытных данных с предварительной «разметкой исследователя», а не в разделении предложений на маркированные и немаркированные, как это делалось ранее.

Так, согласно ожиданиям получаем положительную оценку для высказываний с глаголом *бубнить*, где есть представление о контролируемости речи со стороны говорящего или содержится акцент на релевантных компонентах денотативной ситуации, и отрицательную для тех же высказываний с глаголом *бормотать*. Ср., например: *недовольно бубнил себе под нос* и *?недовольно бормотал себе под нос*.

Схожая ситуация наблюдается и с другой парой глаголов, ср.: *Она что-то быстро лопотала по-французски; лопотал китаец* и получившие отрицательные оценки информантов **Она что-то быстро лепетала по-французски; ?лепетал китаец*, где глагол *лепетать* не способен вносить информацию о том, что субъект речи говорит на иностранном языке, непонятном для окружающих, акцентируя внимание на внешних характеристиках речи (говорить *бессвязно, сбивчиво*).

При таких условиях, разница в семантике сравниваемых глаголов отчетливо осознается носителями языка, однако в некоторых случаях для информантов не релевантно, на чем акцентируется внимание в высказывании, и тогда ситуация допускает двоякую интерпретацию, например, глаголы *бубнить / бормотать* используются в метонимическом или метафорическом значении, с различных сторон описывая акт говорения, ср.: *А какие функции, – монотонно пробубнил Клетчатый* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет, 2005), где глагол *пробубнили* образован метонимическим переносом и репрезентирует ситуации, когда кто-то говорит *глухо, быстро, монотонно и неразборчиво*. Ср. также допустимый, по мнению информантов, вариант *монотонно пробормотал*, где глагол репрезентирует акт говорения, описывая речь как *тихую, негромкую, невнятную*. Эти выводы также подтверждаются анализом запросов в поисковых системах,

которые демонстрируют повышенную частотность словосочетания с глаголом *бубнить*, ср.: *монотонно бубнит* (13 100 вхождений) и *монотонно бормочет* (3 790 вхождений), *монотонно бубнил* (21 300 вхождений) и *монотонно бормотал* (5 690 вхождений). Несмотря на практически четырехкратное превосходство по количеству вхождений глагола *бубнить*, обе языковые единицы в исследуемом высказывании взаимозаменяемы, поскольку денотативная ситуация допускает различное осмысление. Ср. также словосочетания *невнятно бормотал* и *невнятно бубнил*, которые схожим образом репрезентируют акт говорения, акцентируя при этом несколько разные стороны акта говорения, и в поисковой системе Google получают 33 100 и 3900 вхождений соответственно.

Таким образом, в ходе исследования выдвинутая гипотеза о различиях в семантике глаголов говорения *бубнить* / *бормотать* и *лепетать* / *лопотать* получает экспериментальное подтверждение. Применение описанной методики, основанной на гипотетико-дедуктивном методе, семантическом эксперименте с привлечением информантов и обращением к поисковым системам Google и Yandex, позволило установить дифференциальные признаки, разграничивающие значения исследуемых глаголов говорения, а также дополнить и систематизировать их лексикографическое описание, которое, как отмечалось выше, в современных словарях зачастую является неполным. Отметим также, что в диссертации последовательно и на всех этапах данная процедура была применена к описанию и других глаголов говорения (подробнее см. главу 3 настоящего исследования).

2.3. Метаязык семантико-когнитивных исследований

Для адекватного и исчерпывающего описания семантики метонимичных и метафоричных глаголов говорения нам необходим понятийный аппарат описания – метаязык, на котором могут быть сформулированы семантические гипотезы.

Под разработкой понятийного аппарата мы понимаем введение в семантическое исследование таких понятий, которые не имеют специальных обозначений в языке и обычно соответствуют какой-то части значения описываемого языкового знака. Подчеркнем, что при решении данной задачи мы не стремимся к созданию некоторого единого метаязыка описания, как это, например, делается в работах [Апресян 1995а; Вежбицкая 1999]. Основная цель заключается в формулировании и уточнении метаязыковых понятий с помощью

средств естественного языка для их однозначной интерпретации в рамках настоящего исследования.

Как справедливо замечают О.А. Сулейманова и М.А. Фомина, «в основе лингвистического метаязыка лежит естественный язык и слова естественного литературного языка, в результате чего у исследователя возникает ощущение, что метатермины можно не определять специально – их значение представляется интуитивно очевидным и не нуждающимся в специальном определении» [Сулейманова, Фомина 2018а: 164–165].

В связи с этим, в настоящей работе в качестве основных метатерминов используются и специально определяются понятия *контролируемость действия*, *пресуппозиция / ассерция*, *порция действия*, *фрейм*.

2.3.1. Семантический признак *контролируемость действия*

Признак *контролируемость* действия вносит в высказывание информацию о том, что осуществляемое действие представляет собой контролируемую деятельность. Вслед за Т.Д. Шабановой, О.А. Сулеймановой, Д.Д. Холодовой под *контролируемостью* мы будем понимать сознательное приложение усилий со стороны субъекта к инициированию и поддержанию действия.

Т.Д. Шабанова, рассматривая данный семантический признак на примере глаголов зрения, под контролируемостью понимала приложение субъектом волевых усилий в виде сознательного управления начинанием, продолжением, качественным изменением, прекращением и завершением «работы» органов зрения [Шабанова 1998: 66].

Е.Ю. Иванова под контролируемостью понимала способность целеполагающего субъекта (агенса) инициировать или прекращать действие по собственному усмотрению, в ходе которого предикаты контролируемых действий способны присоединять целевое расширение [Иванова 2008: 61]. М.А. Болотина под категорией контролируемость / неконтролируемость действия понимает скрытую категорию глагола, являющуюся неотъемлемой характеристикой семантики предикативной лексемы [Болотина 2008: 56]. Причем исследователь отмечает тот факт, что часто при анализе контролируемости авторы обращаются не к семантике глагола, а к структуре ситуации, в связи с чем, исследуют контролируемое / неконтролируемое «положение вещей» [Болотина 2008: 57].

Проанализированные точки зрения позволяют сделать вывод, что контролируемость как семантический признак представляет собой совокупность трех семантических представлений:

1. Субъект прикладывает усилия для реализации события.
2. Субъект сознательно прилагает усилия для реализации действия.
3. Субъект управляет (=контролирует) событием на разных стадиях его реализации.

Необходимо также отметить, что признак контролируемости не сводим к реализации только одного из этих трех выделенных признаков. Под этим мы имеем ввиду следующее: в семантике рассматриваемых предикатов может присутствовать указание на то, что субъект X прикладывает усилия для реализации события, что в свою очередь отражается в возможности сочетания с обстоятельствами образа действия, вносящими информацию о затрачивании субъектом энергии для реализации некоторого события: *с каким усердием, с каким напряжением* [Селиверстова 1982], а также *злобно, увлеченно, сосредоточенно, с трудом, энергично, с интересом* и др. [Кустова 1992], ср. пример, приведенный ранее: *Что по описи было, то и отдаем, – терпеливо бубнит* доведенный до изнеможения Ушаков (Э. Радзинский. Княжна Тараканова, 1999), где глагол **бубнить** способен репрезентировать ситуации, когда субъект речи осуществляет «контроль» над процессом говорения.

Ср. также высказывания *Водитель, не переставая, очень энергично бубнил что-то на местном диалекте и, визжа, как мартышка, тряс руль* (А. Калущкий Бокасса каннибал с бриллиантовым нимбом, 2015); *День, я надеялся, что ты сдох... – злобно бормочет толстяк* (А. Лисицын Заказ эпохи. Темный охотник, 2017), где указывается на то, что субъект действия не просто является источником энергии, необходимой для осуществления события, но затрачивает усилия для его реализации.

Прикладываемые усилия со стороны субъекта могут быть сознательными или бессознательными. Здесь мы придерживаемся точки зрения О.А. Сулеймановой и Д.Д. Холодовой, которые указывают, что если субъект (или X) прикладывает усилия для реализации какого-то действия, то он может делать это сознательно, либо бессознательно [Сулейманова 1999; Холодова 2015]. В

работе Т.Д. Шабановой этот признак обозначен как +/- *контролируемость* и связан с волеизъявлением субъекта [Шабанова 1998]. Однако подобное определение подвергается критике, ср. возможное *Меня тошнит*, где субъект действия участвует в событии несознательно, хотя и осознает происходящее [Сулейманова 1999; 2000; Холодова 2015: 89]. В этой связи, рассмотренные выше примеры с глаголом *бормотать* воспринимаются информантами как высказывания на грани приемлемости: ?*терпеливо бормотал* и ?*энергично бормочет*. Поскольку действия, описываемые глаголом *бормотать*, являются неконтролируемыми, именно по причине того, что в семантике данного предиката присутствует указание на бессознательность совершаемого действия (ср.: *бормотать во сне, в бреду, в алкогольном опьянения*). Или, например, получившие отрицательную оценку информантов метонимичные глаголы говорения: *злобно картавил; *увлеченно мямлил; **усердно гнусавить*; **усердно заикаться* и др.

Т.В. Булыгина предлагает в качестве теста, позволяющего подтвердить наличие признака контролируемости в семантике предиката, проверять его сочетаемость с обстоятельствами цели, вводимыми предлогами и союзами *ради, из-за* и *чтобы* (в постпозитивном положении) [Булыгина 1982], например, *Он сказал это ради общего блага*; *Он не говорил, чтобы не обидеть*; *Она не сказала из-за страха* (ср. неправильное для метонимичных глаголов **Он мямлил это ради общего блага* или **Она не картавила, чтобы не обидеть*).

Как указывает О.А. Сулейманова, предикаты, вносящие информацию о контролируемости описываемого действия, свободно используются в форме повелительного наклонения, когда субъект побуждается к действию (=приложению усилий): *сделай, посмотри* [Сулейманова, Фомина 2018а: 165].

Ср., например, *Откуда? Говори. Я в своем доме все равно все узнаю* (А. Геласимов. Чужая бабушка, 2001), где глагол *говори* используется в форме императива, и субъект X представлен как сознательно прикладывающий усилия для реализации действия говорения. Приведем в качестве примера еще одно высказывание *Подпоручик старательно грассировал, но иногда забывался и говорил вполне правильно, поскольку картавил только для шика* (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 1, 1988), где присутствует указание на то, что субъект прикладывает усилия к совершению действий и совершает их сознательно. Ср.,

напротив, недопустимые высказывания в форме императива для глаголов: **Бубни!*; **Мямли!*; **Гаркни!*; **Шепелявь!*; **Картавь!* и др., где субъект X представлен несознательно прикладывающим усилия для осуществления акта говорения, в связи с чем его нельзя принудить воспроизвести это событие.

Действительно, если некоторое событие реализуется субъектом без сознательного приложения им усилий, то оно не может быть воспроизведено по чьему-то приказу или просьбе, выраженной в повелительном наклонении, ср.: **не тошни*; **вздогни* (примеры из работы [Сулейманова 1999]) или **Бубни!*; **Дыши!*; **Ахай!* (примеры мои – Е.В.).

Таким образом, сознательность прикладываемых усилий для реализации акта говорения не сводится к простому приложению усилий, поскольку говорящий может прикладывать усилия и бессознательно, ср.: *ахнул*, *прокартавил*, *шепелявил* и др. Однако в некоторых случаях подобные высказывания могут оцениваться как сознательно контролируемые, например, при съемке фильма или в театральном представлении, когда актера могут попросить смоделировать ситуацию, ср.: *В этом момент скажи что-то невнятное, проямли / пробубни; Ты должен гаркнуть / рычать / реветь на них!*

Также отметим, что в случае если действие находится вне приложения усилия со стороны субъекта (например, некоторые физиологические явления), то его невозможно побудить совершить это событие даже в ситуации киносъемки, ср. неприемлемое **вспыхни*; **побледней*; **покрасней* [Сулейманова, Фомина 2018а: 166].

Подобная неопределенность наблюдается у предикатов, как указывает Е.Ю. Иванова, с «нецелеполагающим» субъектом, которые репрезентируют различные физиологические реакции организма, зачастую неконтролируемые в обычных условиях, ср.: *чихать*, *икать*, *кашлять*, *храпеть* и др. Другая группа предикатов связана с неловкими или случайными действиями, ср.: *оступиться*, *споткнуться*, *поперхнуться*, *поскользнуться*, *уронить* и др.; «ошибочным» поведением, ср.: *просчитаться*, *обознаться*, *заблудиться*, а также глаголами речи *оговориться*, *проговориться* [Иванова 2008: 62].

В связи с этим Е.Ю. Иванова указывает, что подобные глаголы неконтролируемых действий могут использоваться в контекстах «имитируемого

действия». Это, как мы уже говорили ранее, ситуация киносъемки, театральная имитация действия или умышленные ошибочные действия, ср.: *Ты нарочно скажи ему это; я специально мямлил и не давал внятного ответа.*

Однако отметим, что имитация физиологических реакций отличается от имитации «ошибок», поскольку субъект действия способен прикладывать усилия для реализации дыхания, смеха или плача, однако ошибочное или неловкое движение будет оценивать его как таковое лишь ретроспективно (то есть при анализе ситуации со стороны) [Иванова 2008: 63], ср., например: *Дышите! А теперь не дышите!* (М. Шишкин. Письмовник // «Знамя», 2010); *Милые женщины! Плачьте, смейтесь, но не сердитесь, и вы сохраните сердце здоровым* (Плачьте на здоровье // «Знание – сила», 2003); *Она намеренно громко хихикнула.*

Признак контролируемости также связан со стадийной структурой действия / процесса, которая проявляется в осуществлении субъектом X контроля на одном из этапов события (фазы действия). Как отмечалось ранее, субъект может управлять (=контролировать) событием на разных стадиях его реализации (начальной, срединной, конечной).

Контролируемость на начальном этапе означает, что субъект может по своему желанию начать реализацию некоторого действия или его можно побудить выполнить действие, при этом он сознательно прикладывает усилия для инициирования события, иными словами «контролирует» его, например: *Смотри! Говори! Отвечай! Скажи!* Ср., неверное: **Мямли!; *Шамкай!; *Шепелявь!*, где действие говорения на начальной стадии произвольно и не контролируется субъектом.

Контролируемость на срединной фазе действия связана с приложением субъектом усилий по поддержанию и качественному развитию события. Ср. высказывания с глаголами типа *продолжать, пытаться*: *Денис несколько окрылился после ее слов и продолжил мямлить, не поднимая глаз* (Т. Луганцева Каша из топора палача, 2015); *Зубы его стучали, он пытался бормотать слова благодарности, – но не мог* (Д. Чекалов Зомби, 2017), где данные глаголы, актуализируя срединную фазу действия, вносят информацию о приложении усилий субъектом X для поддержания процесса говорения.

Контролируемость на конечной стадии означает, что субъекта можно побудить прекратить реализацию действия (либо он сам принимает решение прекратить осуществление события) с помощью введения в текст императива или отрицания: *Прекрати бормотать!* или *Не бормочи / перестань бормотать, говори громче!*; ср. неправильное **Пробубни!* и *Просипи что-нибудь!* [Чаплин 2019b: 102–103]. Как мы видим, способность исследуемых предикатов сочетаться с глаголами *прекратить* и *перестать* и использоваться в высказываниях-запретах *Не мямли!* указывает на наличие в семантике предикатов контролируемости на конечном / срединном этапе.

Итак, применительно к глаголам говорения установлено, что акт говорения может быть представлен как контролируемый одновременно на нескольких этапах своей реализации: *Говори / Скажи!* (начальном) – *Продолжай говорить / *продолжай сказать* (срединном) – *Перестань / прекрати говорить / *сказать!, Не говори!* (конечном). Как представляется недопустимость употребления глагола *сказать* на срединной фазе действия связана с общей невозможностью сочетания предикатов совершенного вида (СВ) с фазовыми глаголами, а запрет на конечном этапе связан с общей модальностью долженствования высказывания (об этом см. далее в параграфе о семантике глаголов говорения СВ и НСВ).

Говорение может быть **контролируемо** только на одном из этапов (применительно к метонимичным и метафоричным глаголам говорения): неконтролируемое на начальном этапе: **Мямли!*; **Бубни!*; **Гаркай!*; **Скули*; **Шипи*, но контролируемое на конечном этапе: *Не мямли!*; *Не бубни!*; *Не лепечи!*; *Не цеди!*; *Не каркай!*; *Не шипи!* Ср. также высказывания *И уже в третий раз Иван заорал: – Не мямли* (С. Есин. Имитатор, 1985); *Стоп! Не лепечи так быстро!* (А. Ростовский. По законам волчьей стаи, 2000); *Митя, я совсем... – Маня, не скули* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости, 2003), в которых реализуется рассмотренный признак.

Говорение может быть **неконтролируемо** на одном из этапов, ср.: метафоричные глаголы *взорваться*, *заговориться* и метонимичные *картавить*, *шамкать*, *шепелявить*, *заикаться*, которые описывают действие, не зависящее от контроля со стороны субъекта, так как он не может приложить какие-либо усилия (сознательно или бессознательно) для реализации события. Однако все же субъекта

Х можно побудить прекратить данное событие, ср.: *Прекрати мямлить, бубнить, говорить* и др. Безусловно, это связано с тем, что действия, описываемые метонимичными глаголами говорения, вербализуют различные речевые дефекты человека, которые не поддаются контролю с его стороны. Тогда как метафоричные глаголы описывают речевые действия, репрезентирующие проявление «сильных» эмоций или увлечение чем-либо, когда человек утрачивает контроль над речевой деятельностью.

Таким образом, для рассматриваемых предикатов релевантна только одна фаза действия – конечная (срединная), вносящая информацию о побуждении к прекращению (поддержанию) реализации действия, что доказывается способностью сочетаться с глаголами, вносящими информацию о том, что субъект прикладывает усилия для прекращения (поддержания) события. Это также подтверждается ответами информантов, ср., например, предложенные им высказывания, которые они оценили как нормативные и допустимые: *Она помямлила и замолчала; Она перестала бубнить; Он прекратил лепетать и заговорил внятно; Закончив бурчать, он ушел; Прекрати гундосить; Поревет, покричит и успокоится* и др., где использование глаголов говорения с предикатами завершения действия актуализирует признак контролируемости на конечном этапе. Ср. также *Он продолжил мямлить; Он пытался бормотать*, где глаголы *продолжать, пытаться* актуализируют срединную фазу действия и вносят информацию о приложении усилий субъектом речи для поддержания процесса говорения.

В результате проведенного анализа установлено, что такой семантический признак, как *контролируемость* является релевантным для рассматриваемых глаголов говорения. Так, субъект действия (говорящий), во-первых, может прикладывать усилия для осуществления события (акта говорения), во-вторых, делает это сознательно (в некоторых случаях бессознательно), в-третьих, может контролировать действие на одной из стадий его реализации.

2.3.2. Роль пресуппозиции / ассерции в интерпретации акта говорения

Рассмотрим далее семантические представления, также значимые для семантической интерпретации рассматриваемых предикатов. Так, при использовании метонимичных обозначений акта говорения глагол фактически

репрезентируют два действия – «основное» составляет *пресуппозицию* сообщения, информацию об осуществлении акта говорения как такового, тогда как дополнительный компонент (который сообщает о манере речи, тембре, громкости, четкости произношения букв и звуков) составляет его *ассертивную* часть (*ассерцию*), или собственно то, что утверждается и выступает репрезентантом всего акта говорения.

Под пресуппозицией в лингвистической семантике понимается необходимый семантический компонент, который обеспечивает наличие смысла в утверждении. Данное понятие пришло из логики и было введено в 1892 г. Г. Фреге [Фреге 1977], который связывал их с понятиями истинности или ложности некоторых суждений (ср. понимание пресуппозиции в логике: «Р имеет своей пресуппозицией Q в том случае, если Q верно всегда, когда Р имеет истинностное значение» [Карттунен 1985: 306]). В дальнейшем П.Ф. Стросон подробно исследовал данное явление и предложил соответствующий термин и его определение [Стросон 1982].

В лингвистике теорию пресуппозиции активно разрабатывали О. Дюкро, Ч. Филлмор, Дж. Лакофф и др. В трудах отечественных лингвистов (Н.Д. Арутюнова, В.А. Звегинцев, Е.В. Падучева и др.) термин получил широкое распространение в 1970-х годах, однако пресуппозиция по-прежнему вызывает интерес у исследователей. Сами лингвисты при определении понятия пресуппозиции в терминах логики используют следующее представление: «Р имеет пресуппозицией Q при следующем условии: если утверждается, отрицается или спрашивается Р, говорящий вынужден считать, что Q» [Карттунен 1985: 306]. Или, под пресуппозицией понимается некоторый компонент смысла текста, являющийся предварительным (фоновым) знанием, необязательно выраженным имплицитно (словесно), без которого невозможно адекватно воспринять текст. Пресуппозиция может возникнуть при восприятии предшествующего текста или оказаться вовсе за его пределами как результат знания и опыта говорящего и слушающего. При этом ложность данного компонента делает все высказывание неуместным или аномальным (ложным).

Как отмечают исследователи, «пресуппозиция – это особая разновидность семантического следствия, которое не совпадает с обычным логическим

следствием» [Арутюнова, Падучева 1985: 32], поэтому она входит в широкий класс имплицитных семантических компонентов предложения [Залевская 1999: 270].

В.А. Звегинцев в работе «Предложение и его отношение к языку и речи», посвященной проблемам языка, речи и предложения, обобщил труды зарубежных лингвистов, рассматривающих пресуппозицию в высказываниях, и предложил понимать под пресуппозицией совокупность условий, реализация которых необходима, чтобы, во-первых, употребление данной структуры было уместно, во-вторых, это коммуникативное намерение было воплощено в конкретном высказывании, в-третьих, высказывание было понятно в своем прямом смысле [Звегинцев 1976: 221]. Далее ученый отмечает, что при соблюдении вышеперечисленных условий можно получить так называемые правильные или грамматичные высказывания / предложения, которые неизбежно будут нести некоторую (существенную, разнообразную) добавочную информацию (подтекст) о тех условиях, которым они удовлетворяют [Звегинцев 1976: 221]. Таким образом, по мнению В.А. Звегинцева, главная ценность пресуппозиций заключается как раз в том, что они делают возможной экспликацию этого подтекста [Звегинцев 1976: 221].

Как неоднократно отмечалось в работах многих ученых, понятие пресуппозиции применяется к анализу высказываний с имплицитно (неявно) выраженными смыслами. Эта скрытая информация (имплицитная) «не составляет непосредственного значения компонентов текста (слов, граммем и т.п.), зафиксированных в словаре, однако воспринимается слушателем этого текста» [Имплицитность в языке и речи 1999: 9]. Данные имплицитные компоненты значения не вербализуются с помощью лексико-грамматической структуры языка, а выражаются синкретически.

Для выявления этой фоновой информации субъекту необходим определенный уровень знаний, а также проведение ряда когнитивных операций. В связи с этим у ученых возникает вопрос об имплицитности самих пресуппозиций, который в целом решается в лингвистике неоднозначно. Связано это с тем, какой квалифицирующий признак используется для определения пресуппозиции. Анализ видов пресуппозиций представлен в [Кифер 1978], где также высказывается важное

положение о транзитивности пресуппозиций, т.е. о пресуппозициях первого, второго и т.д. порядка.

Рассмотрим несколько известных примеров для целостного понимания общих закономерностей их систематизации и функционирования. В настоящем исследовании мы будем придерживаться традиционного разделения пресуппозиций в лингвистике на семантические и прагматические.

Так, например, Н.Д. Арутюнова выделяет несколько основных значений и, соответственно, видов пресуппозиций [Арутюнова 1973: 89]:

1) экзистенциальные пресуппозиции (содержат коммуникативно нерелевантные элементы значения предложений и слов);

2) логические пресуппозиции (представление говорящих о естественных отношениях между событиями);

3) прагматические пресуппозиции (условия эффективности речевого акта);

4) синтагматические пресуппозиции (семантическая обусловленность одного слова / высказывания другим словом / высказыванием в тексте);

5) коммуникативные пресуппозиции (представление говорящего о степени осведомленности адресата речи) [Арутюнова 1973: 89].

В.З. Демьянков выделяет три вида пресуппозиций [Демьянков 1981]:

1) **логические**, заключающиеся в отношении между двумя предложениями, «возникающие в силу их логической соотнесенности и совпадающие с отношением импликации, когда главный предикат предложения является фактивным» [Демьянков 1981: 130];

2) **прагматические**, представляющие условия или контексты, необходимые для осуществления замысла говорящего по передаче задуманного значения (социальный статус говорящего / слушающего, отношения между говорящим / слушающим, принадлежность участников коммуникации к определенному поколению, возраст, пол, социальная группа и т.п.);

3) **семантические**, характеризующие отношение между предложением и пропозицией, им выражаемой [Демьянков 1981: 130–132].

В работе [Падучева 1977] термины «пресуппозиция» и «презумпция» рассматриваются как синонимы. Исследователь выделяет *прагматическую* и

семантические презумпции, подразделяя последнюю на *фактивные, категориальные, экзистенциальные* пресуппозиции [Падучева 1977].

Прагматическая пресуппозиция определяется в литературе тройко: первое направление обычно связывает ее с представлениями говорящего о контексте; второй подход – с понятием общих или фоновых знаний; третий соотносит эту категорию с условиями уместности и успешности высказывания. Однако все эти три определения можно свести к представлениям коммуникантов об условиях говорения, актуализации высказываний и их интерпретации. Е.В. Падучева справедливо отмечает, что в отличие от семантической пресуппозиции, дополнительное значение может быть и прагматическим, если пресуппозиция определяет воздействие на слушателя, которое подразумевает говорящий [Падучева 1977].

В словаре [Баранов, Добровольский 1996] уточняется, что «в качестве пресуппозиции может выступать та часть смысла предложения, которая при нормальном употреблении этого предложения истинна и, по мнению говорящего, известна слушающему. Такие случаи квалифицируются как прагматические пресуппозиции» [Баранов, Добровольский 1996: 464].

Отсюда следует, что представления говорящего об осведомленности адресата побуждают его к определенной актуализации предложения, поскольку известная информация из предыдущих высказываний или фоновые знания не нуждаются в экспликации.

Таким образом, прагматические пресуппозиции определяются на основе взаимоотношений между высказыванием (конкретный акт речи) и его контекстом, включающим информацию об участниках коммуникации, их поле, возрасте, профессии, вероисповедании, убеждениях и др., а также о месте, в котором происходит акт речи (университетская аудитория, кухня, концерт, поезд или рынок и др.). Ср. разницу пресуппозиций при двух ситуациях – ответа студента на семинаре в университете и речь пьяного человека: *Он лепетал что-то невнятное* (плохо подготовился, не знает материала) – *Он лепетал что-то невнятное* (человек – алкоголик; отмечает рождение дочери; находится в горе и др. возможные пресуппозиции).

При желании к данному предложению можно подобрать множество других пресуппозиций, чем значительно расширить их круг, допускаемых этим предложением, и поэтому можно утверждать, что само по себе это предложение полипресуппозиционно. Отсюда, как справедливо утверждает В.А. Звегинцев, не все условия между высказыванием как актом речи и его контекстом должны быть удовлетворены в обязательном порядке, чтобы высказывание было правильно интерпретировано. Однако в каждой отдельной ситуации определенный набор этих условий должен быть удовлетворен, иначе высказывание может быть не понято или понято неправильно [Звегинцев 1976: 241–242].

Рассмотрим далее каждый из видов семантических пресуппозиций. В **фактивных** пресуппозициях обоснование высказывания происходит с помощью фактивных глаголов, которые обеспечивают ее истинность как в положительном, так и в отрицательном контексте (к ним относятся, например, глаголы эмоции, знания, восприятия, некоторые глаголы речи – *информировать, сообщить, знать, сожалеть, огорчить, задеть, жалеть, суметь, помнить, забыть, понимать, выяснить, видеть* и др., ср.: *Он забыл сказать*, которое кроме сообщения самого факта содержит предполагаемую информацию: *Он знал, что должен был рассказать*.

Категориальные пресуппозиции предполагают ограничение сочетаемости субъекта действия с семантикой предиката, ср.: *И тревожно лепетала листва, пеняя ветру, налетающему бешено и радостно* (Л. Рахманкулова, Заложники луны, 2019), где нарушается пресуппозиция одушевленности субъекта глагола *лепетать*, хотя при использовании глагола в метафорическом значении предложение вполне допустимо.

Экзистенциальные пресуппозиции связаны с экстралингвистическими знаниями об окружающей действительности и относятся к возможности существования объекта, ср. известное высказывание, приводимое во многих работах *Нынешний король Франции лыс*, в котором содержится представление о том, что существует король Франции (пример из [Филиппов 2003]). Экзистенциальные пресуппозиции противостоят ассертивному компоненту высказывания, т.е. тому, что в нем утверждается, спрашивается и т.д. (данную часть невозможно отрицать). Например, в высказывании *Мальчик говорил вслух*

существование мальчика является пресуппозицией, тогда как ассерция – то, что он осуществляет акт говорения.

Феномен пресуппозиции до сих пор привлекает внимание ученых, кроме рассмотренных выше концепций существует целый ряд иных теорий и классификаций. Как говорилось ранее, мы не ставим перед собой цель рассмотреть все возможные классификации и условия применений пресуппозиций в лингвистике. Для нас важно выделить и проанализировать те аспекты, которые способствуют пониманию смысла высказывания между коммуникантами в процессе совершения ими акта говорения.

Так, применительно к исследуемым в работе предикатам данный компонент смысла высказывания, вносимый выбранными предикатами, реализуется в том, что вносит в фоновые знания и в ситуацию в целом прагматическую информацию о реализации акта говорения как такового, без спецификации его особенностей, обусловленных внешней стороной речи, коммуникативными установками коммуникантов, уровнем их базовых знаний и др.

Одна из главных особенностей пресуппозиций заключается в том, что они не подвергаются отрицанию в общеотрицательных предложениях, ср., например: *Ты мямлишь и говоришь ерунду* и *Не мямли, говори четко и внятно!* содержат одну и ту же пресуппозицию: говорящий осуществляет акт говорения, и собеседник не подвергает это сомнению, он реагирует на ассертивную часть высказывания – на то, что собеседник говорит невнятно, нечетко произнося слова. Ср. также *Он знает, что я вернулся* и *Он не знает, что я вернулся*, которые сообщают одинаковую информацию (пресуппозицию) *Я вернулся*.

Таким образом, эта «неотрицаемая информация никак не может быть признана имплицитной – она входит в значение слова, передается говорящим и воспринимается слушающим без дополнительных усилий» [Имплицитность в языке и речи 1999: 33]. Ср. *не бубни, говори четко, внятно*, где само действие говорения не может подлежать отрицанию, поскольку субъект речи действительно осуществлял действие. В данном случае отрицаться может ассертивная (дополнительная) часть [Чаплин 2019b: 102–103], ср., например, реакцию человека, к которому обратились с приведенным выше высказыванием, когда он говорит: *Я*

не бубнил, а говорил нормально. И вообще я учу (=бубню себе под нос) стихотворение.

Помимо рассмотренного смысла в состав предложения может входить иная, важная для понимания высказывания информация, которая может относиться к внешней стороне речи, а также речевому портрету говорящего, к вербальным и невербальным характеристикам акта говорения и др. Проанализируем несколько предложений: *В трубке раздался какой-то шамкающий, шепелявый голос* (В. Давыдов. Театр моей мечты, 2004); *Он шамкал ртом, и глаза его светились мягкой радостью, когда он говорил о внучке* (В. Вересаев. Воспоминания, 1925–1935). В приведенных предложениях глагол *шамкать* (*говорить невнятно, неотчетливо, обычно из-за отсутствия зубов*), который обычно описывает речь пожилых людей, позволяет сделать предположение о говорящем, его возрасте, состоянии зубов и др., но эта информация не принадлежит пресуппозиции, это скорее инференция, извлекаемая из значения глагола.

Иными словами, информация об осуществлении акта говорения имплицитна и находится в фоновых знаниях человека, проявляясь при помощи пресуппозиций, именно поэтому мы можем верно оценивать высказывания и понимать, о чем идет речь в каждом отдельно взятом случае.

Когнитивная интерпретация метонимической репрезентации акта говорения, таким образом, основана на представлении данного акта как состоящего из двух элементов: пресуппозиционной составляющей, вносящей информацию о реализации акта говорения как такового, которая сопровождается ассертивной частью, акцентирующей различные обстоятельственные характеристики, сопровождающие акт говорения и выступающие репрезентантом всего акта говорения, в силу наличия неслучайной связи между актом говорения и свойственными ему разнообразными сопутствующими характеристиками. При этом имплицитивные параметры не участвуют в метонимической репрезентации акта говорения.

2.3.3. Представление фрейма «говорение» и признака «порция» действия в семантике глаголов говорения

Глаголы говорения обычно обозначают действия, которые могут интерпретироваться и как длительные, и как кратковременные, практически

мгновенные. К подобным предикатам относятся глаголы говорения типа *говорить / сказать, просить / попросить, обещать / пообещать, лгать / солгать, мямлить / промямлить, бормотать / пробормотать* или звукоподражательные глаголы *рычать / зарычать, реветь / зареветь*.

Еще одной особенностью глаголов говорения является то, что они входят в группу предикатов «непосредственного», непрерывного эффекта, которые вне зависимости от длительности протекания, не могут рассматриваться как оставшиеся «неэффективными» и «безуспешными» [Маслов 2004: 81]. Однако, как отмечает Ю.С. Маслов, все же бывают случаи, когда процесс говорения (=глаголы говорения) может быть безуспешным в более широком смысле. В таком случае для обозначения факта неудачи нужен сложный контекст, поэтому здесь оказывается недостаточным не только простого противопоставления СВ и НСВ, но и даже добавление указания на определенную неполноту действия, ср.: *все мямлил и мямлил и ничего внятного не сказал*. В контекст необходимо ввести специально пояснение, часто противоречащее семантике глагола, ср.: *все говорил, а главного не сказал* или, например, добавить более сложные качественные определения самого действия, ср.: *много говорил / болтал, а по существу так ничего и не сказал* [Маслов 2004: 81–82].

Таким образом, Ю.С. Маслов, рассматривая предикаты «непрерывного» эффекта, одним из первых поднял вопрос о таком семантическом признаке, как «порция» действия (см. работу, в которой представлен подробный разбор данного признака на примере предикатов бесперспективного протекания [Холодова 2015]). Под «порцией» действия применительно к акту говорения в исследовании понимается такая часть действия, реализации которой достаточно для того, чтобы говорящий считал акт говорения как имевшей место и в этом смысле завершенный, «эффективный».

Для интерпретации признака «порции» действия необходимо рассмотреть понятие «фрейм». Введенное М. Минским для исследования в области искусственного интеллекта понятие фрейма описывается им как «структура данных для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979: 7]. Ученый обосновал идею, согласно которой «порции» информации, задействованные в системах искусственного интеллекта, должны носить общий и организованный

характер. Именно фреймы выполняют функцию иерархически организованной структуры данных, аккумулирующей знания об определенной стереотипной ситуации или классе ситуаций [Минский 1979: 7–8].

В дальнейшем теория фреймов получила развитие в работах по лексической и грамматической семантике, семантике текста. Фреймовый подход позволяет применять принципиально иной способ группировки языковых единиц, согласно которой основой систематизации является мыслимая модель фрагмента действительности. Как отмечал в этой связи Ч. Филлмор, «фреймы в языке – это группы слов, каждую из которых лучше изучать как единое целое, потому что каждая группа является лексическим представителем некоторой единой схематизации опыта или некоторого знания» [Филлмор 1988: 53–54].

В.В. Красных, рассматривая фрейм-структуры сознания, указывала на то, что в сознании человека находятся глубинные блоки информации – *фреймы* (курсив мой – *Е.В.*), существующие там в виде некоторой «базы данных», поскольку каждая языковая личность обладает своим собственным индивидуальным когнитивным пространством, в которое входят коллективные когнитивные пространства и когнитивная база (как минимум – ее ядро) [Красных 2002: 163].

А.П. Бабушкин понимает под фреймом структуру знаний, представляющую собой часть информации об определенном фрагменте человеческого опыта, хранимом в памяти или создаваемом в ней по мере необходимости [Бабушкин 1996; 1997]. Схожее определение дает и Н.Н. Болдырев: «фрейм – это объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации» [Болдырев 2001: 37; 2014: 108].

З.Д. Попова и И.А. Стернин под «фреймом» понимают «мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» [Попова, Стернин 2007; Бабушкин, Стернин 2018: 13].

Таким образом, в основе теории фреймов лежит гипотеза о том, что все наши знания о мире состоят из структурных ячеек, которые складываются из определенных сценариев с фиксированным набором стереотипных ситуаций – фреймов.

В настоящее время модель фрейма признается учеными как наиболее удобный способ изучения различных концептов, которые рассматриваются как компоненты парадигмы, формируемой концептами высшего уровня (см.: [Красных 2002; Прохорова, Рогачева 2006; Рогачева 2003; Карасик 2004; Бабушкин 1996; 1997; 2010; Стернин 2010; Бабушкин, Стернин 2018 и др.]).

Акт говорения также может быть представлен как некий фрейм, репрезентированный в нашем сознании в виде структуры обязательных слотов или микрофреймов, отражающих не только каждый из этапов речи, но и ее специфические особенности, обусловленные использованием того или иного метонимичного или метафоричного глагола. Более того, метонимия как когнитивное явление по определению основана на представлении о наличии совокупности неслучайных связей между объектами в рамках некоторого фрейма.

Действительно, основой для функционирования механизмов коммуникативного сознания являются фреймовые структуры, запечатленные в знаковых системах и организующие опыт человека, значительно экономя усилия по получению и обработке новой информации.

Ранее уже были предприняты попытки описания фрейма говорения посредством анализа глаголов речи и фразеологических единиц глагольного типа на материале разных языков (см.: [Булатова 2010; Стойкович 2013; 2014; 2015]), на примере письменных текстов поздравлений в немецком языке [Низеева 2015] и под.

Л.М. Михайлова, исследуя концепт «говорение» и средства его репрезентации в английском языке, в качестве ключевых средств, номинирующих исследуемый концепт, выделяет глаголы *tell*, *say*, *speak*, которые наиболее полно репрезентируют акт говорения в английском языке, и в семантике которых уже заложены основные параметры речемыслительного акта [Михайлова 2007]. В качестве базового квалифицируется глагол *speak*, сообщающий о взаимодействии информацией, далее выделяются его синонимы *converse*, *discuss* и др., создающие фрейм говорения. При этом кроме общей семы ‘разговаривать, болтать’ в семантику каждого предиката входит дифференциальный признак, который отграничивает данный глагол от других единиц данного ряда, ср. глаголы *utter*, *express*, *breathe*, объединенные общим значением ‘говорить, выразить с помощью

речи какие-либо мысли, эмоции’, или глаголы *whisper, articulate, enunciate, pronounce, voice* – ‘произнесение, выговаривание звуков, слогов, слов’ [Михайлова 2007: 79–80]. Таким образом, глаголы говорения, выступающие средством репрезентации концепта «говорение», позволяют описывать различные особенности говорения в английском языковом сообществе.

Рассмотренные в исследованиях [Булатова 2010; Стойкович 2013; 2014; 2015] фреймы «говорение», «речевая деятельность», «критика», «похвала», «спрашивание», «ответ», «поздравление», на наш взгляд, не являются универсальными и требуют уточнений. Например, фрейм «спрашивание» в работе Л.Ю. Стойкович представляет собой последовательность действий, в процессе которых субъект (x) спрашивает (v) другого субъекта (z) с целью узнать о (Q), в свою очередь тот (z) отвечает (v), субъект (x) знает (Q) и вероятно благодарит [Стойкович 2015: 63]. Как нам кажется, рассмотренный автором подход фреймового моделирования неоднозначен и не обладает достаточной описательной силой, поскольку рассматривает ситуацию успешной коммуникации и не включает в состав фрейма такие значимые характеристики процесса говорения (в нашем понимании слоты / микрофреймы), как манеру говорения, артикуляционные особенности речи, невербальные компоненты высказывания, от которых, безусловно, зависит правильность интерпретации и успешность всей коммуникации.

Под невербальными компонентами высказывания мы понимаем паралингвистические характеристики (компоненты) коммуникации, такие как *темп, ритм речи, интонация, высота тона* и т.д., а также *жесты, мимика, движения тела* и т.д., с одной стороны, и экстралингвистическими компонентами (атипическими индивидуальными особенностями произношения) – *речевые паузы, смех, покашливание, вздохи, плач, заикание* и т.п. – с другой.

Так, в случае, если субъект речи *мямлит, шепелявит* или, например, *гаркает, ревет, рывкает* и в иных ситуациях, которые могут быть репрезентированы метафоричными или метонимичными глаголами говорения, обязательным при создании фрейма говорения, по-нашему мнению, оказывается включение в его состав слотов, актуализирующих различные особенности манеры говорения (*громкость / тихость речи; четкость / нечеткость произнесения*

отдельных звуков или высказывания в целом; монотонность / плавность речи, сознательность / бессознательность акта говорения и другие параметры артикуляции).

Помимо этого, важным элементом фрейма говорения, на наш взгляд, являются паралингвистические и экстралингвистические невербальные (неязыковые) средства, которые совместно (или отдельно) с вербальными передают смысловую информацию в составе речевого сообщения. Так, невербальные характеристики речи вносят в высказывание ряд дополнительных сведений (иногда и противоречащих вербальной): ср. известное высказывание: *Ага, конечно! – медленно проговорил тот*, где текст, содержащий положительную оценку (двойное согласие), при произнесении с определенной интонацией выражает отрицание.

Иногда паралингвистические и экстралингвистические характеристики могут замещать собой вербальный компонент высказывания, например: обозначать отказ при использовании отрицательного жеста, угрозу (демонстрация кулака), предупреждение (покачивание указательным пальцем) и др. Сочетаясь с вербальными средствами, они способны выражать общий смысл высказывания: ср. *Я буду говорить только с ним*, сопровождаемое указательным жестом.

Еще несколько значимых характеристик – это уместность использования того или иного глагола, выбор манеры речи, коммуникативная установка говорящего (если он подражает какой-то манере речи), ср.: *специально картавил* (=передразнивал); *заикался мальчик* (=страдал речевым дефектом) и *он заикался и гримасничал* (=передразнивал).

Таким образом, рассмотренные средства служат важным источником информации о субъекте речи, поскольку вносят различную дополнительную информацию об акте говорения, отражают возрастные, социальные черты говорящего, особенности характера субъекта речи, а также фонетические особенности, связанные с существованием различных территориальных диалектов, ср.: *он акал, а она окала; гэкать*, сообщающие информацию о месте жительства говорящих.

При этом правильность того или иного высказывания или отдельно взятого акта речи достигается путем использования определенных языковых средств (глаголов говорения), которые помимо передачи информации (выполнения

основной функции) способны охарактеризовать ту или иную сторону процесса речи (*акустическую, физиологическую, коммуникативную, экспрессивную* и т.д.) и создавать у окружающих представление об индивидуальном речевом портрете говорящего. Безусловно, этот «образ», возникающий у слушающего, носит вероятностный характер, однако он играет существенную роль в процессе общения. Например, в предложении *М-м... это я их пропустил... – в замешательстве мямлит директор. – Мне позвонили из... м-м...* (Л. Филатов, И. Шевцов. Сукины дети, 1992) при замене глагола *мямлит* на какой-то другой глагол: *лепечет, бормочет, бубнит, шамкает, гаркает* и др. в высказывании меняется речевой портрет говорящего.

Таким образом, восприятие любого высказывания должно основываться на сложном процессе, включающем использование различных видов информации, описанной выше. Учет всех рассмотренных компонентов необходим для понимания и верной интерпретации акта говорения, когда невозможно ограничиваться пониманием только общего смысла высказывания.

Окончательное понимание смысла высказывания может быть установлено из контекста и значения глагола, которые содержат информацию о намерениях говорящего, его коммуникативной установке, желаниях или ожиданиях от коммуникации с позиции слушающего и др. Эта информация должна быть извлечена также из предшествующего опыта коммуникантов, из наблюдений, из имеющихся предположений.

Исходя из анализа высказываний, содержащих исследуемые глаголы говорения, фрейм «говорение» предполагает субъекта, прикладывающего силу для реализации действия (говорящего), объекта (слушающего, собеседника), начальную, срединную и конечную фазы действия, включающие процесс произношения или написания текста, процесс выражения мысли (чувств, воли), речевой контакт, характеристику процесса или объекта речи (этот компонент как раз и включает дополнительные смыслы, обусловленные метонимичными и метафоричными переносами). Наличие этих слотов (необязательно всех одновременно) составляют в совокупности фрейм «говорение». Они могут выражаться как эксплицитно, так и имплицитно. Например, субъект речи чаще всего выражается эксплицитно – с помощью существительных или их

эквивалентов; объектная и обстоятельственная характеристика процесса речи могут выражаться как специальными языковыми средствами, например, наречиями, деепричастными оборотами и др. (*говорить нечетко, говорить запинаясь*), так и метонимически (*мямлить, заикаться*).

Общими для обозначения акта говорения являются прототипические глаголы *говорить* и *сказать*, обобщенное значение которых можно сформулировать так: *выразить посредством устной или письменной речи какие-либо мысли с целью их сообщения кому-либо*. В других случаях акт говорения может быть представлен в словосочетаниях и синтаксических конструкциях типа *глагол+наречие, глагол+деепричастие* (*говорить громко, сказать шепотом, говорил заикаясь* и др.), синонимичными глаголами (*произносить, сообщать, болтать, выкрикивать, шептать* и др.), либо метонимически (*мямлить => говорить мямля, т.е. невнятно, нечетко, медленно, вяло, едва шевеля губами*) или метафорически (*взорваться => не сдержав своего возмущения, негодования, выразить его словами, жестами в резкой, категоричной форме*).

Таким образом, процесс речи выражается с помощью различных глагольных форм, причем та или иная его сторона подчеркивается лексической семантикой самого глагола, ср.: *произносить, басить, бормотать, сообщать, рассказывать, спрашивать, отвечать* и т.д. При этом, как уже отмечалось ранее, основная задача метонимичных и метафоричных глаголов говорения заключается именно в том, чтобы помимо выполнения информационной, коммуникативной, контактоустанавливающей функций, репрезентировать значимые характеристики процесса речи (*акустические, физиологические, коммуникативные, экспрессивные, паралингвистические и экстралингвистические* и др.).

Так Т.А. ван Дейк рассматривает фреймы знания и понимание речевых актов и указывает, что организующим принципом в процессе акта говорения являются определенные цели, намерения, действия говорящего, которые связывают их с определенной коммуникативной ситуацией и происходящими событиями. Однако, несмотря на то, что успешное совершение акта говорения требует выполнения этих условий, автор полагает, что все равно не кажется вполне очевидным, почему мы должны приписать статус фрейма простому речевому акту [Ван Дейк 2000: 17–18].

В качестве контраргумента позиции Т. ван Дейка приведем типизированные речевые акты, носящие «ритуальный» характер и имеющие строгий порядок действий, например, чтение лекций, проповедь, деловая переписка, повседневная беседа и др. В каждой из этих ситуаций есть своя последовательность действий (высказываний), выполняющих определенную функцию (являются началом или введением, содержат аргументацию, завершают коммуникацию и др.).

Еще одним аргументом в поддержку фреймовой структуры акта говорения служит тот факт, что для адекватной интерпретации высказывания необходимы общие знания об условиях совершения успешного акта говорения. Так, например, если кто-то во сне или в бреду скажет: *Поболтай со мной, пожалуйста! / Ты не мог бы поговорить со мной?*, такие высказывания нельзя воспринимать всерьез, поскольку данные действия являются неконтролируемыми, бессознательными и не обладают определенной целью, коммуникативной установкой, соответственно не могут быть рассмотрены как полноценный акт говорения.

В-третьих, акт речи может быть частью другого, большего фрейма, ср. такие речевые акты, как крещение, бракосочетание, вынесение приговора или сигнал к атаке (рассматриваемые именно как речевые акты), которые нередко являются составными частями более масштабных действий [ван Дейк 2000: 18].

В качестве примера можно привести два одинаковых высказывания *Я объявляю вас мужем и женой*, которое в первом случае произнесено работником ЗАГСа, а в другом – вашим другом, решившим выразить свое одобрение. Без соответствующих входящих во фрейм знаний невозможно верно различать эти два одинаковых высказывания. Однако в таких ситуациях человек безошибочно определит, что в первом случае речевой акт «работает», а во втором – нет, потому что не является частью институционализованного фрейма.

Таким образом, мы отмечаем, что элементы фрейма «говорение» связаны между собой неслучайной связью (см. подробнее: [Грамматические аспекты перевода 2010; Сулейманова 2013]), в результате которой любой слот фрейма соотносится и с целостным фреймом, и другими элементами фреймовой структуры. Исходя из этой идеи, предположим, что акт говорения можно разделить на произвольные порции, каждая из которых будет ассоциироваться с фреймом «говорение» и при этом обладать самостоятельным значением, ср., например,

ситуации: *Сильно гнусавил, да еще картавил* (Е. Усачева, Бал неисполненных желаний, 2013); *Французские родители стараются не сюсюкать с младенцами, не лопотать вместе с ними на их малопонятном языке* (П. Друкерман, Французские родители не сдаются. 100 советов по воспитанию из Парижа, 2013), в которых акт говорения представлен в виде совокупности дискретных действий, каждую порцию которого можно рассматривать как отдельное самостоятельное действие. Кроме того, момент прекращения действия (акта говорения) выбирается говорящим, который, руководствуясь собственными представлениями о достаточной степени осуществления действия, задает его продолжительность. Таким образом, длительность акта говорения определяется волеизъявлением субъекта речи, а порция действия оказывается заданной субъективно. Ср., например, *«Займитесь собой!» – гаркал Юрий Петрович* (Л. Ванеева. Горькое врачество // «Октябрь», 2002), где говорящий определяет необходимую «порцию говорения».

Как отмечает в этой связи Д.Д. Холодова, рассматриваемый признак вносит информацию о приблизительно заданной протяженности действия, прерываемой субъектом до того, как оно достигает своего предела [Холодова 2015: 100]. Акцент при этом делается на факте существования некоторого действия, тогда как информация о его длительности отходит на второй план, ср., например, высказывания *Ты сказал это; проямлил в свое оправдание лейтенант* и др., которые не сообщают о точном объеме осуществляемого действия, а лишь обобщенно указывают на него.

Это позволяет предположить, что говорящий создает собственную шкалу оценок, по которой измеряет эффективность и успешность акта говорения. Причем подобные оценки оказываются субъективными именно потому, что основаны на его индивидуальных представлениях и целевых установках, которые могут варьироваться не только от случая к случаю, но и в зависимости от самого субъекта речи. Ср.: *После долго молчания я никак не мог наговориться*, где акт говорения представлен как стремящийся к определенному пределу, а субъект речи не может осуществить необходимую для него порцию действия.

Итак, длительность акта говорения определяется «порцией» действия, то есть представлениями субъекта речи о достаточной степени осуществления «говорения», которого оказывается достаточно, чтобы считать его успешным и

эффективным. Отсюда вытекает важная закономерность: вне зависимости от длительности акта говорения, действия, описываемые метонимичными и метафоричными глаголами, не могут мыслиться как неэффективные и безуспешные. При всех условиях Р остается равным Р. Эта закономерность находит подтверждение в ряде ограничений, например, рассматриваемые глаголы не сочетаются с обстоятельствами времени, задающими продолжительность действия, в течение которого реализуется событие (об ограничениях на сочетаемость глаголов говорения СВ и НСВ см. раздел о прототипических глаголах говорения СВ и НСВ), ср.: **Сколько / Как долго ты собираешься помялнить / поболтать?*, получившее отрицательную оценку у информантов, поскольку глаголы *помялнить / поболтать* не могут употребляться со словами, четко задающими промежуток времени для их реализации. В свою очередь, ср.: *Сколько / Как долго тебе писать диссертацию?*, глагол *писать* способен описывать действие, направленное на достижение некоторой конечной точки (некоторого предела), поскольку сочетается с обстоятельствами времени. Детально данный семантический признак рассматривался в исследовании Д.Д. Холодовой: анализировались предикаты бесперспективного протекания и, в частности, конструкции типа *to have a + конверсив* [Холодова 2015]. Признак «порция» действия может прослеживаться и в семантике неопределенно-количественных слов *много* и *мало* (см. [Иванова 2004; Урысон 2005; Федяева 2009 и др.]), сообщающих об избыточности и недостаточности проявления некоторого признака.

Подводя итог, еще раз отметим, что размер «порции» действия, осуществляемой говорящим, определяется исключительно его представлением о необходимой степени реализованности действия. Отсюда вытекает закономерный факт, что акт говорения становится «успешным» до того, как достигает своего внутреннего предела, именно по причине того, что, используя рассматриваемые глаголы, субъект речи стремится выполнить определенную порцию действия, количество которой задается контекстом и самим субъектом.

Таким образом, при реализации фрейма «говорение», репрезентируемого метонимичными и метафоричными глаголами речи, однозначно нельзя выделить те дополнительные слоты, при наличии которых исследуемый фрейм можно считать

«заполненным», а акт говорения состоявшимся. На наш взгляд, для этого необходимо описать всю систему дифференциальных семантических признаков, входящих в структуру анализируемых глаголов и разграничивающих их значения. Именно поэтому в 3 главе настоящего исследования будут предприняты попытка описания семантики метонимичных и метафоричных глаголов говорения с целью выделения релевантных семантических признаков, и соответственно, компонентов, входящих в структуру фрейма «говорение», для его адекватного и полного отображения. Все это сводится к тому, что фрейм «говорение» будет рассматриваться как «состоявшийся» только в том случае, если реализованы все входящие в его структуру слоты.

Предложенные исследователями подходы к описанию фрейма говорения (см.: [Михайлова 2009; Булатова 2010; Стойкович 2013; 2014; 2015; Низеева 2015]) требуют уточнений и дополнений, поскольку игнорирование всех рассмотренных условий успешного речевого высказывания (и, соответственно, акта говорения), исключение из рассмотрения слотов, связанных с метонимичным и метафоричным представлением акта говорения (или в целом неучет акустических, физиологических, невербальных и других характеристик речи), приводит к созданию неточной или неполной картины фрейма «говорение».

Выводы по Главе 2

Выбор методов для проведения лингвистического анализа стал важным этапом настоящего диссертационного исследования. Триангуляционный подход к лингвистическому исследованию, заключающийся в объединении гипотетико-дедуктивного метода, семантического эксперимента с последующим обращением к большим базам данных – поисковым системам Google и Yandex, способствует созданию научно-обоснованной структуры исследования и обеспечивает последовательную верификацию выдвигаемых гипотез посредством эксперимента, а также предусматривает анализ и обобщение полученных результатов. Главной особенностью такой экспериментальной процедуры является то, что в качестве «прибора», регистрирующего верное или неверное употребление языковой единицы в заданных исследователем условиях, используется человек – носитель языка, так и поисковые системы. Анализ и интерпретация полученных данных, а также создание на их основе дифференциальных семантических описаний

выполняются исследователем. В рамках настоящего исследования этапы применения гипотетико-дедуктивного метода, а также процедура работы с информантами описаны на материале метонимичных и метафоричных глаголов говорения. Отметим также, что использование методики, основанной на выдвижении и обосновании гипотез, а затем их двойной проверке с помощью специальных лингвистических методов и больших массивов данных в семантических исследованиях позволяет в какой-то мере приблизить лингвистику к точным и естественным наукам.

В ходе анализа семантики глаголов говорения *бубнить* / *бормотать* и *лепетать* / *лопотать*, а также других глаголов говорения, способом образования значений которых являются метонимические и метафорические переносы, установлено, что данные модели активно участвуют в образовании значений глаголов и эффективно репрезентируют акт говорения. Проанализированные глаголы вносят информацию о различных сторонах речи, репрезентируя речевой портрет говорящего и сообщая о наличии или отсутствии врожденных / приобретенных речевых дефектов, манере речи, акустических и фонетических особенностях и других характеристиках речи. В семантику рассмотренных предикатов входит ряд интегральных семантических признаков, позволяющих верно интерпретировать процесс речи и разграничивать значения синонимичных глаголов говорения (сильная / слабая коммуникативная позиция, детская / взрослая речь четкость / нечёткость произношения, громкость / тихость произнесения слов и др.). Важно также отметить, что предложенная методика применялась к описанию всех рассмотренных в исследовании глаголов.

Проблема научного описания всегда неизбежно связана с проблемой создания соответствующего метааппарата исследования. В данной главе введен и уточнен ряд терминов, представляющих первостепенное значение для интерпретации акта говорения в естественном языке и анализа семантики метонимичных и метафоричных глаголов речевой деятельности.

Релевантным для семантики глаголов говорения и когнитивной интерпретации акта говорения в естественном языке представляется признак *контролируемость* действия, степень контролируемости которого определяется значениями трех следующих параметров:

1. Субъект может прикладывать усилия для реализации акта говорения.
2. Субъект прилагает усилия для реализации акта говорения либо сознательно, либо бессознательно.
3. Субъект может контролировать процесс говорения на разных стадиях его реализации.

Безусловно, это связано с тем, что действия, описываемые метонимичными глаголами говорения, представлены через отсылку к речевым дефектам человека, которые не поддаются контролю с его стороны, тогда как метафоричные глаголы, напротив, описывают речевые действия, репрезентирующие проявление «сильных» эмоций или увлечение чем-либо, когда человек «утрачивает» контроль над речевой деятельностью.

Другие семантические признаки – *пресуппозиция / ассерция* применительно к исследуемым в работе предикатам реализуются в том, что вносят в фоновые знания и в ситуацию в целом различную прагматическую информацию, которая не поддается отрицанию и воспринимается слушающим без дополнительных усилий (*внешняя сторона речи, вербальные и невербальные характеристики акта говорения, коммуникативная установка коммуникантов, уровень базовых знаний, речевой портрет говорящего и др.*).

Понятие «*фрейм*» и признак «*порция*» действия также значимы для когнитивной интерпретации акта говорения, поскольку вносят информацию о структуре процесса говорения в естественном языке. Исходя из анализа высказываний, содержащих исследуемые глаголы, фрейм «говорение» предполагает субъекта, прикладывающего силу для реализации действия (говорящего), объекта (слушающего, собеседника), начальную, срединную и конечную фазы действия, включающие процесс произношения, процесс выражения мысли (чувств, воли), речевой контакт, характеристику процесса или объекта речи (этот компонент как раз и включает дополнительные смыслы, обусловленные метонимичными и метафоричными переносами). Наличие этих слотов составляют в совокупности фрейм «говорение».

Под «*порцией*» действия применительно к глаголам говорения в исследовании понимается такая часть действия, осуществления которой оказывается достаточно, чтобы считаться его успешным и эффективным, а фрейм

«говорение» как «заполненный». Момент прекращения действия выбирается говорящим, который руководствуется определенной шкалой и собственными представлениями о достаточной степени его осуществления. Отсюда вытекает важная закономерность: вне зависимости от длительности акта говорения, действия, описываемые метонимичными и метафоричными глаголами, не могут мыслиться как неэффективные и безуспешные.

ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЯ ПРЕДИКАТОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ АКТ ГОВОРЕНИЯ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Особенности семантики и употребления прототипических (базовых) глаголов говорения *говорить* и *сказать*

Глаголы *говорить* и *сказать* являются базовыми или прототипическими глаголами, обозначающими речевую деятельность в естественном языке. Их обобщенное значение можно сформулировать следующим образом: *выразить посредством речи какие-либо мысли, чувства, идеи с целью обмена и передачи информации, а также воздействия на собеседника.*

Под базовым (прототипическим) мы вслед за исследователями прототипической семантики понимаем те фрагменты языковой действительности, которые хранятся в памяти человека и представляют собой содержательные ядра или лексические прототипы значений слов. Как утверждает А.В. Ширяева, данные структуры знания представляют лексемы в сознании человека на уровне системы языка, то есть они являются их системными значениями, благодаря которым лексемы функционируют в языке. В свою очередь в данные значения входит минимальный набор интегральных и дифференциальных признаков, достаточных для идентификации слов [Ширяева 2008: 269].

Отсюда можно сделать вывод, что прототипические глаголы представляют собой семантический центр значения фрейма «говорение». Ср. также точку зрения О.Н. Селиверстовой, которая под прототипическим значением понимает «исходное, основное значение, формируемое определенным набором семантических признаков» [Селиверстова 2002: 21]. Инвариантное значение трактуется как «абстрактное обозначение одной и той же сущности в отличие от ее конкретных модификаций вариантов» [Евтеева 2014].

В рамках настоящего исследования главным остается описание семантики именно метонимичных и метафоричных глаголов говорения, однако для более полного изучения системы предикатов, репрезентирующих акт говорения, необходимо рассмотреть и базовые глаголы, входящие в значения всех исследуемых единиц, к которым относятся глаголы *говорить* и *сказать*.

На наш взгляд, основной оппозиций, позволяющей разграничить значения глаголов *говорить* и *сказать*, по нашему мнению, является противопоставление

форм и значений совершенного и несовершенного вида. Е.В. Падучева в этой связи справедливо отмечает, что говорящий, употребляя глагол, обязательно должен выбрать один из его видов [Падучева 2016: 32].

Анализ семантики вида для описания видовых значений в рамках традиционной грамматики получил развитие в работах Ю.С. Маслова, в которых исследователь указывал на принципиальную обусловленность грамматического значения вида лексической семантикой глагола [Маслов 2004].

А.А. Зализняк и А.Д. Шмелев, рассматривая вид как грамматическую категорию, отмечали его семантическую наполненность, выражающуюся в возможности внесения в высказывание различной семантической и прагматической информации [Зализняк, Шмелев 2000]. В частности, исследователи отмечают, что при помощи категории вида в русском языке выражается аспектуальность (см. об этом подробнее далее), представляющую собой совокупность ряда семантических признаков (локализация во времени, кратность / длительность, динамичность / статичность, моментальность, начинательность, результативность и т.п.) [Зализняк, Шмелев 2000: 10–11].

А. Вежбицкая применяла к описанию грамматических единиц в славянских языках метод толкований [Wierzbicka 1967], заключающийся в построении отдельных толкований для каждого из двух членов видовой пары, что позволяло в свою очередь исчерпывающим образом охарактеризовать вклад граммы вида в смысл предложения. Этот метод получил дальнейшее уточнение в работах Ю.Д. Апресяна [Апресян 1980; 1985] и в особенности М.Я. Гловинской [Гловинская 1982; 1983], где он связан с описанием семантики видовых противопоставлений русского глагола. Развитие данного направления грамматики и семантики дало возможность получить описание частных видовых значений каждого вида [Маслов 1973; Бондарко 1971; Рассудова 1982; Forsyth 1970], обнаружить семантическое разнообразие видовых противопоставлений в разных лексико-семантических группах глаголов, и зафиксировать большое число таких групп [Падучева 2010].

Однако стоит отметить одно важное допущение, не отмеченное в вышеупомянутых работах, что частные видовые значения представляют собой значения, выражаемые не видом самим по себе, а видом в сочетании с контекстом.

Вслед за Е.В. Падучевой [Падучева 2010] и другими лингвистами мы будем исходить из того, что рассматриваемые прототипические глаголы говорения СВ и НСВ являются разными лексемами, а не супплетивными словоформами одной лексемы.

3.1.1. Вид как грамматическая категория, разграничивающая семантику прототипических глаголов говорения

Глагольный вид в русском языке всегда являлся предметом споров, поскольку практически по всем основным вопросам аспектуальности среди лингвистов возникали разногласия. Однако с одним утверждением согласны, по-видимому, все исследователи: «вид является грамматической категорией, тесно связанной с лексическим значением глагола» [Зализняк 2000]. На это указывает и Е.В. Падучева: «если категорию времени можно описать в чисто грамматических терминах, то исчерпывающее описание семантики вида требует широкомасштабного изучения лексической семантики глагола» [Падучева 2010: 3].

Как известно, глаголы *говорить* и *сказать* во многих контекстах выступают как лексические синонимы и в ряде случаев могут заменять друг друга, однако отличаются по ряду грамматических и семантических признаков (что выражается в возможности сочетания или несочетания с разными частями речи).

Глагол *сказать* используется в форме совершенного вида, имеет формы прошедшего и будущего времени, ср., – *А вот что есть у меня! – сказал Шерлок Холмс, И тут мы скажем им...*; в форме настоящего времени не употребляется и может заменяться синонимичным глаголом, например, *говорю, болтаю, бормочу* и др. Данный глагол описывает процесс завершённый, состоявшийся, достигший определённого внутреннего предела действия, ср., например, *Его отпустили и сказали – не приходи больше* (Ю. Гладильщикова. Младший брат. О чем «Война» Алексея Балабанова // «Известия», 2002) или *Как сказал Горький: «Не говори о себе плохо, найдутся те, кто скажут (говорят) о тебе еще хуже»* (Вы над собой смеяться не боитесь? // «Дело» (Самара), 2002), где в семантике глагола *сказать* есть указание на завершенность процесса передачи информации субъектом речи (говорящим).

Глагол *говорить* может использоваться только в формах прошедшего и настоящего времени несовершенного вида, ср., например, *Я в этом смысле и*

говорил..., *Ты слышишь, что я говорю*; в будущем времени употребляется аналитическая форма (*буду говорить*), ср. *Другое дело, что, болтая о себе, я неизменно буду говорить что-то и о своих друзьях* (Ю. Андреева. Многоточие сборки, 2009). Глагол *сказать*, напротив, не допускает аналитической формы – не употребляется в будущем времени и заменяется синонимом (ср. невозможный вариант **Можно мы будем сказать...*).

Глагол *говорить* обычно обозначает процесс «в действии», продолжительный, в известной степени незавершенный (в том числе в силу того, что используется в форме несовершенного вида), ср., например, *О ней говорили, что она была равнодушна к московской детворе...* (Т. Бирюкова. Кто начал борьбу с беспризорностью? // «Вечерняя Москва», 2002), где глагол *говорил* указывает на длительность совершаемого действия, продолжительность. Ср. также *У меня стремительно падает давление, втягиваются внутрь барабанные перепонки и височные кости, будто я сам себя высосал изнутри. А он все говорит и говорит* (А. Битов. Рассеянный свет, 1981), где повтор глагола НСВ *говорить* указывает на длительность и незавершенность основного действия (невозможность достижения внутреннего предела, так как семантика глагола НСВ не позволяет «выговориться», завершить весь акт говорения). Ср. также *он все *сказал (скажет) и сказал (скажет)*, где неправильность высказывания обусловлена именно в силу ограниченности глаголов совершенного вида, в которых достигаемый действием предел чаще всего осмысливается как некая критическая точка, по достижению которой действие, исчерпав себя, прекращается.

Другие признаки, позволяющие разграничить семантику глаголов СВ и НСВ *сказать* и *говорить*, связаны с категориями *целостности* и *предельности*. Однако подобные категории все же не дают достаточно ясного представления об инвариантном значении видов. Упомянутые выше термины понимаются разными аспектологами по-разному (см. подробнее работы [Маслов 2004; Бондарко 1996; 2002; Падучева 2010; 2016; Зализняк, Шмелев 2000 и др.]).

В.В. Виноградов, давая исчерпывающее определение категориальной семантики русского вида, отмечал: «Основная функция совершенного вида – ограничение или устранение представлений о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе»

[Виноградов 2001: 409].

Таким образом, совершенный вид фокусирует внимание на одном из моментов действия (как правило, начальном или конечном), тем самым обуславливает ретроспективную или проспективную точку отсчета по отношению к действию [Падучева 2004а: 476], ср.: глагол НСВ *говорить* с приставками *до-* и *за-*, при использовании которых образуется СВ: *договорить*, *досказать*, *рассказать*, *сказать что-то* (конечная фаза действия) и *заговорить с кем-то* (начальная фаза действия).

Граммема СВ выражает актуализацию предела как временной границы действия, что соответственно исключает возможность представления действия в процессе его совершения (отсюда глаголы СВ выражают однократное законченное или начатое действие) [Петрухина 2009: 61]. В свою очередь НСВ обозначает ситуацию, не ограниченную пределом действия, либо вовсе не достигающую предела, и реализует все другие возможности представления действия: состояния (*умирает от нетерпения*), процессы (*говорит с другом*) и события (*каждый день приходит*) [Зализняк, Шмелев 2000: 32, 36].

Так, глагол *сказать* всегда указывает на целостность действия и достижение им внутреннего предела (ср. также другие глаголы совершенного вида *прочитать*, *прибить*, *выучить* и под.). В свою очередь глагол *говорить* способен обозначать акт говорения как нецелостное, расчленяемое на отдельные фазы действие, ср.: *начал говорить*, *продолжил говорить*, так и целостное, предельное, ср.: *Мы вчера об этом говорили – они об этом уже (что сделали?) поговорили*.

Из вышесказанного приходим к выводу, что прототипические глаголы речемыслительной деятельности *сказать* и *говорить* относятся к группе предельных глаголов, обозначающих действие, которое стремится к достижению предела как определенной критической точки, по достижению которой оно прекращается, исчерпывая себя, ср.: *Преподаватель весь семестр говорил о революции в России, и только на последнем занятии сказал о Ленине*. Таким образом, глагол *говорить* обозначает стремление к достижению предела (рассказать о революции), а глагол *сказать* – само достижение этого предела (рассказ о Ленине).

Еще один важный вопрос, касающийся категории вида применительно к глаголам говорения, связан с конкуренцией видов, которая проявляется в возможности употребления обеих видовых форм для обозначения одного и того же факта действительности в соответствии с различными потребностями языковой ситуации. Выделенный признак релевантен и для прототипических глаголов говорения, ср.: *Ты говорил ему? / Ты сказал ему?*; *Студенты читали эту статью / прочитали эту статью*; *Профессор Андреев на заседании выступал / выступил*, где происходит семантическое разграничение неизвестного и неопределенного действия, о котором ранее не шла речь (НСВ), и известного, определенного, ожидаемого (СВ).

3.1.2. Видовое противопоставление прототипических глаголов говорения

Применительно к глаголам говорения различия в семантике совершенного и несовершенного вида проявляются в противопоставлении соотносительных глаголов одного и другого вида. Ю.С. Маслов отмечает ряд параметров, по которым можно соотнести глаголы говорения СВ и НСВ [Маслов 2004: 71–72]. Применим его классификацию к глаголам говорения *говорить* и *сказать*:

1. Противопоставление действия в процессе его выполнения, становления, развития (НСВ) готовому факту, скачку, целостности действия (СВ): *Я говорил с ним* (процесс), *шутил* и *Я сказал ему неправду* (=я солгал, т.е. констатация факта, действие взято в его целостности, представляющей скачок в новое состояние – быть в разговоре с ним и солгать ему, сказать ему неправду). Ср. также *Ты подумай, что ты говоришь?* (действие) – *сказал?* (факт).

2. Противопоставление факта или попытки / намерения достичь определенного результата (НСВ) действительному осуществлению этого факта, достижению результата (СВ): *хотел говорить с ним, но так ничего и не сказал*; *Он много говорил раньше, но ничего не сказал в клетке* (Макгрегор не заслуживает реванша // <https://www.eurosport.ru>, 2019).

3. Противопоставление неопределенной или неограниченной пределом длительности протекания действия (НСВ), мгновенности действия или ограниченной известными пределами длительности его протекания (СВ): *он говорил сыну о политической ситуации в стране* (неизвестно, в течение какого времени) – *он сказал сыну о демонстрации* (мгновенно) – *он трижды сказал о*

том, что выборы перенесут на конец мая (ограниченная пределом продолжительность действия).

4. Противопоставление повторяющегося действия (НСВ) единичному, однократному действию или действию, повторенному ограниченное количество раз (СВ): *говорил о погоде – пять раз сказал инструктору*.

5. Противопоставление действия, неопределенного в отношении конкретных условий его существования (НСВ), конкретному случаю (СВ): *Ты говорил с ним?* (вообще, когда-нибудь) – *Ты сказал ему?* (в данном, конкретном, известном собеседникам случае); ср. также *Да что там говорить?* (т.е. вообще, «в принципе») – *Хочу поговорить с вами* (речь идет о конкретной беседе).

Видовое противопоставление глаголов *говорить* и *сказать* демонстрирует тот факт, что морфология не может служить достаточной опорой для семантического исследования, и должен быть найден другой, синтаксический критерий. По-видимому, таким критерием является различие между глаголами по их способности вступать в определенные словосочетания, т.е. различие «валентности» изучаемых глаголов.

Заметим, что мы не ставим цели описать все возможные варианты сочетаемости / несочетаемости исследуемых прототипических глаголов говорения СВ и НСВ, поскольку эта задача лежит за пределами объекта данного исследования. Попытки полного описания видовых значений на материале русского языка были предприняты в работах, например, А.А. Караванова, К.А. Соколовской, Л.В. Архиповой и Т.В. Губановой [Караванов 2005; Соколовская 2008; Архипова, Губанова 2010], которые рассматривали глагольной вид, вернее, его практическое применение, в обучении иностранцев русскому языку.

Опираясь на полученный теоретический материал, анализ высказываний с исследуемыми глаголами, а также гипотетико-дедуктивную процедуру исследования, далее мы рассмотрим валентность изучаемых единиц, т.е. их способность использоваться в определенных словосочетаниях и употребляться с разными частями речи.

3.1.3. Исследование сочетаемости прототипических глаголов говорения с другими частями речи

Для выявления различий в семантике исследуемых глаголов рассмотрим предложения с выделенными единицами и сравним их употребление в одном и том же контексте.

Так, глагол *сказать* по понятным причинам (совершенный вид обозначает действие как единичное событие, замкнутое целое, которое имеет место в определенной ситуации или момент времени и стремится к достижению внутреннего предела) не допускает сочетания с фазовыми глаголами (*начать, начинать, приняться, приниматься, продолжит, продолжат, перестать, переставать, прекратить, прекращать* и др.), которые обозначают какую-либо фазу действия, процессуального признака (начало, середину, конец) [Маслов 2004: 501; Падучева 2004а: 179]: Ср. недопустимое **Он начал / закончил / продолжил сказать* (или другие глаголы совершенного вида *прочитать, прибить, выучить* и др.). Данную особенность глаголов совершенного вида отмечали также и другие лингвисты [Гловинская 1982; Лекант 2014].

Фазовые глаголы относятся к неполнозначным (вспомогательным глаголам), т.е. к таким, которые не могут употребляться в предложении самостоятельно, поэтому требуют присоединения к предикатам несовершенного вида, указывающими на различные фазы осуществления процессуального признака, ср., например, *Пьеса понравилась до того, что вызвала даже панику, – начал говорить Бомбардов, – отчего все и стряслось* (М. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман), 1936–1937); *Сбивчиво и не совсем связно Горшков начал говорить о том, что такими людьми, какие сидят в министерстве, и разваливается страна* (Н. Леонов. Лекарство от жизни, (2001).

Кроме этого, в силу упомянутых ранее ограничений грамматической формы совершенного вида глагол *сказать* не может использоваться также для описания многократных, длительных, незавершенных действий. Например, *Они говорили между собой* (наличие нескольких членов коммуникации) и **они сказали между собой*; *говорил до сих пор* (наличие временной точки) и ?*сказал до сих пор*; *вокруг него говорили* и **вокруг него сказали*; ср. *говорили рядом с ним* и возможный вариант ?*сказали рядом с ним*.

Уточним эти данные в более широком контексте: ср., *Правда, иногда старые петербуржцы говорят между собой: Поедем гулять в «Цепочку»* (Л. Городнева. О чем помнит остров // «Мурзилка», 2003) или *Он слышал и понимал все, что вокруг него говорили* (И. Грекова. Фазан, 1984), где глагол НСВ *говорить* вносит информацию о неопределенно длительном, многократном действии (акте говорения), а также с помощью слов распространителей сообщается о наличии нескольких членов коммуникации. Ср. отмеченное информантами как недопустимое с глаголом СВ: **сказали между собой и *вокруг него сказали*.

Или другой пример *Все, что я говорил до сих пор, – все это сбылось, и я знаю, что сбудется и все остальное* (М. Лазович, Избранник. Борьба духов, 2017), где процесс говорения ограничен некой временной точкой. Ср. также допустимое *Все, что я сказал до сих пор...*, отличающееся только указанием на завершенность действия до определенной временной точки.

В некоторых случаях глагол *говорить* вносит информацию о владении, способности к говорению на каком-либо языке, а также его систематическом использовании, ср., например, *Конечно, на русском. – Но он же говорит по-французски. – Ну и что?* (Запись LiveJournal, 2004). Ср. также *Женщины говорили между собой по-фински. Было ясно, что они недовольны* (С. Довлатов. Чемодан, 1986), где актуализируется схожее значение глагола, а дополнительный контекст указывает на нескольких членов коммуникации.

В семантике глагола *сказать*, напротив, акцентируется внимание на факте совершения действия: *Вероятно, это бедняга, потерпевший кораблекрушение, – сказал по-французски старый негр, которому, по-видимому, была поручена ихуна. – Густав-Адольф, ты говоришь по-английски, расспроси его* (Ф. Марриет Служба на купеческом корабле, 2018), где в первом предложении глагол *сказать* указывает только на факт совершения однократного действия (акта говорения на французском языке), а во втором предложении глагол *говорить* вносит информацию о способности к говорению (субъект речи владеет английским языком, систематически его использует). Ср. также *Кэм так быстро сказал по-французски, что я ничего не разобрала. – Что ты сказал? Я почувствовала себя глупо. Странно говорить по-французски, если ты не в классе* (Д. Хан Этим летом я стала красивой, 2017), где исследуемые глаголы в первом случае вносят

информацию о факте совершения говорения на французском языке, а во втором акцентируют внимание именно на возможности, способности к говорению на этом языке.

Данные семантические особенности напрямую связаны с различием между СВ и НСВ исследуемых глаголов, которые, как говорилось выше, обозначают соответственно разовые и длительные действия (отсюда оппозиция факт говорения / способность к говорению).

Оба исследуемых глагола сочетаются с наречиями типа *рядом, далеко, близко* и др. и вносят информацию об акте говорения, описывая различные пространственные характеристики, ср.: *Бадасов умер, – сказал рядом чей-то голос* (В. Пелевин, Желтая стрела, 1993) или *Алина Аркадьевна, – сказал рядом капитан Никоненко, – проснитесь. – Я не сплю. – Нет, спите!* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости, 2003). Ср. также *Кто-то едва слышимым шепотом говорил рядом: – Они о людях, арестованных в тридцать седьмом году, сведения высасывают из пальца* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3, 1960), где глагол *говорил* репрезентирует акт говорения и вносит информацию о длительности действия, в отличие от глагола *сказать* в двух примерах выше, где акцентируется внимание на разовости, завершенности действия.

Глагол *говорить* употребляется с количественными числительными в конструкциях типа *сто раз, пять раз* и др., с наречиями типа *много, часто* и др., обозначающими длительные, многократные, незавершенные действия, ср.: *Они спят и видят, чтобы я тебя бросил, и тогда они будут тебя жалеть и по сто раз говорить: «Мы же предупреждали»* (Я желанна. Разве это стыдно? // «Даша», 2004) и *И тем не менее директор был на высоте, и Роман часто говорил раньше: – Всем бы такого директора.* Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека, 2001). Ср. однако невозможное **по сто раз сказал* и **часто сказал раньше*.

Глагол СВ *сказать* указывает на разовость действия, его завершенность, ср., например, *сказал, как отрезал; сказал я, скривив губы; сказал, глядя на часы*.

Уточним эти данные в более широком контексте: *Нет, – сказал, как отрезал: коротко, жестко и сурово* (Б. Васильев Картежник и бретер, игрок и дуэлянт, 2015), где вносится информация об однократности действия (акта

говорения) и его завершенности. Ср. также *А ты оттолкни! – тихо и злобно радуясь, сказал я, скривив губы* (М. Арцыбашев. Жена, 1905) или, например, *Я перевел дух. Потом сказал, глядя на часы: – Жалко, вас раньше не уколошило* (А. Волос. Недвижимость // «Новый Мир», 2001), где глагол **сказал** согласуется с деепричастным оборотом и сообщает о однократном, завершенном действии. Ср. отмеченные информантами как недопустимые варианты **говорил, как отрезал, *говорил я, скривив губы*, где уже отсутствует указание на разовость действия.

Отметим однако, что при использовании глагола НСВ с деепричастием, выражающим дополнительный процессуальный признак, подобные выражения допустимы: *говорил я, кривя губы*, где описывается мимика и отношение говорящего к высказыванию или собеседнику.

Глагол **сказать** сочетается с наречиями, обозначающими разовое, внезапное действие типа **наконец, вдруг** и др., ср., например, *Наконец один врач сказал мне «по секрету»: У тебя, дорогая, все в порядке* (В. Стрельникова. Опять акробатика, милый? // «Даша», 2004) или *Восемь надо, – сказал вдруг я* (Ю. Коваль. Сиротская зима, 1980–1993). Ср., напротив, недопустимые варианты **Наконец один врач говорил мне..., *говорил вдруг я*.

Таким образом, рассматриваемые глаголы, сочетаясь с наречиями, глаголами, деепричастиями, могут репрезентировать какие-либо **внешние характеристики акта говорения** (четкость / нечеткость произношения букв, слов; громкость; тембр и др.), а также **содержательные аспекты речи** (манеру; отношение к собеседнику или высказыванию; коммуникативную установку и др.) или **сопутствующие акту говорения действия** (*мимику, жесты, взгляд*) в различных словосочетаниях и синтаксических конструкциях (*говорить громко, сказать шепотом, говорил заикаясь* и др.).

Например, *Как только они оказались в парке, Саша остановился и сказал, заикаясь от волнения* (Л. Матрос, Презумпция невиновности, 2018) или *Паша говорил, заикаясь, но притворялся улыбающимся* (М. Арцыбашев, У последней черты, 2016), где глаголы *сказал* и *говорил* вместе с деепричастием *заикаясь* вносят информацию об акте говорения и позволяют адресату воспринимать речь как сбивчивую, с частым повторением или пролонгацией звуков, слогов, слов или с частыми остановками, которые разрывают ее ритм, в связи с наличием речевого

дефекта (врожденного или приобретенного).

Глаголы *говорить* и *сказать* вместе с другими частями речи используются для внесения информации о внешних характеристиках акта говорения, ср.: *Об этом говорили только шепотом...* (Об этом говорили только шепотом // НТВ.Ru, 2008) или *Родные! – громко сказал он. – Не галдите. Чем могу, помогу* (Б. Екимов. Пиночет, 1999), где глаголы *говорили* и *сказал*, употребляясь с соответствующими наречиями, репрезентируют тихость и громкость акта говорения.

Ср. также *Я остановился и внятно сказал: – Никакие не сыски. Никакие не хыхки, а коротко и ясно: фыфки! Вот и все!* (В. Драгунский, Денискины рассказы, 2000), где словосочетание *внятно сказал*, вводя информацию об акте говорения, подчеркивает четкость / нечеткость произнесения отдельных слов, букв или высказывания в целом. Ср. также *...Томас сказал, шепелявя беззубым ртом: – Да здравствует Мадрид, столица души моей!* (Э. Хемингуэй, Мадридские шоферы, 2006), где конструкция *сказал, шепелявя*, характеризует речь как неясную, с нечетким произнесением отдельных звуков (свистящие [с] и [з] подобно шипящим [ш] и [ж]), и вносит информацию о наличии приобретенного дефекта речевого аппарата (что конкретизируется элементами контекста – *беззубым ртом*).

Ср. *Толстой только рисует сцену и плачет; плачет и говорит, шамкая шестидесятилетними губами: – Ничего не понимаю в мире* (В. Розанов. Семейный вопрос в России, 2018), где глагол с деепричастием *говорит, шамкая* характеризует речь как стариковскую (по причине отсутствия зубов), что также получает конкретизацию с помощью контекста (*шестидесятилетними губами*). Ср. также *Вторым говорил седовласый мужчина с беззубым ртом и запавшими щеками* (А. Проханов Востоковед, 2017), где информация об акте говорения, характеризующемся нечеткостью произнесения букв, слов, по причине отсутствия зубов, вводится только посредством контекста (*седовласый, беззубый рот, запавшие щеки*), без использования соответствующего деепричастия (*шамкая, шепелявя* и др).

В других случаях данная конструкция вносит информацию о речи, характеризующейся отсутствием зубов из-за болезни или травмы (менее употребительно), ср., например, *Из-за тугой повязки нижней челюстью он ворочал с трудом и говорил невнятно, шамкая, как беззубый дед* (А. Левицкий, А. Бобл,

Хроники Пустоши (сборник), 2017).

Исследуемые предикаты могут сочетаться с единицами, вносящими информацию не только о внешних сторонах акта говорения, но и о манере речи говорящего: *Погодь чуток, ща выпущу, – говорил, бубня под нос, ключник* (Тимофей – Рахманин, Сказание о забытом князе, 2013), где словосочетание *говорил, бубня* репрезентирует ситуацию говорения и сообщает о том, что субъект речи *говорит тихо и невнятно*, его речь характеризуется *нечленораздельностью, неясностью произношения*. Ср. высказывание с метафоричным глаголом *Я тряс ее и говорил, шипя и выплевывая слова: Ты-ы, не смей меня задевать* (А. Кавкаева Солнечные дни, 2018), где в описание акта говорения вносится информация о манере и особенностях произношения субъекта речи (есть указание на сдерживание отрицательной эмоции – раздражения, злости).

Прототипические глаголы *говорить* и *сказать* вместе с обозначениями сопутствующих акту говорения действий могут вносить информацию об эмоциональном состоянии говорящего, указывать на его мимику, жесты: *Что мне делать? – говорил я, размахивая руками. <...> – Володя, – сказал я ему, показывая руку с двумя просунутыми в грязную перчатку пальцами, голосом, выразившим положение, близкое к отчаянию* (Л. Толстой. Детство, 1958), где глаголы *говорил* и *сказал*, репрезентируя акт говорения, сообщают о взволнованности, огорчении, страхе субъекта речи. Ср. также *А я тебе говорил, – угрожающе сверкнув мрачным взглядом, сказал Хантли, – с ними не связываться! – Я и не связывался, – ответил Кинг, вручая ему бокал с виски* (Э. Энтони. Шаг до страсти, 2001) или *Пусть это послужит тебя уроком, Фрэнк, – ледяным тоном проговорила матушка, сверля взглядом отца* (Е. Сафонова Лунный ветер, 2018), где глаголы *говорил* и *проговорила*, вместе с обозначениями сопутствующих акту говорения действий, характеризует внешнюю сторону речи говорящего, описывая ее как негативную.

3.1.4. Некоторые частные видовые значения и различия в семантике прототипических глаголов говорения

Анализ валентности глагола СВ в **форме инфинитива *сказать*** показывает, что в силу особенностей своего значения и видовой формы (а именно *целостности, результативности, завершенности, наличия результата действия,*

достижения некого предела) глагол **сказать** не сочетается:

1. Со словами, показывающими **неограниченную длительность / незамкнутую продолжительность действия** (*долго, месяцами, сутками, часами, без конца, с пяти до семи, иногда, пять минут и т.п.*), ср. *Но еще академик П. Капица долго говорил (*сказал); Так часами мы говорили (*сказали), как выражаются немцы, мимо друг друга; каждый день с пяти до семи мы говорили (*сказали) о политике и др.*

2. Со словами, обозначающими **регулярную повторяемость** (*регулярно, периодически, ежедневно, каждый день/вечер, по четвергам, каждый час и т.п.*), ср. *Он каждый день говорил (*сказал) себе все одно и одно: «Надо же, наконец, понять ее и дать себе отчет: кто она?»; При этом Спиридон Петрович каждый раз регулярно говорил (*сказал): – Вот у кого сейчас полны карманы денег и др.*

3. Со словами, имеющими **модальные** (*бесполезно, бессмысленно, излишне, напрасно, не надо и т.п.*) и **негативно-оценочные** значения (*не люблю, не привык, избегаю, разучился и т.п.*).

В иных случаях признаками, разграничивающими семантику глаголов СВ и НСВ, могут являться следующие: сочетаемость видов с показателями **протекания действия** (*за два часа, к вечеру, все еще и др.*); **кратности действия** (*ежедневно, всегда, по субботам и др.*). Кроме этого наблюдаются значительные расхождения в семантике при использовании видов в **модальных** (например, в императиве при отрицании) планах, а также в некоторых **синтаксических конструкциях** [Петрухина 2000]. Ср., например, «автоматическую» (без коммуникативной осознанности) замену вида с СВ на НСВ в императиве при введении в текст отрицания: *Скажи что-нибудь! / Ни в коем случае не говори ему!* Или инфинитив при модальном глаголе: *Надо сказать / Не надо говорить!*

Далее рассмотрим еще несколько примеров с исследуемыми глаголами: *Но это будет совсем не то, что ты ожидаешь, – сказал он. – И в любом случае об этом бесполезно говорить* (В. Пелевин, Бэтман Аполло, 2013); *Я понимал, что бесполезно говорить правду. Потому я сказал, что Маргарита прелестная девушка и я очень рад за Диму* (К. Паустовский, Книга о жизни. Далекие годы, 1946). Ср. недопустимое **бесполезно сказать об этом*. Однако информанты отмечают допустимость высказываний типа: *это бесполезно, скажу я вам*

(ситуации типа: *грубо / иначе говоря, скажем* и т.д. в настоящем исследовании не рассматриваются и требуют специального изучения).

В ряде случаев общая модальность высказывания не допускает употребления в предложении глаголов совершенного вида: *Я поймал себя на том, что избегаю говорить о тебе* (Р. Киреев. Четвертая осень, 1989) или *Поэтому я не люблю говорить о личном...* (Г. Ильичев, Е. Хатрусова. Гойко Митич: «Я многому научился у индейцев» // «Известия», 2003). Ср. невозможное: **избегаю сказать, *не люблю сказать*.

Однако в некоторых случаях сочетание глагола *любить* с СВ оказывается не только возможным, но даже предпочтительным, ср.: *Он любит поговорить, Он любит прихвастнуть, Он любит приврать* и др., где выражается субъективная оценка говорящего (чаще ироничная). Ср., например, предложение *Власть у нас любит поговорить о среднем классе – обеспеченном и самом трудоспособном ядре нации* (Г. Зюганов: Спасение страны – в смене власти // «Советская Россия», 2003), где у глагола *говорить* возникает дополнительная коннотация, и «разговорчивость» субъекта речи оценивается говорящим как крайне негативная.

Обратим внимание на следующие предложения: *Насчет мамань он напрасно сказал, совсем напрасно* (Б. Васильев. А зори здесь тихие, 1969) или *Я спохватился, что напрасно сказал это, но уже было поздно*. (А. Новиков-Прибой. Капитан первого ранга, 1936–1944), где глагол СВ *сказать* допускает употребление с наречием *напрасно*, имеющим модальное значение (т.е. выражающее отношение говорящего к содержанию его высказывания или целевую установку речи), что, по нашему мнению, обусловлено общей субъективностью высказывания (см. выше), поскольку ситуация изображена с точки зрения говорящего.

При описании ситуаций как негативно-оценочных допускается использование глаголов говорения НСВ, ср.: *Ты разучился говорить по-русски? – уточнила Варвара* (Т. Устинова. Подруга особого назначения, 2003), где конструкция *разучился говорить* вносит негативно-оценочную информацию об «утрате» способности к говорению на каком-либо языке. Ср. также допустимые, но вызывающие некоторые сомнения у информантов, поскольку в значениях данных глаголов отсутствует указание о способности говорения на каком-либо языке, а

репрезентируются различные акустические, функциональные, стилистические, содержательные и другие аспекты речевой деятельности: *?Ты разучился болтать?*; *?Ты разучился лепетать / гаркать?* и др.; недопустимое: **Ты разучился сказать?*

Однако отметим, что разряды глаголов СВ и НСВ с функциональной и семантической точки зрения не представляют собой закрытых классов, отделенных друг от друга резкой границей – они взаимодействуют и пересекаются. Так, некоторые глаголы говорения СВ могут употребляться с показателями неограниченного каким-либо пределом действия обстоятельствами типа *долго, два часа*, проявляя в данной сочетаемости сходство с глаголами НСВ. Это прежде всего глаголы СВ, образованные от основ НСВ с приставками *по-, про-, пере-, вы-, от-* (ср. *проговорить два часа, поговорить неделю; мы проболтали весь вечер; выговорить; отговорить* и др.). Такую же нетипичную для глаголов СВ сочетаемость имеют и некоторые другие дериваты: с префиксом *вы-* (*он долго не мог выговориться / высказаться*). Индивидуальная сочетаемость с наречием *долго*, характеризует глаголы *заговорить (-ся)* и *заболтаться (-ся)*, что можно объяснить различиями в значениях данных производных глаголов. Ср. определения *заговорить* и *заболтать* – «начать говорить» и «утомить болтовней, разговорами» и их производные *заговориться* и *заболтаться* – «увлечься разговором, болтовней; проговорить, проболтать долго». Например, *он долго не мог заговорить с ним* или *он долго не мог заболтать его*. Однако наречие *долго* не сочетается с некоторыми глаголами говорения, имеющими начинательный суффикс *за-*: **долго замямлил / закартавил / загнусавил* и др., хотя в других контекстах эти глаголы легко используются с данным префиксом: *замямлил, забормотал* и др.

Таким образом, предлагаемый в исследовании подход к пониманию прототипических глаголов говорения в русском языке, основанный на противопоставлении двух грамматических форм глагола – совершенного и несовершенного вида, позволяет значительно расширить представления о семантике не только глаголов говорения *говорить* и *сказать*, но и дать целостное представление о различиях и сходстве двух грамматических форм.

Так, традиционный взгляд на формы совершенного и несовершенного вида получают уточнение в рамках описания семантики глаголов говорения. Глаголы

говорения совершенного вида выражают однократность, законченность или начинательность действия, ср.: *сказал, промямлил, буркнул* и др. Тогда как глаголы говорения несовершенного вида могут выражать процессное значение, при котором актуализируются срединные моменты протекания действия, ср.: *Он говорил / говорит, мямлит, бурчит* и др. или неограниченное повторение однородных действий, без актуализации характера протекания каждого из них, ср.: *Постоянно говорит / говорил / бубнит* и другие типы частных отношений.

Проведенный анализ позволил противопоставить глаголы *говорить / сказать*, выделить частные случаи сочетаемости с другими частями речи и возможность их взаимозаменяемости в контексте. В целом семантика исследуемых глаголов накладывает свойственные другим группам предикатов (например, действия или состояния) типичные ограничения, связанные с оппозицией совершенного и несовершенного вида (ограничения СВ на сочетание с фазовыми глаголами, некоторыми количественными числительными, наречиями, обозначающими неограниченную длительность действия и др.). Однако выделяются и частные значения, например, противопоставление способности к владению каким-либо языком и его систематическому использованию самому факту совершения акта говорения.

Таким образом, прототипические глаголы говорения в предложении «подчиняют» обстоятельственные слова-конкретизаторы, что приводит к их факультативной обстоятельственной сочетаемости, избирательности к распространению и способности слов-конкретизаторов участвовать во внешней модификации и актуализации глагольного действия. Рассматриваемые глаголы, сочетаясь с другими частями речи, способны репрезентировать внешние характеристики акта говорения (*четкость / нечеткость произношения; темп; тембр; громкость; интенсивность* и др.), содержательные аспекты речи (*коммуникативную установку; отношение к собеседнику; саму ситуацию*), сопутствующие акту говорения действия (*мимику, жесты*).

Однако отметим, что метонимичные глаголы говорения (*мямлить => говорить + невнятно, нечетко, медленно, вяло, едва шевеля губами*) и метафоричные глаголы говорения (*взорваться => не сдержав своего возмущения, негодования, выразить его словами, жестами в резкой, категоричной форме*) в

высказывании выполняют те же функции, что и прототипические глаголы говорения (установления контакта, передача информации), а также характеризуют ту или иную сторону процесса речи (*акустическую, физиологическую, коммуникативную, экспрессивную, содержательную* и т.д.). В связи с этим, рассмотрим их семантику более подробно.

3.2. Особенности семантики и употребления метонимичных глаголов говорения

Группа глаголов говорения, которые метонимически вносят информацию о различных аспектах речевой деятельности, обширна. К ней относятся *бубнить / пробубнить, гаркать / гаркнуть / прогаркать, лепетать / пролепетать, лопотать / пролопотать, мямлить / промямлить, заикаться / заикнуться / прозаикаться, картавить / прокартавить шамкать / прошамкать, бурчать / пробурчать, шепелявить / прошепелявить, бормотать / пробормотать, гундосить / прогундосить, гнусавить / прогнусавить, басить / пробасить* и др. Обратимся к описанию метонимичных глаголов говорения на основе методологии, позволяющей описывать семантику языковых единиц.

3.2.1. Описание семантики глаголов *бурчать / буркать / буркнуть* в сравнении с глаголами *бормотать / бубнить*

Отобранные более двухсот контекстов с глаголами *бурчать / буркать* индуктивно обобщались и выделялись в группы с похожим, однотипным значением с фиксацией дифференциального признака. Как упоминалось выше, описания значений анализируемых единиц в словарях оказывается недостаточно для того, чтобы сформулировать гипотезу о характере различий в значениях выбранных глаголов, ср. глаголы *бурчать / буркать* – *говорить невнятно, отрывисто, ворчать, бормотать*, которые определяются через синонимичный глагол *бормотать*. Однако, несмотря на некоторую семантическую общность данных глаголов, позволяющую в ряде случаев осуществлять замену в высказывании одной лексической единицы на другую, существуют признаки, разграничивающие значения данных предикатов.

При изучении валентности обнаружено, что глагол *бурчать*, как и большинство других глаголов говорения в форме НСВ, сочетается с фазовыми

глаголами, ср.: *начал / продолжил / перестал бурчать*, где реализуется стадийный признак, выражающийся в контролируемости действия на разных этапах. Анализируемый глагол также активно сочетается с наречиями, описывающими характеристики процесса говорения (*тихо, громко, монотонно, холодно, сердито, злобно* и др.), и с деепричастиями, репрезентирующими акт говорения (*оправдываясь, заикаясь* и др.).

При рассмотрении «отрицательного языкового материала» обнаруживается, что глаголы *бурчат / буркать* не могут сообщать о способности / неспособности субъекта речи говорить на каком-либо языке, ср.: *по-русски едва *бурчит / буркает; *бурчит / буркает по-немецки* и др., однако допустимы высказывания *по-русски едва буркнет; буркнет по-немецки*, где глагол в форме СВ акцентирует скорее эмоциональную сторону высказывания (недовольно, сердито), а не способность говорить на русском языке.

Кроме того, информанты отметили как неприемлемые / на грани приемлемости случаи неконтролируемого процесса говорения, ср.: *?бурчат / буркать во сне; *бурчат / буркать в бреду*, хотя поиск выражения *бурчал(а) во сне* в Google находит свыше 500 совпадений, а выражение *бурчал(а) в бреду* – 5 вхождений, что в первом случае говорит о допустимости такого употребления, тогда как во втором – о неприемлемости.

Глаголы *бурчат / буркать* не могут репрезентировать ситуации, когда кто-то монотонно и однообразно говорит с целью заучить / выучить что-либо, ср.: **бурчал / буркал речь; *бурчал / *буркал стихотворение*, что подтверждается статистическими данными и ответами информантов.

В связи с тем, что обычно глаголы *бурчат / буркать* имеют негативную, неодобрительную окраску, ср., например, *злобно / сердито бурчат (буркать)*, также не совсем приемлемы, по мнению информантов, высказывания, описывающие ярко выраженные положительные эмоции, проявляемые субъектом речи, ср.: *?радостно бурчал(а) / буркал(а); *восхищенно бурчал(а) / буркал(а); *бурчал(а) / буркал(а) от удовольствия* и др. Запросы в поисковых системах подтвердили эту гипотезу, так *радостно бурчал(а)* получило 29 (10) результатов, а *радостно буркал(а)* – ни одного совпадения; *восхищенно бурчал(а)* – 9 (2) вхождения, *восхищенно буркал(а)* – ни одного вхождения; *бурчал(а) от*

удовольствия и бурчал(а) от удовольствия также не получают совпадений при когнитивной интерпретации акта говорения (допустимо метафорическое значение *желудок бурчал от удовольствия* по аналогии с глаголом *урчал*). Однако отметим, что, в свою очередь, глагол *буркнуть* способен сочетаться с наречиями, описывающими положительные эмоции, типа *радостно* (650 совпадений), *удовлетворенно* (4070 совпадений), ср.: *радостно / удовлетворенно буркнул(а)*.

Таким образом, на основе анализа контекстов и полученного «отрицательного языкового материала» выдвигается гипотеза о различиях в семантике анализируемых глаголов говорения.

Глагол *бурчать* сообщает о манере говорения субъекта речи с точки зрения отчетливости произношения, эмоционального компонента и т.д., ср.: *Он что-то пробурчал аптекарше, сунул десятку и несколько монет, получил пузырёк и таблетки, убежал* (Д. Драгунский. Народная дурь // «Частный корреспондент», 2010), где глагол *бурчать* вносит информацию о том, что субъект речи *говорит тихо, невнятно и недовольно; бормочет*. Ср. отмеченное информантами как допустимое, но вносящее иную информацию: *Он что-то пробормотал аптекарше* или *Он что-то пробубнил аптекарше* (отсутствует указание на сердитость / недовольство говорящего). Ср. также *Кто тебя просил лезть... – бурчит Хромой Батор* (Г. Башкуев. Маленькая война // «Сибирские огни», 2013), где глагол *бурчит* репрезентирует акт говорения и характеризует речь героя как *тихую, невнятную и недовольную*.

Глагол *бурчать* привносит представления о настроении говорящего, ср.: *И заключённые бурчали, что вот завтра воскресенье, а прогулки от начальства не добьёшься* (А. Солженицын. В круге первом, 1968), где глагол *бурчать* вносит информацию о том, что субъект речи *говорит тихо, раздраженно, обиженно или сердито, выражая свое недовольство*. Ср. также использование глаголов *бурчать / пробурчать* при прямой речи и в диалогах: *Иди вниз, – приказала она Але. – Ну вот...– пробурчала девочка. – То вниз, то вверх...* (Т. Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002), где глагол *пробурчала* репрезентирует акт говорения и указывает, что говорящий *тихо говорит, ворчит и бормочет, выражая свое недовольство*.

Глаголы *бурчать / пробурчать* в метафорическом значении относятся не к

речи человека, а к звукам, издаваемым объектами живого или предметного мира, ср.: *Размякло нутро, бурчит желудок, на глазах пена* (С. Шаргунов. Ура!, 2003) или *Вода в ванне что-то недовольно пробурчала* им *вдогонку, собираясь вокруг хромированной дырки в просторный водоворот* (С. Болмат. Сами по себе, 1999), где глаголы *бурчат* / *пробурчат* образуют метафорические переносы ‘говорить невнятно, недовольно ворчать’ => ‘урчать; издавать бурлящие, клокочущие звуки’. В количественном выражении это значение получает более 2000 вхождений в поисковых системах.

Иногда глаголы *бурчат* / *пробурчат* используются для создания образности в художественном тексте, ср., например, *На кухне пело и бурчал* *настенное радио* (С. Шаргунов. Чародей, 2008), где глагол *бурчал* метафорически репрезентирует звуки, издаваемые радиоприемником, сравнивая их с человеческой речью. Ср. также *бормотало* / *бубнило* / *лепетало радио*, в основе которых лежит аналогичный метафорический перенос.

Таким образом, глагол *бурчат* обозначает *тихо, невнятно и недовольно артикулировать; говорить раздраженно, обиженно или сердито, выражая свое неудовольствие (=ворчать); урчать, издавать бурлящие, клокочущие звуки (о живых существах, механизмах или явлениях природы)*.

Глаголы *буркать* / *буркнуть* обозначают *артикулировать невнятно и отрывисто (часто недовольно и сердито), выражая негативное отношение субъекта речи*.

Далее рассмотрим другие пары метонимичных глаголов, а также отдельные глаголы, репрезентирующие акт говорения. При этом не будем останавливаться на детальной процедуре описания значения глагола (см. главу 2) и заострим внимание на описании выделенных нами различий в семантике метонимичных глаголов говорения, которые верифицируются с помощью ответов информантов в ходе семантического эксперимента и точечных запросов в поисковые системы.

3.2.2. Описание семантики глаголов *гнусавить* / *гундосить*

На примере репрезентативной выборки в двести высказываний рассмотрим пару глаголов *гнусавить* и *гундосить*, которые вносят информацию о манере говорения, характеризующейся специфическим носовым произношением.

Так глагол **гну́савить** обычно указывает на наличие речевого дефекта у говорящего (врожденного или приобретенного), в результате которого он говорит гнусаво (в нос, с носовым призвуком), ср.: *Адвокат вытащил из ноздрей тампоны и задумчиво их осмотрел. Говорить ему после этого стало легче, по крайней мере он перестал гну́савить* (Н. Васина. Алые паруса бабушки Ассоль, 2009), где глагол **гну́савить** репрезентирует акт говорения с неприятным носовым призвуком. Ср. также *При этом он заметно гну́савил и нехило подшепелявливал* (М. Серова, Карнавальная ночь, 2016), где глаголы **гну́савил** и **подшепелявливал** вносят информацию о речевых дефектах, без описания самого процесса говорения. Ср. отмеченные информантами как возможные замены *по крайней мере он перестал гундосить* и *он заметно гундосил и нехило подшепелявливал*, схожим образом вносящие информацию о речевом дефекте у говорящего, при котором он говорит в нос, с носовым призвуком. В количественном отношении словосочетания типа *он гундосит* и *он гну́савит*, описывающие речевой дефект говорящего, при точечном запросе в поисковой системе Google получают 1820 и 2590 вхождений соответственно, что указывает на их частотное употребление.

Глагол **гну́савить** также может описывать специфическое пение: *Терпеливые буйволы крутят эти водяные колёса, мальчик-погонщик с бичом в руке гну́савит заунывную и пронзительную песню под нескончаемый скрип колёс* (К. Дерош-Ноблькур. Тутанхамон. Сын Осириса, 2010), где глагол **гну́савит** описывает особенность произношения звуков и обозначает *петь с носовым призвуком*. Ср. также возможное *гундосит заунывную и пронзительную песню*. В ходе выборочных запросов в поисковые системы эти данные были подтверждены, поскольку установлено, что замены типа *гну́савит / гну́савил / гну́савила песню* и *гундосит / гундосил / гундосила песню* довольно частотны и получают для глагола **гну́савить** в количественном отношении 41 000 / 64 400 / 51 500 вхождений, тогда как для глагола **гундосить** – 55 000 / 58 200 / 37 600 вхождений соответственно, практически в равной пропорции.

Метонимичный глагол **гну́савить** часто используется для введения прямой речи или в диалогах, характеризуя речевой портрет говорящего, ср.: *Лицо его искажилось от ужаса. – Еще, еще, – гну́савил король. – Еще разок!* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, Трудно быть богом, 1963), где глагол **гну́савил** описывает речь

героя как гнусавую, с носовым признаком. Ср. также *Рад видеть вас, инспектор, – прогнусавил он* (П. Вудхаус. Золотце ты наше. Джим с Пиккадилли. Даровые деньги (сборник), 2013), где глагол *прогнусавил* вносит информацию об акте говорения, при котором субъект речи говорит монотонно, с неприятным носовым звучанием («гнусавость» говорящего специально представлена в тексте графически). Ср. также *Еще, еще, – гундосил король* или *Рад видеть вас, инспектор, – прогундосил он*, которые, по оценке информантов, схожим образом репрезентируют акт говорения и вносят о нем сходную, хотя и не тождественную информацию.

Исследуемый глагол может вносить информацию о манере говорения, характере произношения, свойственного, например, французскому языку: *Известно, что французы слегка гнусавят* (И. Каюкова Жди меня, Париж!, 2017), где глагол *гнусавят* характеризует произношение с гортанным, носовым призвуком. Ср. также *Бабушка отчаянно грассировала и гнусавила, стараясь добавить в слова французский акцент, и вместо «г» у нее получалось хрипящее «ххрр»* (Л. Челюканова. Катерина идет играть. Со временем, 2018). Ср. отмеченные информантами как не совсем приемлемые *Известно, что французы слегка ?гундосят* или *Бабушка грассировала и ?гундосила* – о манере произношения. Поисковые системы также подтверждают этот факт, поскольку в количественном отношении более употребителен вариант *гнусавить* или деепричастие *гнусавя* (более 55 000 употреблений), хотя в разговорной речи допускается и вариант *гундосить* или деепричастие *гундося* (около 20 000 употреблений).

В переносном значении (чаще авторские метафоры) глагол *гнусавить* описывает монотонные звуки, издаваемые мошкой, комарами, предметами или механизмами, музыкальными инструментами и т.д., ср., например, *Альт гораздо глуше скрипки, звучание его направлено как бы внутрь себя, слабее резонирует, даже гнусавит* (Ю. Башмет. Вокзал мечты, 2003), где глагол *гнусавит* характеризует игру на музыкальном инструменте и образует метафорический перенос ‘говорить гнусаво, иметь неприятный носовой призвук => звучать, издавать гнусавые звуки’. Ср. также *Пусть в тех окопах, где находился до того солдат, было сыро и грязно, пусть в воздухе день-деньской гнусавили комары и слышалась болотная испарина, и выли бомбы, и рвались снаряды – пусть!* (М.

Гроссман. Засада. Двойное дно, 2011), где глагол *гнусавили* репрезентирует звуки, издаваемые мошкой, комарами. (В русском языке существует деривационно соотносимое существительное *гнус*, собирательно описывающее надоедливо звучащих агрессивных насекомых.). Ср. с глаголом *гундосить*, который используется в схожих контекстах (см. ниже).

Перейдем к глаголу *гундосить*, который описывается как *‘говорить, произносить или петь в нос в результате дефекта речи либо намеренно’*, ср.: *Существо сильно гундосило и проглатывало окончания* (О. Овчинников, Трижды инициированная, 2000), где глагол *гундосило* вносит информацию о говорении с ярко выраженным носовым призвуком в результате дефекта речевого аппарата. Ср. ситуации, когда глагол *гнусавить* также акцентирует носовое произношение: *Существо сильно гнусавило и проглатывало окончания*.

При прямой речи или в диалогах глагол *гундосить* проявляет признак, вносящий информацию об особой манере говорения, характеризующейся дефектным произношением, ср.: *Да-а?!.. Вон она-а!.. – придурковато гундосил старший вакуумщик и, шаркая, уходил в свой угол* (А. Солженицын. В круге первом, 1968), где глагол *гундосить* описывает ситуацию, когда кто-то говорит в нос, гнусаво в результате дефекта речи. Ср. также *Тутудашеф... – гундосит на зажатых ноздрях стиснутый* (Ас. Эппель. Худо тут, 1990–2000), где глагол *гундосит* репрезентирует акт говорения и характеризует речь как гнусавую, с носовым призвуком (представлено в тексте графически).

В следующем высказывании глагол *гундосить* актуализирует информацию о том, что субъект речи *говорит монотонно, неразборчиво, нудно и неинтересно; бубнит*, ср.: *Ему не хватает слушателей, он долго гундосил какую-то теорию, объясняющую все человеческие несчастья* (С. Сэ. Ева, 2010). Ср. также *Буддист долго не пил, а всё гундосил свою тибетскую молитву* (Б. Сергей, «Выжать всё!» // «Труд-7», 2007), где акцентируется внимание на *монотонности и неразборчивости речи (возможно с носовым призвуком)*. Ср. не совсем приемлемое *?гнусавит какую-то теорию и ?гнусавит свою тибетскую молитву*, где акцентируется звуковая сторона высказывания (говорит гнусаво, с носовым призвуком).

Глагол *гундосить* может также описывать ситуации, когда субъект речи *говорит монотонно, плаксиво и недовольно, жалуется*, ср.: *Когда он бывает в*

рубке, то постоянно всем недоволен, гундосит про маленький оклад, нехватку денег, плохую погоду на другой стороне галактики (В. Тимонин. Йо-хо... Хо!. Истории капитана Вержбински, 2017). Ср. отмеченное информантами как не совсем приемлемое *?гнусавит про маленький оклад*, вносящее информацию лишь о звуковой стороне высказывания (нет указания на то, что субъект речи недоволен, жалуется).

В метафоричном значении глагол *гундосить* (как и глагол *гнусавить*) описывает звуки, издаваемые мошкой, комарами, животными, механизмами, музыкальными инструментами, причем чаще всего образует авторские метафоры, ср.: *Где-то над ухом по-прежнему гундосил комар* (М. Барановский. Форточка с видом на одиночество, 2018). Ср. также *И сам голос тоже удалялся, и выросли те звуки, что несла в дом улица, уже весело гундосила гармошка, девчата визжали с отчаянностью...* (В. Липатов. Деревенский детектив / Лосиная кость, 1967–1968), где глагол *гундосила* образует метафорический перенос ‘говорить гнусаво => издавать монотонные гнусавые звуки’. Ср. также *Там, на кухне, газовая колонка и дребезжащий холодильник, радиоточка едва слышно гундосит на стене...* (И. Пронин. Полный стакан, 2006), где используется метафорический перенос ‘голос человека => звук из динамика радиоприемника’.

Таким образом, глагол *гнусавить* обозначает *говорить / произносить / петь в нос в результате речевого дефекта либо намеренно (о голосе); говорить на французский манер (отчасти грассировать или картавить); издавать гнусавые (низкие, монотонные) звуки (о насекомых, музыкальных инструментах и др.)*.

Глагол *гундосить* обозначает *говорить / произносить / петь в нос в результате речевого дефекта либо намеренно (о человеке или голосе); говорить монотонно, неразборчиво, нудно и неинтересно (=бубнить); говорить монотонно, плаксиво и недовольно (=жаловаться); издавать низкие, монотонные, гнусавые звуки (о насекомых, музыкальных инструментах и др.)*.

3.2.3. Описание семантики глагола *мямлить*

Анализ 110 высказываний с глаголом *мямлить* позволил установить, что данный глагол вносит информацию о нечетком произношении говорящим отдельных слов и предложений, ср.: *Она глядит на него и что-то перебирает запавшими губами, мямлит, но слов не разобрать* (Ordinamenti (2004) // «Экран и

сцена», 2004) или *Основной докладчик все продолжал **мямлить** себе под нос что-то о новейших разработках в области охранных технологий* (М. Милованов. Кафе «Зоопарк», 2000), где глагол **мямлить** описывает речь говорящего как *невнятную или нечеткую, бессвязную, медленную, со слабой артикуляцией*.

Частотны метонимичные употребления глагола **мямлить** для введения прямой речи или в диалогах, ср.: *Но ведь надо поддержать... поговорить... успокоить... – начала **мямлить** тетя Тамара* (М. Трауб. Приживалка, 2009), где глагол **мямлить** репрезентирует акт говорения и вносит информацию о том, что субъект речи *говорит медленно, нерешительно, нечетко или неясно произнося слова*. Ср. также *Вот... Бумаг собралось – жечь надо, если... – **проямлил** Козлов, кисло глядя на Мальцева: ведь он уже чист, что еще?* (А. Терехов. Мемуары срочной службы, 1991), где глагол **проямлил** характеризует речь как *невнятную, бессвязную, медленную*.

В ряде случаев глагол **мямлить** выступает метафорическим репрезентантом сопутствующего действия, при котором субъект действует нерешительно, медлительно, что выражается не только в слабой артикуляции, но и в других видах деятельности, ср.: *Ты **мямлишь**, как витязь на распутье: пойдешь направо – глайдер потеряешь, пойдешь налево – голову потеряешь...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Попытка к бегству, 1962), где глагол **мямлишь** обозначает *действовать нерешительно, медлить* и образован метафорическим переносом. Ср. также *Нет ещё, не сказал... – Так чего же ты **мямлишь**? Завтра же предложи им!* (М. Горький. Жизнь ненужного человека, 1908), где глагол **мямлишь** выступает в схожем значении.

Кроме того, глагол **мямлить** может вносить информацию о том, что говорящий находится в слабой / подчиненной коммуникативной позиции, ср.: *Петя смущенно **проямлил** – Аська, извини, я никак... давай без меня... видишь, что творится – Стеклов бесится, грозитя поубивать, за лето все пришло в запустение, а у нас, между прочим, еще в мае прорыв наметился, почти открыли, но повторить не можем* (Е. Завершнева. Высотка, 2012), где глагол **проямлил** обозначает акт говорения и указывает на то, что субъект речи *говорит медленно, невнятно и нечетко в связи со слабой артикуляцией*. Ср. также *Я просто не знал... Я просто... – Хватит **мямлить**! – отрезала она* (И. Наумов. Гарлем – Детройт,

2007), где подчиненная позиция субъекта речи определяется тем, что глагол **мямлить** характеризует речь как *невнятную или нечеткую, бессвязную, медленную, вялую, со слабой артикуляцией*, и действия говорящего как *нерешительные, медлительные*, маркирует коммуникативную позицию говорящего, как слабую, незначительную, которой можно пренебречь. Таким образом, содержание речи как, казалось бы, самый релевантный компонент высказывания обозначается как, напротив, нерелевантный (ср. с глаголом *лепетать*, вносящим схожую информацию).

Итак, глагол **мямлить** обозначает *говорить медленно, нерешительно, невнятно или нечетко произносить слова, вяло, слабо артикулировать; медлить, мешкать, действовать нерешительно, находясь в слабой коммуникативной позиции*.

3.2.4. Описание семантики глаголов *картавить / грассировать*

В ходе анализа случайной выборки из 200 высказываний с глаголами **картавить** и **грассировать** выделено несколько значений рассматриваемых глаголов, репрезентирующих акт говорения.

Глагол **картавить** репрезентирует акт говорения, характеризующийся наличием речевого дефекта, в результате которого субъект речи неправильно, нечисто произносит некоторые звуки (чаще всего [р] или [л]), ср.: *Мотогг! (Он сильно картавил)* При этом был невероятно напряжен и, казалось, всем своим существом участвовал в том действии, которое происходит в кадре (Л. Смирнова. Моя любовь, 1997), где глагол **картавил** вносит информацию о дефектном произношении; или: *Хотя ни сам Сёма, ни Захар – не картавили оба* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы, 2008–2009), где глагол **не картавили** сообщает о чистом / четком произношении звуков [р] или [л]. Ср. отмеченное информантами как неприемлемое **он сильно грассировал* и **Хотя ни сам Сёма, ни Захар не грассировали оба*. Однако анализ запросов в поисковых системах показал возможность подобных замен (*сильно грассировал* – 360 вхождений, тогда как *сильно картавил* – 3900 случаев), что говорит о взаимозаменяемости глаголов в определенных контекстах, но при этом о внесении ими разной информации ('говорить с речевым дефектом' и 'намеренно подражать произношению').

При описании прямой речи глагол *картавить* часто вносит информацию о дефектном произношении и графически, либо с помощью контекста репрезентирует картавость субъекта речи, ср.: *Пгрелесть! – прокартавил Гольдман и зачмокал губами. Чернов хихикнул, думая, что тот шутит* (С. Юрский. Чернов, 1972–1978). Ср. также – *Боже мой, какой «угод», – она очень смешно картавила* (С. Спивакова. Не всё, 2002). Ср. приемлемое также, но вносящее немного другую информацию ?*грассировал Гольдман* или ?*она очень смешно грассировала*, репрезентирующую сознательно воспроизводимую манеру говорения (произносить звук [р] картаво, на французский манер).

В связи с тем, что глагол *картавить* репрезентирует акт говорения со специфическим произношением звука «р», он вместе со словами, вносящими дополнительную контекстуальную информацию, может использоваться для описания французской речи (говорить на французском языке / подражать французскому произношению), ср.: *Молодой, изящный, с онегинскими бачками и оловянным взглядом. Он чуть-чуть картавит на французский манер. По-видимому, думает, что ему идет* (В. Некрасов. В окопах Сталинграда, 1946). Таким образом, в этом значении глагол *картавил* очень близок глаголу *грассировал*, что проявляется в их способности употребляться в схожих контекстах и взаимозаменяемости в контексте. Ср., например, *А сам он был красавец, высокого роста, то, что мы называем «голубая кровь», и даже картавил как-то по-дворянски* (Ю. Башмет. Вокзал мечты, 2003), где глагол *картавил* и наречие *по-дворянски* репрезентирует акт говорения, внося информацию о статусе и принадлежности говорящего к определенной социальной группе (дворянскому сословию), которой было свойственно владение французским языком, как доминирующим языком в политической и социальной сфере. Ср. также допустимое *по-дворянски грассировал*, вносящее схожую информацию об акте речи. Однако запросы в Google показали (более 500 вхождений), что подобных предложений не так много, поскольку семантика глагола *грассировать* уже подразумевает наличие контролируемости действия и/или принадлежности говорящего к определенной социальной группе или национальности (см. об этом ниже).

Ср. также высказывание, где оба глагола используются в одном предложении, дополняя значения друг друга и характеризуя – несколько по-

разному – речевой портрет говорящего: *Подпоручик старательно **грассировал**, но иногда забывался и говорил вполне правильно, поскольку **картавил** только для шика* (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 1, 1988), где глагол **картавил** (как и глагол **грассировал**) репрезентирует акт говорения и способность субъекта речи говорить на французском языке, подражать произношению, тем самым описывая не только манеру и звуковую сторону речи, но и содержательную.

Как упоминалось ранее, глагол **грассировать** вносит информацию об акте говорения, в результате которого субъект речи произносит звук [р] подобно его произношению во французском языке, ср.: *Она умело **грассировала**, не напрягаясь и не стараясь, а легко и беспечно, как это умеют делать лишь ничем не озабоченные дети* (Л. Райт, Когда осыпается яблонев цвет, 2014). Ср. также *Он одновременно **грассировал** и **по-волжски окал**. Так бы мог говорить Горький-Ленин, если б был одним человеком. Как?..* (Д. Рубина. Камера наезжает, 1993–1994), где глагол **грассировал** и глагол **окал** с наречием **по-волжски** вносят информацию, отражающую этнолингвистическую составляющую, которая сообщает информацию о месте жительства или рождения говорящего. Ср. также вносящее немного иную информацию: *Он одновременно **картавил** и **по-волжски окал***, где на первое место выходит наличие речевого дефекта, а не манера произношения или территориально обусловленные особенности произношения.

Отметим также, что глагол **грассировать** вносит информацию о контролируемости действия (сознательное произношение звука [р] на французский манер) и может без дополнительного контекста сообщать о том, что говорящий относится к определенной социальной группе (дворянскому сословию) или национальности, ср.: *Приветствую вас у себя, дорогие гости – **грассировал «барин»**, обращаясь к К.С. Станиславскому и обводя глазами других* (В. Гиляровский. Люди театра, 1932–1935). Ср. не совсем приемлемое *?картавил барин, обращаясь к К.С. Станиславскому*, вносящее в предложении иной смысл (говорил с речевым дефектом).

Таким образом, глагол **картавить** обозначает *говорить / произносить звуки [р] или [л] неправильно, нечисто, с речевым дефектом (намеренно или бессознательно); говорить на французский манер, подражая французскому произношению звука [р]*.

Глагол *грассировать* обозначает *говорить / произносить звук [p] подобно его произношению во французском языке (с гортанным призвуком), контролируя процесс говорения (сознательно)*.

3.2.5. Описание семантики глаголов *шамкать / шепелявить*

Анализ выборки с глаголами *шамкать* и *шепелявить* позволил сделать выводы о различиях в значениях этих предикатов и дополнить их лексикографические описания. Так, глагол *шамкать* сообщает о речевом дефекте говорящего, в результате которого он говорит *невнятно, с шепелявостью (обычно из-за отсутствия зубов), «по-стариковски»*, ср. *Большая часть его зубов была утрачена, и он шамкал, когда говорил, но это не имело значения: я всё равно не понимал ни слова* (Т. Северин. Меч Роланда, 2012). Ср. также *В этот день он даже шамкал и мямлил меньше, чем обычно!* (Л. Кассиль. Конduit и Швамброния, 1928–1931), где глаголы *шамкал* и *мямлил* используются для описания речевого портрета говорящего (*говорит ненятно, монотонно, медленно, вяло, слабо артикулирует*).

Глагол *шамкать* используется при введении прямой речи, в диалогах, ср.: *Казачи, – шамкала беззубо старуха Бауман, качая головой, закутанной в пуховый платок, – это такие люди, что ой* (В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000), где глагол *шамкала* репрезентирует речь пожилого человека. Ср. приемлемое *?шепелявила беззубо старуха*, вносящее схожую информацию о речевом портрете говорящего. Ср. также *Я што, я ничаво, – чуть шамкала старушка, лежа, как ее научили, в позе мертвой* (Ю. Мамлеев. Прыжок в гроб, 1997), где глагол *шамкала* характеризует акт говорения и вносит информацию о речи героя, как *невнятной, «стариковской»* (что представлено в тексте графически). Или аналогичный пример, *Курить фто е? – прошамкал тот. – Не курю, отец...* (В. Доценко. Срок для Бешеного, 1993).

В ходе выборочных запросов в поисковые системы установлено, что подобные замены являются приемлемыми, поскольку сочетания типа *шепелявила старуха / шамкала старуха* довольно частотны и получают 28 400 и 95 600 вхождений соответственно. Безусловно, вариант с глаголом *шамкал* более предпочтителен, так как характеризует речь именно пожилых людей (при полном отсутствии зубов), тогда как глагол *шепелявил*, внося информацию о манере речи,

характеризует речь любых возрастных групп.

В некоторых случаях можно наблюдать метонимические переносы не только в значении глагола, но и в значении связанного с ним существительного. Причем сдвиг в значении как глагола, так и существительного осуществляется на основе неслучайной связи (*шамкать => говорить шамкая*, т.е. с шепелявостью, невнятно и *челюсть => рот*), ср.: *И весь вечер тетка хитренько улыбалась и шамкала неудачно посаженной челюстью: «Мне не бластится?»* (М. Вишневецкая. *Есть ли кофе после смерти?*, 1999), где глагол *шамкала* с дополнением *челюстью* репрезентирует речь героя, характеризующуюся шепелявостью, невнятностью (данная особенность представлена в тексте графически). Ср. также *Сейчас тут были! – шамкал губами поп. – Как сейчас?* (М. Салтыков-Щедрин. *История одного города, 1869–1870*), где глагол *шамкала* с дополнением *губами* схожим образом репрезентирует акт говорения и указывает на особенности произношения субъекта речи (губы => рот). Ср., отмеченные информантами как неприемлемые **шепелявил неудачно посаженной челюстью* и **шепелявил губами поп.* Кроме того, в ходе поисковых запросов не найдены примеры с глаголом *шепелявил* в подобном значении, что подтверждает гипотезу о различиях в семантике двух глаголов.

В свою очередь глагол *шепелявить* вносит информацию о врожденном или приобретенном дефекте речевого аппарата, при котором субъект речи *произносит некоторые свистящие звуки подобно шипящим*, ср.: *При этом шепелявил и запинался на каждом слове, особенно если оно было иностранного происхождения* (В. Войнович. *Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000*). Ср. также *Зубы никак не хотели расти. Особенно шепелявил Митек, его братья знали. – Шегодня не вышипался, а как витал, пошмотрел в штоловой, што дают, и вишпотел...* (А. Приставкин. *Ночевала тучка золотая, 1981*), где глагол *шепелявил* репрезентирует акт говорения и указывает на (врожденный?) дефект речи персонажа, когда он произносит звуки [с] и [ч] подобно другим [ш]. Ср. отмеченное информантами как приемлемое *особенно шамкал Митек*, но вносящее информацию о полном отсутствии зубов у говорящего. Однако запросы в Google показали, что случаев употребления глагола *шамкал* с существительными, описывающими речь детей, молодых мужчин или женщин, практически нет (всего

встретилось около 30 употреблений), что указывает на невозможность взаимозамены двух глаголов в этом значении.

Ср. также схожее употребление *Это что, – шепелявил подъячий и, по-видимому, уже давно, – я вот однажды пил вино двойное боярское, так чарку выпьешь и враз с катушек долой!..* (Н. Дежнев. Принцип неопределенности, 2009), где глагол *шепелявил* описывает акт говорения при прямой речи и вносит информацию о наличии речевого дефекта у говорящего.

В метафорическом значении глагол *шепелявить* используется для описания свистящих, шипящих звуков, издаваемых устройствами, природными явлениями, ср., например, *Радио шепелявит последние известия. Кажется, будет конец света* (Г. Башкуев. Маленькая война // «Сибирские огни», 2013), где глагол *шепелявить* образован метафорическим переносом ‘говорить шепеляво => звучать, издавать свистящие, шипящие звуки’. Ср. также *А за стенами шепелявил дождь, булькала в лужах вода.* (Ю. Авдеенко. Ахмедова щель, 1982) или, например, *А снаружи дождь все бормотал что-то, шепелявил в лужах* (Ч. Айтматов. Верблюжий глаз, 1962), где глагол *шепелявил* образован метафорическим переносом ‘говорить шепеляво => издавать тихий шум, шелест’. Ср. невозможные употребления типа **радио шамкает* или **шамкает дождь в лужах*, которые подтверждаются ответами информантов и данными поисковых систем.

Таким образом, глагол *шамкать* обозначает *говорить с речевым дефектом – «по-стариковски» (обычно из-за отсутствия зубов), т.е. невнятно, нечетко, иногда с шепелявостью.*

Глагол *шепелявить* обозначает *нечисто говорить / произносить свистящие звуки как шипящие (обычно из-за частичного отсутствия зубов); издавать свистящие, шипящие звуки (о механизмах, явлениях природы).*

3.2.6. Описание семантики глагола *гаркать*

Отобранная произвольная выборка из 100 контекстов с глаголом *гаркать* позволила выделить несколько признаков в значении исследуемой языковой единицы, репрезентирующих акт говорения. Так, глагол *гаркать* может описывать манеру речи, характеризующуюся резким, отрывистым звучанием, ср.: *Трактор подполз и остановился, но не затих, что-то в нем возмущенно подвывало, и сквозь*

этот шум водитель **прогаркал** хозяину свое приветствие (Г. Владимов. Верный Руслан, (1963–1965), где глагол **прогаркал** вносит информацию о том, что субъект речи *говорит громко, отрывисто (резко) / кричит*.

Значение глагола позволяет ему использоваться для описания ситуаций, когда говорящий *внезапно, громко и отрывисто кричит / пугает*, ср.: *И он (Михал Михалыч) выжидательно преникал к стеклу, звенел окном и страшно гаркал, когда замечал ворону вблизи голубей...* (С. Шаргунов. Ура!, 2003). Ср. также *Едва миновав ворота, он гаркнул на своих приспешников, послышался лязг цепей и скрип древесины, и мост начал мало-помалу подниматься* (К. Саймак, Братство талисмана, 2007), где глагол **гаркнул** вносит информацию о том, что говорящий *внезапно, громко, грубо и резко кричит на кого-либо*, причем содержательная составляющая отходит на второй план. Таким образом, данный глагол вносит информацию об акте «говорения», направленном на кого-либо (ср. с глаголами – *мямлить, грассировать, лепетать* и др.).

При описании прямой речи или в диалогах глагол **гаркать** схожим образом репрезентирует акт говорения, ср. *И вдруг гаркнул: – Отставить глупые разговоры!* (Г. Неделько. Снова сделай... мне смешно!, 2018), где глагол **гаркнул** вводит информацию о доминирующей коммуникативной позиции говорящего, при которой кто-то *отрывисто, громко и грубо говорит / кричит*. Ср. также *Эт-то что... Старпом каменеет лицом и гаркает боцману: – Это что?!* (М. Веллер. Легенда о морском параде, 1993), где глагол **гаркать** сообщает о сопутствующем говорению сильном возмущении, негодовании и удивлении говорящего.

В метафорическом значении глагол **гаркать** используется для описания звуков, издаваемых птицами (воронами, галками), например, *Иссиня-черная ворона гаркает над нашими головами: – Прра!..* (А. Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги, 1956–1960) или *Чёрная галка сорвалась с кривой ветки совсем рядом и, обсыпав стеклянными снежинками, гаркнула во всё горло так, что зазвенела округа* (W. Wheelerson. Медин, 2015), где глагол **гаркнула** образован метафорическим переносом ‘*кричать / издавать резкие отрывистые звуки => кричать, издавать звуки, похожие на «кар»*’.

Однако, как показали запросы в поисковых системах, подобные метафоры нечастотны (по результатам поиска словосочетаний типа *ворона (галка) гаркала /*

гаркает всего около 100 случаев), возможно использование глагола *гаркать* в подобных случаях является авторской метафорой и не закреплено в языке. Как представляется, этому способствует наличие фонетически сходного глагола *каркать*, который используется для описания звуков, издаваемых некоторыми птицами семейства врановых.

Таким образом, глагол *гаркать* обозначает *говорить / кричать громко, отрывисто (резко); кричать внезапно, громко, грубо и резко на кого-либо / пугать, подавляя коммуникативную позицию слушающего; кричать / издавать звуки похожие на «кар» (о некоторых птицах).*

3.2.7. Описание семантики глагола *заикаться / заикнуться*

В ходе анализа случайной выборки из 100 контекстов с глаголами *заикаться / заикнуться* выделено несколько значений, одно из которых метонимически репрезентирует акт говорения. В прямом значении глагол указывает на наличие речевого дефекта у говорящего, без описания самой речи, ср.: *Сына я нашел у чужих людей, няня увезла его в деревню. Он заикался, боялся темноты. Стали жить с ним вдвоем* (Время second-hand // «Дружба народов», 2013), где глагол *заикался* вносит информацию том, что субъект речи страдает заиканием, запинаясь, говорит с затруднением, непроизвольно повторяет одни и те же звуки (обычно из-за волнения, страха, испуга и проч.). Ср. также «Отец ее был счастлив, – говорит, – даже *заикался* от радости (Н. Радулова. «Надо брать!» // «Огонек», 2013), где глагол *заикался* используется в схожем значении.

Глаголы *заикаться / заикнуться* могут использоваться в переносном значении, при котором вносят информацию не о дефекте речевого аппарата, а характеризуют речевое поведение говорящего, ср.: *Если мама что-то решит, то про свое «время» и про «подумать» можешь даже не заикаться*, – тихо сказала Карамелька (Д. Сабитова. Цирк в шкатулке, 2007), где глагол *заикаться* обозначает *упомянуть в речи что-либо осторожно или намеками / заговорить о чем-либо*. Ср. также *Правительство уже не заикается о повышении пенсионного возраста, зато явно хочет урезать сами пенсии* (А. Храмухин. Пенсионеры грядущих эпох // «Русская жизнь», 2012), где глагол *заикаться* используется в значении *осторожно, несмело заговаривать о чем-нибудь, намекать, упоминать вскользь*, скорее характеризую речевую стратегию, а не акт говорения.

В еще одном значении глагол **заикнулся** вводит информацию о действии говорящего, который начал говорить, но внезапно остановился, запнулся на полуслове, ср.: *Он хотел что-то отвечать и, по обычаю, заикнулся, и, стоя предо мной, только производил неприятное трещание горлом.* (А. Скабичевский, Николай Добролюбов. Его жизнь и литературная деятельность, 2015). Здесь речь скорее не о реализации, а о прекращении действия.

Глагол **заикаться** также используется в диалогах или при передаче прямой речи для того, чтобы вводить реплики персонажей и описывать специфическую манеру речи, характеризующуюся наличием речевого дефекта, ср.: *Кто? – прозаикалась я. – Вован и Марина Степановна* (Д. Донцова. Микстура от косоглазия, 2003), где глагол **прозаикалась** репрезентирует акт говорения, вводя реплику субъекта речи, и обозначает *говорить с затруднением, запинаясь, непроизвольно повторяя одни и те же звуки.*

Еще одной особенностью глагола **заикаться** является то, что данный предикат часто используется в качестве обозначения сопутствующего уточняющего обстоятельства, дополняя глагол действия или говорения, тем самым внося дополнительную информацию в речевой портрет говорящего, ср., например, *Н-наверное, – неуверенным шепотом, слегка заикаясь, отозвался второй* (В. Валеева. Скорая помощь, 2002), где глагол **отозвался** с деепричастием **заикаясь** репрезентирует акт говорения и указывает на дефект речи у говорящего, в результате которого он *отвечает на реплику, заикаясь, с затруднением, непроизвольно повторяя одни и те же звуки* (что представлено в тексте графически).

Ср. также *Н-наверное, н-на куски... – заикаясь, добавил он. Мичкин молча стащил с могилы пыж и спустил его на воду, выловил плавающее в осоке весло* (А. Иванов. Сердце Пармы, 2000), где глагол **добавил** с деепричастием **заикаясь** вносят информацию о том, что субъект речи отвечает с речевым дефектом, т.е. *запинаясь, повторяя одни и те же звуки.*

Таким образом, глагол **заикаться** обозначает *страдать заиканием, говорить с таким дефектом (о ком-либо в целом); говорить / артикулировать с затруднениями, запинаясь и непроизвольно повторяя одни и те же звуки (конкретно об акте речи); осторожно упоминать или касаться в речи чего-либо*

вскользь, намеком; начав говорить, оборвать речь на полуслове.

3.2.8. Типология основных семантических признаков, лежащих в основе метонимического осмысления акта говорения

В ходе анализа семантики глаголов говорения, способом образования значений которых являются метонимические переносы, с помощью триангуляционного подхода установлено, что переносные значения глаголов говорения образуются по определенным моделям, которые активно участвуют в образовании значений глаголов и эффективно репрезентируют фрейм «говорение». Так, проанализированные глаголы вносят информацию о различных сторонах речи (*наличии / отсутствии речевых дефектов, манере, акустических особенностях, коммуникативной ситуации, субъекте речи* и др.) и содержат в своем значении «дополнительные» параметры (*указание на настроение говорящего, эмоциональную оценку ситуации, слабую / сильную коммуникативную позицию говорящего и / или слушающего, отношение к высказыванию и / или к собеседнику, оценку коммуникативных навыков собеседника* и др.), что в совокупности составляет речевой портрет участников коммуникации.

Проведенное исследование позволило выделить основные группы возможных путей метонимизации глаголов говорения по тому, какие особенности речи они характеризуют (см. также [Чаплин 2019b: 104]). Так, характеристики акта говорения естественным образом распадаются на три группы, согласующиеся с трехчастным подходом к звуковым явлениям, предложенным Ю.С. Масловым, который выделяет три аспекта звуковых явлений: **акустический**, связанный с физическими свойствами звуков; **биологический** (физиологический), связанный с процессами, происходящими в организме при произнесении звуков и при их восприятии (работа органов речи); **лингвистический**, связанный с использованием звуков в языке и их роли в обеспечении его функционирования как средства общения.

Исследование показало также, что в метонимическом переносе активно участвуют прагматические характеристики, которые были нами включены в группу лингвистических, поскольку они репрезентируют аспекты, связанные с внесением в высказывание различной прагматической информации (коммуникативная позиция говорящего и слушающего, контролируемость речи, эмоциональная

составляющая и др.). Сообразно этому метонимичные глаголы говорения могут характеризовать:

1. АКУСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ:

- **громкость / тихость произнесения слов** (*гаркать, галдеть, орать, басить / лепетать, лопотать, бормотать, шептать*);
- **четкость / нечеткость произнесения звуков** (*бубнить, гаркать, чеканить / мямлить, лепетать, лопотать, бормотать*);
- **темп речи** (быстрая / медленная) (*лопотать, тараторить, бормотать; мямлить*);
- **высота произнесения звуков** (низкая / высокая) (*басить / пищать*);

2. БИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ:

- **врожденный / приобретенный дефект речевого аппарата** (*картавить, заикаться, гнусавить; шамкать, шепелявить, гундосить*);
- **наличие / отсутствие ожидаемой преграды для произнесения звуков** (*шамкать, шепелявить, шипеть*);
- **звуковые особенности, присущие только речи** (*акать, окать, цокать, гэкать, сипеть, сюсюкать, картавить, гнусавить*);

3. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ (ПРАГМАТИЧЕСКИЙ) АСПЕКТ:

- **наличие / отсутствие эмоциональной составляющей** (*ахать, ойкать, окать, ухать, бурчать, шипеть*);
- **наличие / отсутствие членимости речевого потока на осмысленные языковые единицы** (речь детей / взрослых / иностранцев) (*лепетать, лопотать, бубнить, бормотать*);
- **подражательная и/или сознательно воспроизводимая манера речи** (*картавить, грассировать, шамкать, шепелявить, гундосить, гнусавить*);
- **наличие / отсутствие контролируемости речи** (*говорить, сказать, гаркать, грассировать / картавить, бубнить, мямлить и др.*);
- **сильная / слабая коммуникативная позиция** (*гаркать / лепетать, мямлить*);
- **специфическая манера речи** (*гундосить, гнусавить, лепетать, лопотать, бормотать, бубнить, бурчать, грассировать*) и др.

Как видно из предложенной типологии, группа метонимичных глаголов говорения не является абсолютно закрытой структурой, глаголы активно взаимодействуют и пересекаются: например, глаголы *картавить*, *заикаться* описываются через свойство репрезентировать как врожденный, так и приобретенный дефект речевого аппарата, глаголы *шамкать*, *шепелявить* – только приобретенный (отсутствие зубов, травма носовой перегородки, насморк и т.д.). Глагол *грассировать* репрезентирует подражательную манеру говорения (т.е. говорить картавя, на французский манер) и не может акцентировать врожденный / приобретенный дефект речевого аппарата. Глагол *бубнить*, *бормотать*, *лепетать*, *лопотать*, *бурчать*, *мямлить*, *гундосить*, *гнусавить* описывают как специфическую манеру речи, так и четкость / нечеткость произнесения отдельных звуков, слов, а также иные, дополнительные параметры артикуляции. Для глаголов *гаркать*, *галдеть*, *орать* значимым является критерий громкости речи, а для глаголов *лепетать*, *лопотать*, *бормотать* – тихости, плавности (наподобие шелеста, шёпота, шороха). Глаголы *шамкать*, *шепелявить*, *шипеть* указывают на отсутствие «ожидаемой» преграды для произнесения звуков и др.

Кроме рассмотренных выше классов значений, практически все метонимичные глаголы говорения способны вносить информацию о сознательно воспроизводимой манере и / или особенности речи говорящего, ср.: *картавить*, *грассировать*, *заикаться*, *гундосить*, *гнусавить*, когда это направлено на то, чтобы, например, передразнить собеседника или для иных целей.

3.3. Особенности семантики и употребления эмоционально-волевых глаголов говорения

Рассмотрим глаголы говорения, обозначающие эмоционально-волевые речевые действия, представляющие особый интерес для исследования когнитивной интерпретации акта говорения в естественном языке. Например, одной из особенностей исследуемых предикатов является отсутствие в их значении указания на маркированность по конкретной эмоции. Это глаголы *ахать* / *ахнуть*, *ойкать* / *ойкнуть*, *охать* / *охнуть*, *ухать* / *ухнуть* и др., образованные от междометий и наименований звуков посредством суффиксов *-ать*, *-нуть*.

Как отмечалось ранее, современные толковые словари русского языка не предлагают исчерпывающего описания семантики этих лексических единиц.

Зачастую в словарях также не указываются уже устоявшиеся метонимические и метафорические значения предикатов; в словарных статьях присутствуют совпадающие фрагменты в толкованиях рассматриваемых предикатов (а также в перечислении выражаемых ими эмоций), ср.: **ахать** – *восклицать «ах», в порыве какого-либо чувства (удивления, печали, сожаления, восхищения и др.)* и **ухать** – *воскликнуть «ух», выражая какое-л. чувство (удивление, восхищение, ужас, боль, усталость и т. п.)* и **охать** – *воскликнуть «ох», выражая какое-л. ощущение, чувство: боль, досаду, испуг, горе, печаль, сетуя, досадуя и т.п.* Ср. подчеркнутые слова, совпадающие в определениях: так можно *ахнуть* и *ухнуть* от удивления и восхищения; *ахнуть* и *охнуть* от печали; *ухнуть* и *охнуть* от боли.

Таким образом, признаки, разграничивающие значения рассматриваемых единиц, остаются по большей части не выявленными, а построение уточненных описаний семантики исследуемых единиц и их способности к репрезентации акта говорения составляет актуальную задачу исследования.

В результате сплошной выборки высказываний с эмоционально-волевыми глаголами говорения из Национального корпуса русского языка, текстов художественной и публицистической литературы, а также в ходе запросов в поисковые системы Google и Yandex отобрано свыше 380 контекстов, в которых исследуемые предикаты использовались в различных видо-временных формах. Далее отобранные высказывания рассматривались на предмет того, в каком из значений (прямом, метонимичном или метафоричном) использовался исследуемый глагол. На следующем шаге каждый из глаголов был проанализирован с целью выявить способность описания им акта говорения в конкретных высказываниях (см. [Чаплин 2020]).

3.3.1. Описание семантики глаголов *ухать*, *ахать*, *охать*, *ойкать*

Так глагол *ухать* имеет несколько значений, в которых в ряде случаев может описываться акт говорения (есть указание на работу речевого аппарата, в результате которой некто произносит междометия *ух*).

1. Говорить *ух* от предвкушения, неожиданности, усилий, усталости, удивления, восхищения и прочих чувств: *Он даже как-то залихватски ухал, когда бил по мячу* (И. Меттер. Накануне, 1979); ср. также *Сегодня утром Фроликов поливал ему на стину, и Бабин просил еще, и ухал под холодной водой, и шлепал*

себя ладонями, веселый, мокрый, живой... (Г. Бакланов. Пядь земли (1959), где глагол **ухал** репрезентирует ситуации, когда говорящий произносит ух (ухает) для выражения эмоций удовольствия, облегчения.

2. Громко вскрикивать, поощряя к совместному труду: *Ухали, ахали, три тысячи человек тянуло Дядю Пуда наверх, три тысячи подмогало им, наконец, подняли* (Н. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки, 1872), где глагол **ухает** репрезентирует ситуацию напряжения усилий, когда кто-то громко и отрывисто вскрикивает **ух** при дружной работе.

3. Издавать звук, похожий на **ух** (о сове, филине, сыче): *Кричали болотные птицы, ухал филин, бурчала под ногами жидкая земля, выпуская пузыри* (А. Иванов. Сердце Пармы, 2000), где глагол **ухал** обозначает крик птицы.

Кроме этого выделяются два частотных метафоричных значения глагола **ухать**, закрепленные в словарях, которые не обозначают акт говорения:

1. Издавать громкий, низкий, резкий звук (об оружии, музыкальном инструменте, устройстве, механизме, человеку). Например, *Где-то далеко, у реки, ухала кузница. Завод лежал перед Дмитрием как задача, которую необходимо решить* (Г.Е. Николаева. Битва в пути); *Трубы взывают во всю мощь, жутко ухаёт огромный барабан, с церковным звуком звякают нездеиные тарелки* (М. Палей. Поминование, 1987); *Где-то справа, сзади методически ухала наша артиллерийская батарея* (К. Строев, Приглашение в школу, 2009); *Сердце ухало так, словно это не наблюдатель, так и оставшийся неизвестным, а он сам был участником давних событий...* (С. Гимадеев, Чувство бездны. Фантастический роман);

2. Падать (ухнуть вниз) *Широкая полоса воды с характерным грохотом ухала куда-то вниз.* (А. Баренберг, Все нормально, падаю! Неравный бой, 2012); *Одно колесо ухаёт в яму, другое на воздух подымается, чемодан на ноги – бух... потом на бок, потом на другой, потом носом вперёд, потом затылком* (М. Булгаков, Морфий (сборник), 2016). Ср. отмеченное информантами как недопустимое: *вода *ахала вниз; колесо *охало в яму; *ойкала вниз, в яму.*

В высказываниях при прямой речи реализуется ряд метонимичных употреблений: ср., *После чего парень корчил огорченную рожу и ухал басом: «А моя Марфута упала с парашюта»* (Б. Можяев. Саня, 1957), где репрезентантом

акта говорения в высказывании выступает метонимичный глагол **ухал** и обстоятельство **басом** – говорить низким, грудным голосом, протягивая гласные звуки, что привносит в текст указание на тембр речи, то есть характеризует внешнюю, звуковую сторону речи. Ср. отмеченное информантами как допустимое: *охал басом, ахал басом* и недопустимое *ойкал басом.

Ср. также высказывания *Держись!.. – ухал в стороне дядя Илья*. (М. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая, 1928–1940) или *Ре-на! – ухал парень-долговяз* (Ю. Коваль. Приключения Васи Куролесова, 1971), где акт говорения описывается глаголом **ухал**, причем необязательно с использованием соответствующего междометия. Ср. допустимое: *охал в стороне, ахал в стороне, ойкал в стороне*.

Среди анализируемого материала выделяется метафорическое употребление – зооморфные метафоры, например, *Вероника ухала совой, а я мяукал как сладострастный кот* (А. Белянин. Свирепый ландграф, 2001), где глаголы **ухать** и **мяукать** репрезентируют ситуации, когда человек подражает сигналам животных с помощью произнесения междометий *ух* и *мяу*. Ср. также *Бабушка Акулина не раз слышала, как он ухаёт по ночам, а одну бабу на покосе лешак совсем было задушил* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. В глуши, 1896), где говорение осуществляет мифическое существо – леший.

Таким образом, **ухать** или издавать ухающие звуки могут как люди, так и животные, а также различные устройства, музыкальные инструменты или явления природы. Кроме того, в значении глагола присутствует идея сопутствующего приложения усилий. (Особо подчеркнем, что релевантным для описания акта говорения являются именно метонимичные и метафоричные употребления глагола **ухать**, позволяющие интерпретировать коммуникативную ситуацию говорения.)

Итак, обобщенное значение глагола **ухать** для репрезентации акта говорения можно сформулировать как: *громко произносить (говорить, петь) междометие ух для выражения различных положительных и отрицательных эмоций (удивления, неожиданности, одобрения, восхищения, ужаса, боли, усилий, усталости, злости и др.); повторять междометие ух для поощрения к совместным усилиям*.

Рассмотрим глагол **ахать** – он чаще всего используется для выражения неожиданности проявления эмоций однократным или многократным произнесением междометия **ах**: *Василиса с Томой ахали над красотой, а Таня с*

матерью только понимающе улыбнулись друг другу (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000); *Снаряд ухнул на берегу рядом со мной, свалил огромное дерево и... не разорвался. Все **ахают** – какая я везучая». В третий раз крупно повезло.* (Э. Поляновский. Ожидание счастья. Дневники и письма военного фельдшера Татьяны Атабек. 1941–1945, 2002), где глагол **ахал** репрезентирует акт говорения и указывает на то, что говорящий испытывает эмоции удивления, радости, зависти.

Или, например: *В народе указывали на них, дивились, **ахали**, ужасались* (А. Н. Толстой. Петр Первый. Книга первая, 1930); *В машине старички **ахали** и удивлялись мягкости хода – до сих пор, небось, только на институтской «волге» ездили* (М. Чулаки. Примус // «Звезда», 2002); *Любопытные опасливо **ахали**, в то время как у приваленной мешками двери распорядился крепкий, серьезный мужчина в холщовом переднике* (М. Дяченко, С. Дяченко. Привратник, 1994), где глагол **ахать** сообщает, что говорящий находится в состоянии удивления, волнения, испуга, страха и т.д.

Глагол **ахать** при описании прямой речи используется в метонимичном значении (причем необязательно с использованием соответствующего междометия), ср.: *Художник?! – **ахаю** я. – Да какой художник, – отмахивается мама* (Д. Рубина. Медная шкатулка (сборник), 2015), где глагол **ахал** сообщает информацию о том, что говорящий испытывает эмоции изумления, удивления (идея внезапности проявления эмоций). Ср. также *Какая несправедливость, – **ахал** Куликов, – почему этот человек не я?* (Е. Сухов. Делу конец – сроку начало, 2007), где глагол **ахал** вносит информацию об акте говорения, сопровождающим сожаление, возмущение, обиду. Ср. также допустимое, но вносящее, по мнению информантов, иной смысл, поскольку в значениях данных глаголов отсутствует сема *неожиданности / внезапности*: *ухаю я; охаю я*. Однако в случае *ойкал Куликов* данная сема эксплицируется.

Глагол **ахать** не используется для метафорического описания акта говорения, однако может репрезентировать действия, выступая в качестве их обозначений, когда субъект (одушевленная или неодушевленная сущность) под воздействием какого-либо внешнего фактора издает сильный, низкий, отрывистый звук **ах** (в подобных случаях в значении глагола сема *говорения* подчинена

основному действию). Например, *В тот самый миг, когда железо надсадно ахает...* (Д. Коваленин. Кофейные зерна // «Домовой», 2002); *Черная пороша вертелась над головой, ахали гранаты, сыпалась стрельба, грохотали орудия.* (В. Астафьев. Пастух и пастушка. Современная пастораль); *Гитара ахала, подрагивала, тенькала...* (Р. Рождественский, Гитара ахала, подрагивала, 1977). В подобных ситуациях образуются метафорические переносы типа человек => механизм / оружие / предмет. Ср. также невозможное: *железо *оахает / *ухает / *ойкает; *охали / *ойкали гранаты; гитара *охала / *ухала / *ойкала*, однако допустимо *ухали гранаты*.

Обобщенное значение глагола *ахать*, актуального для акта говорения, можно сформулировать как: *произносить* (вскрикивать, говорить) *междометие ах*, *выражая как неожиданное* (непроизвольное), *так и намеренное проявление эмоций или их «имитацию»* (радости, испуга, удивления, восторга, восхищения, печали, сожаления, ужаса, злости и др.).

Глагол *охать* репрезентирует акт говорения и описывает различное эмоциональное состояние субъекта речи (чаще всего присутствует указание на печаль, расстройство, тяжесть положения, т.е. негативная оценка события) однократным или повторяющимся междометием *ох*. Ср., например: *Мама охала и не знала, что делать: то ли вызывать «скорую», то ли плюхаться на пол в обморок* (А. Етоев, Планета лысого брюнета), где глагол *охала* привносит информацию о том, что говорящий испытывает растерянность, печаль, горе.

Ср. также *Стоя около телевизора, артисты охали, ужасались себе, издевались над партнерами, дискутировали, делали замечания друг другу, выслушивали мои пожелания и просьбы операторов* (Э. Рязанов. Подведенные итоги, 2000), где глагол *охали* описывает работу речевого аппарата и служит уже для выражения печали, сожаления, горечи, досады. Ср. также допустимое, но вносящее иной смысл *мама ахала / ухала / ойкала; артисты ахали / ухали / ойкали* (нет негативной оценки события, тяжелого положения).

Глагол *охать*, в отличие от других рассматриваемых глаголов, практически не используется в метафорическом значении. Из 108 проанализированных контекстов найдено всего несколько примеров, в которых реализуется метафорический перенос *человек => оружие / предмет / явление природы*.

Например, *Звездное небо рушилось сверху, бубнило и охало море, Дервиш вздыхал, фыркал во сне* (А. Иличевский. Ай-Петри // «Октябрь», 2006). Ср. также *В зале гуляла компания румын. Соловьем разливалась скрипка, охал баян, мелко дребезжали бубны* (Л. Загоруйко. Куклы Барби, 2017), где глагол *охал* используется для описания характерной игры музыкального инструмента.

Частотным является метонимичное употребление глагола *охать* при прямой речи или в диалогах, где он указывает на выражение различных (преимущественно негативных) чувств, эмоций, например, *Да что ж ты опять делаешь! – болезненно охает он. – Где веник?* (Е. Лукин. Клопики, 2013) или *Шофер Федя ходит около рессор и охает: «Засядем...»* (Н. Амосов. Голоса времен, 1999), где в обоих примерах репрезентантом акта говорения выступает глагол *охает*, который привносит информацию о беспокойстве и переживаниях субъекта речи. Ср. также *Да что ж ты опять делаешь! – болезненно охает он. – Где веник?* (Е. Лукин. Клопики, 2013), где глагол *охал* используется для выражения эмоций досады, боли, возмущения.

Глагол *охает* также может означать ‘говорить жалуясь, сетуя, досадуя’: *Пошли. Старик Пустобрех машет руками и охает: – Андрей Палыч, старый ты дурак, хоть и весь уважаемый учёный* (Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом», 2009).

Продуктивным при репрезентации акта говорения является устойчивое словосочетание *ахать да / и охать* (=причитать), служащее для обозначения факта работы речевого аппарата и выражения целого ряда эмоций (удивления, зависти, восторга и т.д.): *А глядя на Катерину, завидуя ей, ровесницы охали да ахали, еще более поднимая настроение* (Б. Екимов. Пиночет, 1999); *Он долго ахал и охал, вот, говорит, склероз проклятый, забыл, задумался, прости меня, солнышко...* (В. Капустина Я не люблю музыку // «Звезда», 2012); *Не стал охать и ахать или ждать, пока беда всей тяжестью обрушится на его голову, а тотчас, как узнал, что грозит беда, взялся за дело и ухитрился отворотить её* (Е. В. Тростникова, Притчи православия, 2011).

Обобщенное значение глагола *охать* для репрезентации акта говорения: *говорить* (произносить, восклицать) «*ох*» для выражения чувства сожаления, досады, горя, печали, усталости, злости и др., сетуя, досадуя, жалуясь или от

боли (преимущественно негативные эмоции, связанные с тяжестью положения и негативной оценкой события).

Глагол *ойкать* практически не используется для обозначения речи и чаще всего служит для выражения какой-либо произвольной / непроизвольной эмоции (боли / страха, испуга) однократным или повторяющимся междометием *ой*. К репрезентации акта говорения глаголом *ойкать* для выражения непроизвольных эмоций относятся реакции на проявление болевых ощущение в связи с получением травмы, либо из-за любого другого физического воздействия. Например, *Ноги гудели так, что каждый шаг я ойкала и проклинала всех на свете* (А. Жвалевский, Е. Пастернак. *Время всегда хорошее*, 2009); *Катерина Ивановна сильно ойкала и, извинившись затем тихим сиплым голосом, хромала дальше, словно на каждом шагу спускаясь на одну невидимую ступеньку...* (О. Славникова. *Стрекоза, увеличенная до размеров собаки*, 1995–1999). Ср. также допустимые *я охала / ахала / ухала и проклинала*, каждый из которых вносит информацию, напрямую связанную с семантикой соответствующих междометий.

Если для выражения непроизвольных эмоций говорящий должен быть подвергнут какому-либо физическому воздействию, для выражения произвольных эмоций обязательным является наличие психологической составляющей, т.е. осознанности волеизъявления субъекта действий. Например, *Полвторого, – бросаю взгляд на часы «Победа». Мама ойкает, бегаем по комнате. Даже не спросила, откуда у сына ручные часы!* (Г. Башкуев. *Маленькая война // «Сибирские огни»*, 2013) или *Жена парикмахера убежала в другую комнату, чтобы не видеть, и, закрывая ладонями лицо, ойкала там с каждым слышимым ударом.* (В. Маканин. *Антилидер*, 1970–1990). Ср. допустимые *Мама охает / ахает, бегаем по комнате; ?охала / ахала там с каждым ударом*, а также вызывающие некоторые сомнения у информантов: *Мама ?ухает, бегаем по комнате; ?ухает там с каждым ударом* (интерпретируется как метафора – *ухает* как филин, сыч).

Ср. также *Он знал, что ей страшно, но она не ойкала и не ныла, что, несомненно, делало ей честь* (Л. Зарецкая, *Мой любимый сфинкс*, 2016), где отрицательная частица *не* также указывает на осознанность волеизъявления субъекта действия, когда он сдерживает себя, чтобы *не ойкнуть* (не сказать вслух *ой*).

При прямой речи глагол *ойкать* обозначает *говорить ой* от испуга, недоумения, изумления, удивления, негодования: *Ой! Что это? – ойкнул он тонким голосом* (А. Жарков, Ключ разума, 2018). Ср. также допустимое *охнул / ахнул он тонким голосом* и недопустимое **ухнул он тонким голосом*, так как прилагательное *тонким* противоречит семантике глагола *ухать*.

Или *Всё это я разглядела в миг, когда ойкала на его здрастье* (Ю. Моренис, Я + Я, 2017), в котором глагол *ойкала* выступает синонимом глагола *отвечала* и обозначает *говорить ой* от испуга, удивления.

Глагол *ойкать*, как и глагол *охать*, также редко используется метафорически (встречаются авторские метафоры). Среди анализируемого материала обнаружено всего несколько примеров, в которых способом семантического образования слова стал метафорический перенос, ср.: *...дорога, которая ойкала в моем сердце каждой выбоиной* (С. Шаргунов. Дача, Жанна, драка с дураком, 2008–2010), где глагол *ойкала* обозначает ‘отзываться болью, ощущать легкие уколы’. Ср. также *Пахло порохом, бесцельно трещали перепуганные выстрелы, теменьская темь качалась, ойкала, визжала, плевалась кровью, кричала караул* (В. Шишков. Ватага, 1923), где глагол *ойкала* представляет собой антропоморфную метафору и обозначает ‘говорить ой’.

Можно сделать вывод, что глагол *ойкать* не релевантен для описания акта говорения, поскольку практически не образует метафорических и метонимических переносов, в большей степени репрезентируя произвольную / непроизвольную эмоциональную сторону ситуации. Именно поэтому его обобщенное значение для репрезентации акта говорения можно сформулировать так: *произносить (вскрикивать) ой для выражения произвольной / непроизвольной эмоции* (боли, испуга, негодования, изумления и др.).

Таким образом, в ходе анализа семантики эмоционально-волевых глаголов говорения установлено, что метафорические переносы при описании акта говорения обладают рядом особенностей. Так, например, глагол *ухать* чаще всего используется для обозначения «речи» животных *Отец говорил это ухаёт выть, бык водяной. – И чего он ухаёт?* (М. Пришвин. Кладовая солнца, 1945); описания игры музыкального инструмента (*наверху ухал и гудел орган*). При этом не релевантным для акта говорения являются способность данного глагола описывать

действия различных устройств, механизмов (*ухал и свистел паровоз*), явлений природы (*потоки воды с шумом ухали* (=падали) *с обрыва*), оружия (*за горизонтом ухала артиллерийская батарея*).

Глаголы *ахать / охать* редко или почти никогда не допускают подобных метафорических переносов (метафор типа *ахать / охать* + орудие / предмет; *ахать / охать* + музыкальный инструмент очень мало). Можно предположить, что это напрямую связано с тем, что для данных глаголов при репрезентации речевых действий в первую очередь значимым оказывается необходимость описания эмоций, при этом метафорические значения (создание образности речи) являются не столь релевантными.

В противовес этому для глагола *ухать* значимым является именно переносное значение, т.е. описание характеристики звуков (указание на грохот, шум, гул, протяжность). Ср. различие в семантике данных предикатов в следующих примерах: *ухнула артиллерийская батарея* (произвела залп с грохотом, гулом, шумом), допустимое *ахнула артиллерийская батарея* (выстрелила резко, неожиданно) и невозможное **охнула артиллерийская батарея*.

Для глаголов *ахать / охать* «исключением» являются употребления в художественных текстах, когда для создания выразительности допускаются некоторые из метафорических переносов, например, описание игры музыкального инструмента (*гитара ахала, охал баян*), наделение животных речью (антропоморфные метафоры): *Лёг медведь на пол, лежит, охает* (Татарские сказки. Портной, медведь и бесенок) или *Притворилась лиса больной. Идёт по лесу охает, ахает* (И. Горбачева. История лесных зверей, 2018).

Ср. также *Не то что друзья, даже Медведь изумился. – Без спелых груш – легче?! – ахнули все* (Суслик, Еж, Хома – прим. мое, Е.В.). – *А за труды? – пробасил Медведь. – Так и быть, половину груш я себе забираю. Другие – ваши. Справедливо?* (А. Иванов Как Хома груши околачивал, 2004), где глагол *ахнули* обозначает – ‘спросили с удивлением’, а глагол *'пробасил* – ‘сказал низким протяжным голосом’.

Как отмечалось выше, подобные метафоричные переносы напрямую не обозначают акт говорения, однако указывают на работу речевого аппарата, в

результате которой некто произносит междометия *ах*, *ох*, *ух*, тем самым репрезентируя процесс говорения.

Чаще всего при метафоричном описании акта говорения (на материале произвольной выборки в 100 контекстов) использовались глаголы *ухать* – 12 случаев (12 %); *охать* – 5 случаев (5 %); *ахать* – 3 случая (3 %); *ойкать* – 2 случая (2 %).

В ходе исследования было установлено, что для метонимичного описания акта говорения в большой или меньшей степени могут использоваться все анализируемые глаголы, каждый из которых характеризуется рядом особенностей.

Так глагол *ухать* обозначает ‘произносить однократно или многократно звукоподражание *ух*’ / ‘говорить громко, отрывисто, с уханьем, ухая, произнося глухие горловые звуки, крики’.

Глагол *ахать* – ‘произносить (выкрикивать, восклицать) однократно или многократно *ах*’ / ‘говорить неожиданно, громко, ахая, выражая сильное проявление чувств, эмоций – удивления, восторга, радости, зависти, недоверия, сомнения, сожаления, злости, испуга, страха, досады, боли’ и т.п.

Глагол *охать* – ‘произносить однократно или многократно *ох*’ / ‘говорить охая, выражая отрицательные чувства и эмоции: сожаление, печаль, боль, горе, досаду, утрату, усталость, иногда удивление, восхищение’ и т.п. / ‘жаловаться, сетовать или выражать соболезнование’.

Глагол *ойкать* – ‘произносить *ой*, для выражения какой-либо произвольной / непроизвольной эмоции (боли / страха или испуга)’.

Чаще всего при метонимичном описании акта говорения (на материале произвольной выборки в 100 контекстов) использовались глаголы *ахать* – 17 случаев (17 %); *охать* – 17 случаев (17 %); *ухать* – 9 случаев (9 %); *ойкать* – 3 случая (3 %).

3.3.2. Признак *контролируемость действия* в семантике эмоционально-волевых глаголов говорения *ухать*, *ахать*, *охать*, *ойкать*

Междометная природа данных глаголов, фактически производных от междометий, заставляет предположить значимость семантического признака контролируемости / неконтролируемости. Вслед за Т.Д. Шабановой и О.А. Сулеймановой под контролируемостью в данной работе понимается система

семантических представлений, характеризующих действия субъекта [Шабанова 1998; Сулейманова 2000: 80]. Так действия субъекта (в данном случае говорящего) характеризуются как контролируемые в том случае, если он, во-первых, прикладывает усилия для реализации описываемых действий, во-вторых, совершает это сознательно, в-третьих, контролирует события на отдельных стадиях (фазах) его реализации (начальной, срединной, конечной). При этом данные семантические признаки не сводимы друг к другу, составляя в совокупности признак контролируемости [Сулейманова, Фомина 2018а: 165].

Исследование показало, что «поведение» метонимических обозначений акта говорения *ахать, охать, ухать, ойкать* при обстоятельственной метонимии (см. [Грамматические аспекты перевода 2010]) также системно основано на особенностях реализации именно признака контролируемости.

Рассмотрим подробнее интерпретацию признака контролируемости действия на примере исследуемых глаголов говорения. Как упоминалось ранее, за данным признаком стоит представление о приложении усилий со стороны субъекта действия – предикаты, вносящие информацию о контролируемости описываемого действия, свободно используются в форме повелительного наклонения, и X может побуждаться к действию, т.е. к приложению усилий. Ср. предикаты, в которых реализуется признак контролируемости: *Говори! Скажи!* и неконтролируемые глаголы: **Мямли!, *Бубни!, *Ахни!, *Охни!, *Ухни!, *Ойкни!*

Следующая составляющая – сознательное приложение усилий. Данный признак не сводим к первому, поскольку субъект действия может прикладывать усилия и не сознательно: ср., например, *Он ахнул, охнул, ухнул, ойкнул от боли, испуга*, где X приложил усилия для реализации события, хотя и несознательно. Однако, как отмечалось ранее (см. параграф 2.3.1), например, в ситуации кино съемки или театрального представления актера могут попросить смоделировать определенное событие, при котором высказывания будут оцениваться как сознательно контролируемые, ср.: *В этот момент ухай как филин или сыч; В этот момент ахни / охни / ойкни, как будто от испуга или удивления.*

Третий компонент признака контролируемости вносит информацию о контролируемости на одном из этапов события (начальном, срединном, конечном). Так, есть предикаты, характеризующее действие как контролируемое на первом

этапе, и субъекта можно побудить к его совершению: *посмотри, прочти, послушай, поговори*. Ср. неконтролируемые на данном этапе **ахай, *охай *ухай, *ойкай*. Контролируемость на срединной фазе действия связана с приложением субъектом усилия по поддержанию и развитию действия (также в ситуации киносъёмки): *продолжай ахать / охать / ухать / ойкать*, где рассматриваемые предикаты вносят информацию о приложении усилий X для поддержания процесса говорения.

Контролируемость на конечном этапе действия допускает побуждение (= контроль) субъекта прекратить реализацию события – *не ахай, не охай, не ухай, не ойкай*. Ср. однако неконтролируемые на данном этапе предикаты восприятия – **не слышь, *не видь*, которые репрезентируют действие в принципе неконтролируемое, осуществляемое в силу биологических особенностей человека и не зависящее от приложения / неприменения им сознательных / бессознательных усилий [Сулейманова, Фомина 2018а: 166].

Так в примере *И кто опять кнопки подпалил? – ахала Тамара Павловна в лифте Валерка, Лидкин сын, кто же еще?* (М. Трауб. Замочная скважина, 2012), глагол *ахал* является контролируемым как на первом (*поахай* = поговори / повозмущайся), так и на втором этапе (*не ахай* = не говори / не возмущайся). Ср. также *Ре-па! – ухал парень-долговяз* (Ю. Коваль. Приключения Васи Куролесова, 1971), где действие, описываемое глаголом *ухал*, контролируемо на первом этапе (*ухай* = говори / зазывай) и на втором (*не ухай* = не говори / не зазывай). Ср. *Эх, дубинушка, ухнем!*

Или, например, высказывания с глаголами *охать* и *ойкать*: *Да что ж ты опять делаешь! – болезненно охает он. – Где веник?* (Е. Лукин. Клопики, 2013), где глагол способен представить действие как контролируемое на первом этапе (*охай* = говори / возмущайся) и на втором (*не охай* = не говори / не возмущайся); – *Ой! Что это? – ойкнул он тонким голосом* (А. Жарков, Ключ разума, 2018), где действие контролируемо на первом этапе, (*ойкни* = говори ойкая) и на втором этапе (*не ойкай* = не говори ойкая).

В ряде случаев, где глагол употребляется в прямом или переносном значении, действие говорения может быть представлено как контролируемое: *Я охал и ахал, отвечал на воображаемые вопросы собеседника, задавал свои* (В.

Запашный. Риск. Борьба. Любовь, 1998–2004). Субъект контролирует действие как на первом этапе (*охай* и *ахай*), так и на втором (*не охай* и *не ахай*). Ср. в метафоричном значении: *Ухали и свистели на разные лады ночные птицы* (И. Брилёва, Приключения стиральной машинки, 2014), где субъект (ночные птицы) контролирует действие, как на первом этапе (*ухай* = *пой*), так и на втором (*не ухай* = *не пой*).

Однако субъект действия может и не контролировать действия при реакциях на внешний стимул (испуг, ужас, боль, удивление, восторг): *Недовольство грозит обернуться обыкновенным в таких случаях крикливым безобразием, но тут гремят один за другим четыре близких взрыва, стонет и лопается витрина с нарисованным на ней пшеничным колоском, **охают** мужчины, **ахают** женщины, режут младенцы на руках матерей* (А. Дмитриев. Закрытая книга, 1999).

Или, например, неконтролируемость у глаголов *ухать* и *ойкать*: *Увидел ее старик и от удивления тоже **ухнул**: «Ух»* (Французские сказки: «Откуда совы взялись»); *Женщина вздрагивает от неожиданности, **ойкает** и падает в обморок* (С. Шангин. Осень для ангела. Городское фэнтези, 2014), где субъект не может контролировать действия, так как они происходят произвольно, несознательно от удивления и испуга, не завися от его намерений.

Таким образом, глаголы говорения, обозначающие эмоционально-волевые речевые действия, такие как *ухать*, *ахать*, *охать* (за исключением *ойкать*), оказываются значимыми при когнитивной интерпретации акта говорения в естественном языке, поскольку метонимические и метафорические переносы обладают большой регулярностью и «организованностью». Как отмечалось ранее, в их значении отсутствует указание на маркированность по конкретной эмоции, поэтому уточнения они получают именно в контексте при помощи слов-конкретизаторов. Ср.: *ухал басом; громко ахал; болезненно ойкнул; ахнул от удивления; охал от удовольствия* и др. Именно поэтому подобные предикаты характеризуются особой паузацией, динамикой, ритмом, что в свою очередь позволяет разнообразно описывать акт говорения и значительно обогащать коммуникацию.

В результате проведенного анализа также доказано, что такой семантический признак, как контролируемость действия является релевантным для

рассматриваемых эмоционально-волевых глаголов говорения. Как упоминалось выше, данная система семантических представлений характеризует действия субъекта (говорящего) таким образом, что он, во-первых, может прикладывать усилия для осуществления события, во-вторых, делает это сознательно, в-третьих, может контролировать действие на одной из стадий его существования.

3.4. Особенности семантики и употребления метафоричных глаголов говорения

Метафорические переносы в сфере предиката, и, в частности, глаголов говорения, неизменно служат объектом специальных лингвистических исследований, в ходе которых изучаются особенности фонетического представления различных звуков животных в естественном языке, создаются классификации и переводы данных идеофонов на другие языки [Воронин 1982; Шляхова 2003]. Кроме того данные предикаты косвенно затрагивались при рассмотрении глагольной метафорики предикатов активного физического воздействия [Ваулина 1994], глаголов лексико-семантической группы обработки [Баранчеева 2007], глаголов выражения эмоций и чувств [Каменькова 2007] и др.

Заметим также, что в большинстве случаев учеными анализировалась их формально-грамматические характеристики, сочетаемость, тип метафорического переноса и др., однако семантика не получила исчерпывающего описания. В случае с глаголами «речи» животных лингвисты рассматривали их фонетическую составляющую, т.е. то, как «говорение» животных (мычание, кукареканье, рычание и др.) воспроизводится с помощью лингвистических средств (ср.: *му-у*, *кукареку*, *гав-гав*). При анализе других аспектов, например, при составлении лексико-семантических классификаций глаголов, исследователи обращаются к содержанию данных предикатов, однако в большинстве случаев не предлагают однозначные критерии для их разграничения.

В основе метафорических переносов лежит наличие общего семантического компонента в прямом и переносном значениях глаголов (в этом случае компонент, входящий в денотативную часть прямого номинативного значения, становится ведущим в переносном метафорическом значении), либо признак, служащий основой метафорического переноса, определяется наличием ассоциативных или

иных признаков между метафорическим и исходным значениями, связанных с представлениями о предметах и явлениях.

Исследование показало, что применительно к рассматриваемым в настоящей работе предикатам метафоричные глаголы говорения представлены следующими группами:

1) **глаголы имитационной речевой деятельности или глаголы «речи» животных**, которые обозначают звуки, издаваемые живыми существами: домашними и дикими животными, птицами, пресмыкающимися и насекомыми, ср.: *каркать, скулить, реветь, ворковать, щебетать, шипеть* и др.;

2) **глаголы физического действия для обозначения говорения**, репрезентирующие говорение через сферу физических действий человека, ср.: *цедить, взрываться, молоть, выдавливать, рубить, чеканить* и др.;

3) **звуки предметного мира для обозначения говорения**, описывающие звуки предметного, неживого мира (природные явления, механизмы, устройства и т.д.), ср.: *гудеть, дребезжать, трещать, шелестеть, грохотать ухать, ахать* и др.

Непосредственно для когнитивной интерпретации акта говорения значимыми оказываются первые две группы метафоричных глаголов говорения, поскольку именно они способны вносить различную прагматическую информацию о речевой деятельности человека, тем самым описывая его речевой портрет.

Важно также заметить, что далеко не всякое метафорическое употребление слова свидетельствует о приобретении словом соответствующего метафорического значения, поэтому следует различать отдельные значения глагола и системные модели семантического переноса. Как уже говорилось ранее применительно к метонимическим глаголам, именно наличие в языке регулярного метонимического переноса, например, *вместилище (территория) – совокупность людей* позволяет правильно интерпретировать высказывание *Вся лестница об этом говорила*, где вероятность развития соответствующего значения у существительного *лестница* практически равна нулю (см. [Шмелев 2019]); ср. также уже закрепленные в словарях слова, образованные подобным метонимическим переносом *университет, улица, аудитория* и т.д. Дело, таким образом, не в том, чтобы каждое из анализируемых слов в отдельности приобрело соответствующее

метонимическое или метафорическое значение, а в том, что для определенных семантических групп слов существует общая возможность такого аналогического применения. Отсюда, если выделенное нами метафорическое значение зафиксировано в словаре, тогда можно утверждать о его устоявшемся значении, если же нет, то такое употребление нужно рассматривать как регулярный семантический перенос, который необходимо тем не менее описать, поскольку данные словарей обновляются реже, чем изменяется языковая норма или у слова появляется новое значение.

Итак, все это, однако, не снимает вопроса о необходимости описания семантики того или иного глагола, поэтому применим к описанию семантики метафоричных глаголов говорения, наиболее «интересных» с лингвистической точки зрения, методологическую процедуру, предложенную во второй главе настоящего диссертационного исследования, и уже апробированную на метонимичных глаголах говорения.

3.4.1. Описание семантики глаголов *реветь* / *рвкать* (*рвкнуть*)

Анализ случайной выборки из двухсот высказываний с глаголами *реветь* и *рвкать* позволил выделить несколько значений рассматриваемых глаголов, которые вносят информацию о различных аспектах речевой деятельности. Причем дополнительное значение данных глаголов образуется путем метафорического переноса качеств, свойств животного на человека, посредством которого некоторые характеристики этого животного (его «голос», нечленораздельное произношение звуков) приписываются человеку.

При рассмотрении «отрицательного языкового материала» обнаруживается, что глагол *реветь* не может описывать разовое, мимолетное действие, направленное на осуществление контроля над слушающим, ср.: **По вечерам мы сидим на общем балконе и ревим на детей: «Спать, я сказала»* (М. Трауб. Не вся la vie, 2008); **Но тут они коротко ревели: «Здра!»* (В. Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике, 1976–1999). Запросы в поисковые системы демонстрируют, что в количественном отношении выражения типа «*реветь на кого-то*», «*коротко реветь*» и «*неожиданно реветь / зареветь*» получают 10, 34 и 235 / 1600 вхождений, тогда как те же высказывания с глаголом *рвкнуть* (*рвкать*) – 18 000, 157 000 и 13 900, соответственно.

Кроме того, глагол *реветь* обычно не вносит информацию о раздражении, злости или гневе говорящего, ср., отмеченные информантами как не совсем приемлемые: *зло / грубо / раздраженно (за)ревел*, которые получают в поисковых системах 33 / 8 и 25 вхождений, и допустимые с глаголом *рявкнуть* – *зло / грубо раздраженно рявкнул* (9890 / 15 300 и 26 900, соответственно).

В свою очередь глагол *рявкать* не способен репрезентировать длительную, продолжительную речь с низким, горловым звучанием или же плач, причитания, ср.: **Смир–ррр–на!.. – прорывкал Повыше Ростом* (А. Азольский. Диверсант // «Новый Мир», 2002) или **Стой! Сто-о-ой! – рявкал на лошадей возница, а на возницу – проводники* (А. Пашкевич. Сим победиши // «Сибирские огни», 2013). Ср. также: **Я рявкал, как белуга, орал благим матом, на весь мир* (А. Рекемчук. Мамонты, 2006). В поисковых системах нет вхождений выражений «*рявкнул белугой*» или «*рявкал как белуга*», тогда как высказывания «*реветь белугой*» и «*ревел как белуга*» получают 25 000 и 3780 вхождений. Следует впрочем, отметить, что в данном случае ограничение, скорее всего, связано с фразеологизацией выражения *реветь белугой*, однако и в основе фразеологизации в значительной степени проявляются обозначенные семантические свойства глагола, и такие единицы нуждаются в особом исследовании. Словосочетания «*протяжно рявкал (рявкнул)*» или «*долго рявкал (рявкнул)*» получают 26 и 310 вхождений, тогда как те же словосочетания с глаголом *реветь* 1745 и 7137.

Отметим также, что глагол *рявкать* практически не способен описывать сферу звуков, издаваемых природными явлениями или предметами неживого мира, в отличие от глагола *реветь*, ср.: *А ураган продолжал реветь* (Е. Гаглюев, Сотрясающий землю, 2016); *Моторы ревели теперь ровнее, и ящики успокоились* (И. Грекова, На испытаниях, 1967), *ревели потоки воды, обрушивающиеся с небес* (А. Каменистый, На краю архипелага, 2013) и отмеченное информантами как недопустимые: **А ураган продолжал рявкать*; **Моторы рявкали теперь ровнее, и ящики успокоились*, **рявкали потоки воды, обрушивающиеся с небес*. В ходе анализа данных из поисковых систем выражения с глаголом *рявкать* получают незначительное количество вхождений: *рявкало море / пламя* – 2 / 0, *рявкал водопад / ураган / мотор / двигатель* – 17 / 6 и 1.

Таким образом, на основе ответов информантов и полученного «отрицательного языкового материала» выдвигается гипотеза о различиях в семантике анализируемых метафоричных глаголов говорения *реветь* и *рывать*, а затем следует ее проверка на имеющемся языковом материале.

Так глаголы *реветь* / *зареветь* / *прореветь* репрезентируют акт говорения и вносят информацию о том, что говорящий *громко, неистово кричит, издает звуки, похожие на рев животных, выражая крайнюю степень проявления различных чувств, эмоций, ощущений* (не маркировано с точки зрения отрицательных / положительных эмоций), ср.: *А-а-а! – проревела толпа. – Взятчиков – на фонарь!* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, Град обреченный, 1972); *Когда вышел бразильский футболист Неймар, трибуны заревели* (А. Гнатенко, Е. Казаков, ЧМ-2018 // Комсомольская правда, 2018) или *Никуда не поеду! – ревел Андрей в кабинете главного инженера* (А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998), где речевой портрет говорящего может характеризоваться как наличием сильной отрицательной эмоции разрушительной силы – *гнева, злости, обиды, негодования*, так и переживаниями сильных положительных эмоций – *восторга, радости, одобрения*, а сама речь представлена как *протяжная, с низкими, горловыми звуками*. Ср. также отмеченное информантами как недопустимое **трибуны зарывали* и допустимое *Никуда не поеду – рывал Андрей*, но вносящее информацию о злости, гневе, раздражении говорящего.

В некоторых случаях глаголы *реветь* / *прореветь* обозначают *громко плакать (навзрыд), нечленораздельно кричать, жалуясь на что-либо* (от боли, обиды, злости, разочарования и т.д.): *Я ревел, как белуга, орал благим матом, на весь мир* (А. Рекемчук. Мамонты, 2006) или *От злости и унижения хотелось реветь* (Л. Смоленская, И о чем-то плакала Японка, 2017), где глагол *реветь* вносит информацию о том, что говорящий подавлен, расстроен и его речь сопровождается плачем, всхлипами и т.д. Ср. недопустимые **я рывал, как белуга* и **от злости и унижения хотелось рывать*. Ср. также с выражением *ахать, да охать*, вносящим схожий смысл.

В прямом значении глаголы *реветь* / *прореветь* часто используются в художественном тексте и относятся не к речи человека, а к звукам, издаваемым объектами живого или предметного мира, ср.: *Вокруг него теперь ревел ветер* (А.

Меррит, Корабль Иштар, 1924); *Два примуса **ревели** на плите* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1929–1940); *Безнадёжно **ревел** заводский гудок* (Б. Пильняк. Простые рассказы, 1923); *Свинячья голова **ревела*** (М. Некрасова, Банка с привидениями, 2011), где глагол *реветь* используется в значении *издавать, производить громкие звуки; шуметь*.

Отметим также случаи метафтонимического употребления глагола *реветь*, ср.: *Громоподобный **голос проревел** из динамиков* (П. Акимов, Плата за страх, 2000) или *Часы пошли назад! – **проревел бас*** (В. Панова. Который час? Сон в зимнюю ночь, 1941–1963), где глагол в высказывании помимо метафорического значения, используется метонимически (ср. семантический сдвиг: *голос из динамика / бас – голос человека*).

Таким образом, глагол *реветь* обозначает *долго, протяжно (неистово) кричать, издавать громкие горловые звуки, похожие на рев животного, выражая сильное проявление эмоций, чувств, ощущений (как положительные, так и отрицательные); громко, сильно плакать, причитать, жаловаться на что-либо; шуметь, издавать громкие звуки*.

Глагол *рывать (рывнуть)* репрезентирует акт говорения и вносит информацию о том, что говорящий *резко, громко, отрывисто говорит / кричит*, ср.: *Я проснулся от того, что кто-то **рывкнул** мне в самое ухо: Уже поздно!* (В. Белоусова, Второй выстрел 2000); *Что значит «возможно»?! – **рывкнул** Иван Иванович* (В. Михальский. Для радости нужны двое, 2005); *Не стоило, он уже мёртв, – **рывкнул** командир* (А. Ларионов, Уровни, 2014), где глагол *рывкнул* образован метафорическим переносом *звуки животных => человеческая речь* и сообщает о внешних характеристиках речи (*громкая, отрывистая*).

Глагол *рывать (рывнуть)* способен вносить информацию о том, что субъект речи *резко грубо, сердито, раздраженно говорит / кричит, стремясь осуществить контроль над собеседником*, ср.: *Отстань! – **рывкнул** я во всю мощь* (А. Крамер. О скитальцах и странниках // «Сибирские огни», 2013); *А ну сидеть! – **рывкнул** он, но она уже вскочила с лесенки* (Л. Улицкая, Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000); *Хватит! – **рывкнул** дядя Герман* (Д. Емец, Таня Гроттер и колодец Посейдона, 2004); *Не шепчи! – тихо **рывкнул** я на него и полез зачем-то в свой отсек* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора, 1963), где использование глагола

рyвкaть указывает на доминирующую позицию говорящего, который осуществляет однократное, моментальное действие, направленное на подавление коммуникативной позиции собеседника (достигается путем включения в семантику глагола указания на раздражение, недовольство, злость, агрессию говорящего).

Как уже отмечалось выше, глаголы **рyвкaть (рyвкнyть)** практически не используются для описания звуков, издаваемых природными явлениями или предметами неживого мира, однако в некоторых случаях могут репрезентировать *громкий, резкий, отрывистый, однократный* звук, издаваемый некоторыми механизмами (оружием, какой-либо техникой), ср.: *Басовито рyвкнyл паровоз, судорога пробежала по составу* (Д. Маркиш, Статья Лютовым // «Октябрь», 2001); *В вое ветра рyвкали пушки* (А. Толстой, Петр Первый. Книга вторая, 1933), хотя подобных контекстов не так много (1560 и 478 вхождений). Отметим, что при употреблении данного глагола в форме совершенного вида – **рyвкнyть** таких словосочетаний значительно больше, ср.: «*рyвкнyл мотор / двигатель*» или «*рyвкнyли пушки*», которые получают 574 / 957 и 2790 вхождения, что обусловлено грамматической формой глагола, которая обычно вносит информацию об однократности, завершенности действия, выполнения некоторой «порции» действия.

Таким образом, глаголы **рyвкaть (рyвкнyть)** обозначают *резко, грубо, отрывисто говорить / выкрикивать что-либо; раздраженно, зло кричать / выкрикивать что-либо на кого-либо, подавляя и контролируя собеседника; издавать однократный, резкий, отрывистый звук.*

3.4.2. Описание семантики глагола **шипеть**

Анализ выборки из 130 контекстов с глаголом **шипеть** позволил выделить несколько значений исследуемой языковой единицы, релевантных для описания акта говорения. Причем отметим, что данный глагол образован как метафорическим переносом на основе звукоподражания, так и метонимическим переносом.

В прямом значении глагол **шипеть** относится не только к звукам, издаваемым предметами, природными явлениями или животным (*шипит вода, шипит масло на сковороде, шипит радио, змея шипит, шипит гусь* и др.), но в некоторых случаях может относиться к речи человека, напоминающей протяжное

произношение звука «ш», при котором происходит нейтрализации признака «голос» на основе звукоподражания, ср.: *Вы что **шипите**, как две змеи?* (В. Сеницына, Муза и генерал, 2002); *Парни уже перестали **шипеть** при каждом ударе, как коты, и только посапывали: видно, выдохлись* (А. Громов, Текодонт, 1990), где глагол **шипеть** вносит информацию об акте говорения, в результате которого у субъекта речи утрачивается способность к членораздельной речи, а сама она сравнивается с «речью» животных.

Кроме того, глагол **шипеть** репрезентирует акт говорения и сообщает о том, что говорящий *ворчит, ругается, выражая недовольство, злость кем-либо или чем-то* (отрицательные эмоции), ср.: *Хватал всех за руки и **шипел**: – Тихо!* (С. Довлатов, Наши, 1983); *Чёрт знает что такое, – **шипел** Римский, щелкая на счётной машинке* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 1929–1940); *А Володя на меня **шипит**: ты что, при нем нельзя такое!* (М. Тарковский, Жизнь и книга // «Октябрь», 2002); Конечно, *соседи **шипят**, что дом старый, что стоит вплотную к стене* (Г. Гончарова Азь есмь Софья. Тень за тронем, 2017), *Ты что тут натворил, а?! – **громко прошипела** она, стараясь не дышать* (А. Берсенева. Полет над разлукой, 2003–2005), где в семантику глагола **шипеть** входит идея подражания звукам змеи (*издавать специфический свистящий, щелевой звук «ш»*) и глагол вносит информацию о манере речи говорящего, характеризующейся выражением отрицательных эмоций, в связи с негативными коннотациями, закрепленными за животным (змеей).

Глагол **шипеть** также может использоваться метонимически, однако привносит иной смысл – *говорить глухим, тихим, сдавленным от злости, усилия, раздражения и др. голосом, либо шепотом*, ср.: *Соболезную, – **едва сдерживая ярость, прошипел** директор* (Ч. Абдуллаев, День гнева, 1999); *Много от тебя пользы, – **недовольно прошипела** госпожа, переходя на свой обычный злобный шёпот* (В. Талагаева, Колдовские камни, 2016); *Черт-те что, – **злобно прошипел** начальник. – Мальчишки!* (А. Маринина. Последний рассвет, 2013); *Гуровский пассажир **тихо шипел** сквозь зубы и придерживал поврежденную руку* (А. Макеев, Н. Леонов. Гроссмейстер сыска, 2003); *(Иван) **зло прошипел**: – Я, холопская морда, будущий хозяин всей Московии и твой царь!* (А. Пашкевич. Сим победиши // «Сибирские огни», 2013), где привносится представление о

«сдерживании» отрицательной эмоции. Рассматриваемое значение конкретизируется с помощью элементов контекста – *злобно, сквозь зубы, сдавленным голосом, гневно, яростно*, а также с помощью восклицательных предложений, имеющих резко отрицательное и негативное значение *Тихо! Скотина! Молокосос! Паразит!*, ср. предложения: *Скотина! – прошипел на Максима черноволосый* (А. Житков, Супермаркет, 2000); *Не останавливайся! – сквозь зубы прошипел он* (А. Геласимов, Рахиль // «Октябрь», 2003).

Ответы информантов и данные запросов в поисковые системы подтвердили выдвинутую гипотезу о различиях в значениях анализируемой единицы. Так, например, частотны сочетания глаголов *шипеть / прошипеть* со словами, выражающими резко отрицательную эмоцию / оценку, ср.: *зло шипеть (прошипеть) / злобно шипеть (прошипеть) / яростно шипеть (прошипеть)*, которые в поисковой системе Google получают 10 200 (4050) / 20 400 (50 800) и 5610 (28 000) вхождений, соответственно. Кроме того, данные предикаты сочетаются со словами, указывающими на «сдерживание» негативных эмоций при акте говорения, ср.: *сдавленно шипеть (прошипеть) / сквозь зубы шипеть (прошипеть) / шипеть (прошипеть) себе под нос / шипеть (прошипеть) стиснув зубы*, получившие 1320 (6550) / 3370 (53 300) / 2620 (6450) и 34 / 11 100 вхождений, соответственно, или словосочетания *шипеть / зашипеть от боли*, которые получают 19 500 / 86 500 вхождений.

Также информанты отмечали недопустимость сочетания со словами, выражающими положительные эмоции или же печаль / тоску, ср.: **радостно / ласково / нежно шипел (прошипел)* или **(за)шипеть от тоски / печали; печально / тоскливо шипеть (прошипеть)*. В ходе анализа запросов в поисковых системах данные высказывания получают незначительное количество вхождений, что верифицирует ответы информантов. Однако отметим, что среди обнаруженных случаев сочетания глаголов *шипеть (прошипеть)* со словами, обозначающими положительные эмоции, большинство из них все равно вносили негативную оценку в высказывание, ср.: *Говорят, слова не убивают, – ласково прошипел Робби, – Так это неправда* (Е. Кравцова, Стань моей тенью, 2019); *Он хищно оскалился с ясной целью напугать до дрожи и делано ласково прошипел: – Ты можешь отказаться*

(В. Башун, Сэр Троглодит, 2011), где глагол с наречием вносит информацию о «сдерживании» отрицательной эмоции.

Однако глагол *шипеть* может быть не маркирован с точки зрения описания отрицательной или положительной оценки / эмоции и способен вводить информацию о том, что говорящий пытается успокоить кого-либо, привлекая его внимание и призывая к тишине, молчанию (использование звуков «ш», «тсс»), ср.: *Ш-ш-ш, – прошипел Бьёрн, испуганно вытаращив глаза* (Л. Келлер, Контракт Паганини, 2018); *Лена шипит: – Тс-с-с. Она сейчас придет* (Н. Щербина, Перестук Каблуков, 2002), где анализируемый глагол нейтрализован по признаку оценки / эмоции (более 6000 тысяч вхождений для высказываний со звуком «ш» и более 2000 для выражений со звуками «тсс»).

На примере глагола *шипеть* демонстрируется возможность интеграции механизмов метонимии и метафоры в одном предикате, связанной с образованием у глагола новых значений, еще не получивших отражение в лексикографической системе, однако потенциально способных закрепиться в лексикографической практике в будущем. Прояснение подобных случаев будет возможно после построения общей теории метафоры и метонимии в частности метонифоры и метафтонимии, которые не до конца разработаны к настоящему времени.

Таким образом, глагол *шипеть (прошипеть)* обозначает *говорить шепотом или тихим, глухим, сдавленным от злости, усилия, раздражения, боли и др. голосом, сдерживая отрицательные эмоции; ворчать, ругаться, выражая недовольство, злость кем-либо или чем-то; говорить звуки «ш», «тс», привлекая внимание и призывая собеседника к молчанию.*

3.4.3. Описание семантики глаголов *ворковать / щебетать*

Проанализировав случайную выборку из 180 контекстов с глаголами *ворковать / щебетать*, мы выделили значения, релевантные для описания акта говорения, а также дифференциальные признаки, разграничивающие семантику данных предикатов.

Глагол *ворковать* вносит информацию о том, что субъект речи говорит *тихо, мягко, нежно, томно*, ср.: *Как дела, Дмитрий Алексеевич? – самым нежным голосом проворковала Маша по телефону* (Н. Александрова, Последний ученик да Винчи, 2010); *Соня-засоня, пора учиться, школа ждать не будет, – весело*

ворковала она (А. Патрикеев, Послание из будущего, 2019); *Бокал вина? – ворковал он.* – *А вот очень вкусный пористый шоколад* (А. Бельтюков. Виза на смерть // «Криминальный отдел», 2010), где глагол **ворковать** образован метафорическим переносом, на основе общего семантического компонента в исходном и переносном значении (**голубь** <= издавать звуки тихо, нежно и мелодично => **человек**).

Кроме того, глагол **ворковать** способен репрезентировать речь влюбленных, на основе сходства поведения (воркования) пары голубей с тихой и нежной речью двух близких людей, ср.: *Пока я расставляла фужеры и тарелки, гости ворковали на диване* (М. С. Серова, Круто закручено. Дамские штучки, 2008); *Только в отдалении ворковали парочки, прельстившиеся относительным уединением* (Д. Хадсон, Знай, кошка, свое лукошко!, 2015); *На улицу выходили молодые парочки, они шагали, обнявшись, по тротуарам и ворковали* (В. Селин, Счастье для двоих, 2020), *Ну, чего не воркуете, голубки? Помешала?* (И. Безладнова, Дина // «Звезда», 2003), где глагол **ворковать** образован метафорическим переносом и обозначает *говорить между собой тихо, мягко, монотонно, влюбленно флиртуя*.

В своих ответах информанты указывали, что рассматриваемый глагол может сочетаться со словами, обозначающими положительные эмоции / оценки, связанными со сферой любви и отношений (наречения *нежно, влюбленно, томно, весело, ласково, страстно* и др.; прилагательные и существительные *парочки, влюбленные, женщина, девушка* и др.). Однако при экспериментальной верификации данных возникают некоторые расхождения в оценках информантов и данных, полученных из поисковых систем Google и Yandex, ср.: нежно (*про*)ворковал / (*про*)ворковала / *про*(ворковали) – **2180** (7180) / **8270** (11 400) / **3880** (36); ласково (*про*)ворковал / (*про*)ворковала / *про*(ворковали) – 1240 (5620) / 3140 (6300) / 756 (33); тихо (*про*)ворковал / (*про*)ворковала / *про*(ворковали) – 1190 (532) / 1770 (1860) / 4900 (6); мягко (*про*)ворковал / (*про*)ворковала / *про*(ворковали) – 454 (872) / 33 (1950) / 22 (2); томно (*про*)ворковал / (*про*)ворковала / *про*(ворковали) – **23** (675) / **391** (11 900) / 45 (7); весело (*про*)ворковал / (*про*)ворковала / *про*(ворковали) – **35** (42) / **504** (771) / 348 (9), а также получившее незначительное количество вхождений: влюбленно (*про*)ворковал / (*про*)ворковала / *про*(ворковали) – **23** (11) / **33** (372) / 33 (0);

страстно (про)ворковал / (про)ворковала / про(ворковали) – 33 (11) / 15 (3) / 27

(1). Отдельно отметим *ворковали влюбленные; ворковали парочки*, которые получают 1100 и 567 вхождений.

Кроме того, информанты указывали, что действие по глаголу *ворковать* в большей степени свойственно женщинам или девушкам, нежели мужчинам, ср., отмеченное ими как не совсем приемлемое ?*Тихо ворковал мужчина с приятным голосом, но с лёгким акцентом* и как нормативное *Тихо ворковала девушка с приятным голосом*. Однако информанты положительно оценивали выражения с глаголом *проворковать*, ср.: *Спасибо, солнышко, – проворковал мужчина / женщина*, что обусловлено использованием формы совершенного вида, вносящей информацию об уже совершенном действии. Оценки информантов подтверждаются статистическими данными: *(про)ворковал мужчина – 34 (1400)* вхождений, тогда как *(про)ворковала женщина / девушка – 634 (14 600) / 640 (6080)*.

Таким образом, несмотря на некоторое несовпадение ответов информантов с данными Google и Yandex, а также различия в количестве вхождений (связанные с видом, временем и родом глагола в каждом отдельном случае), выдвинутые предположения о семантике анализируемого глагола получают подтверждение.

Сверх того, отметим невозможность сочетания глагола *ворковать* со словами, выражающими негативные эмоции / оценки или их «сдерживание», слабую коммуникативную позицию, способность к говорению на иностранном языке, ср.: *зло, сердито, печально, тоскливо, грустно, гневно, агрессивно, жалобно, сквозь зубы* и т.п. Глагол *ворковать* не сочетается также с наречиями *легкомысленно, быстро*, поэтому не способен вносить в высказывание информацию о беспечности говорящего, неинформативности акта говорения. Эти данные подтверждаются ответами информантов, а также запросами в поисковые системы, в которых не находится совпадений с исследуемым глаголом.

Глагол *щебетать* репрезентирует речь как отдельного субъекта, так и нескольких говорящих, и привносит информацию о том, что он / они говорят *быстро, без умолку, громко, звонко*, ср.: *В основном щебетала женщина* (Э. Дарси, Не сможешь отказаться, 2012); *А ты меня научишь, – не умолкая щебетала девочка* (Т. Кашпур, Аленький цветочек, 2012); *Катенька, возьми, пожалуйста,*

трубку, – по громкой связи **прощебетала** секретарша (Т. Тронина, *Никогда не говори «навсегда»*, 2004); *Слава пил пиво, а Наташа **щебетала**: – Ой, а вы где обедаете?* (М. Трауб, *Домик на Юге*, 2009); *Ну не буду тебя отвлекать, – **звонко прощебетала она*** (М. Серова, *Золотая мышеловка*, 2017); *Зато Янинка была в восторге именно от Немана и без умолку **щебетала** рядом: – Посмотри, посмотри, какое течение!* (В. Быков, *Дожить до рассвета*, 2018), где глагол **щебетать** описывает характеристики речи женщин или детей, говорящих *быстро, звонко, громко и много*.

Эти данные подтверждаются ответами информантов, которые отмечают, что «щебетание» свойственно в большей степени речи детей и женщин, а не мужчин. В поисковых системах высказывания типа *(про)щебетала женщина / мама / девочка* получают 681 (1830) / 851 (1570) / 35 (1720) вхождений, тогда как, например, *(про)щебетал мужчина* практически не обнаруживает вхождений – 11 (16).

Отметим также, что глагол **щебетать** вводит информацию об одновременной речи нескольких людей (см. глагол *ворковать* в значении *влюбленно говорить друг с другом*), ср.: *щебетали подружки*, получившее 251 вхождение или высказывания *щебетать с кем-либо или что-либо* и *щебетала на*, получившие 12 800 и 12 000 вхождений. Безусловно, часть из этих высказываний репрезентируют звуки птиц, однако большинство описывает человеческую речь.

В связи с этим глагол **щебетать** также может характеризовать речь женщин и детей как *бестолковую, легкомысленную, не имеющую серьезного основания*, ср.: *Жены, взявшись под руку, шли следом и **щебетали** о детях, кофточках, искусстве и ерунде* (*Жизнь прекрасна // «Столица»*, 1997); *В отличие от серьезных сосредоточенных ангелов эти девицы легкомысленно **щебетали*** (И. Бояшов, *Путь Мури*, 2007); *Дама еще что-то **щебетала** о том, что ювелиры, оказывается, иногда дают названия своим изделиям, а она никогда об этом не слышала, и как это интересно...* (А. Маринина, *Последний рассвет*, 2013), где глагол **щебетать** репрезентирует общую денотативную ситуацию детского или женского / девичьего разговора, который обычно воспринимается слушающим как неинформативный, пустой, легкомысленный. Ср. также данные запросов в поисковые системы: *без умолку щебетала(и)* – 5030 (912) вхождений; *не умолкая щебетала(и)* – 274 (145)

вхождений; *легко / легкомысленно / наивно щебетали*, которые обнаруживают в совокупности около 100 вхождений.

Информанты указывали на то, что глагол **щебетать** способен вносить информацию о *громкой / звонкой иноязычной речи, которую слушающий не понимает*, ср.: *Еще три дни (и уже безо всяких мыслей) глядел он на строки «оперской сказки», как щебетали италианцы, на строки либретто* (Б. Евсеев, Евстигней // «Октябрь», 2010); *Вот идет, щебеча по-птичьи, китайская женская команда по пинг-понгу* (Э. Лимонов, Книга воды, 2002); *Через две-три недели щебетала на тамошней мове* (А. Смирнов, Прости меня, Любочка... // Наше время, 2020); *Тали была в восторге, показывала на всех пальцем и щебетала на своем языке* (На ужин подавали смешинку // Запись в LiveJournal, 2017); *Знакомый официант <...> что-то щебетал на своём языке* (В. Беник, На пути к звёздам, 2019), где глагол **щебетать** в силу того, что репрезентирует речь как *бестолковую, легкомысленную*, может использоваться для описания иноязычной речи, которую слушающий не понимает (ср. с метонимичным глаголом **лопотать**, вносящим схожую информацию, но на основе того, что речь *быстрая, несвязная, непонятная*).

Ответы информантов отчасти были верифицированы запросами в поисковых системах, в которых найдено достаточное количество примеров в анализируемом значении, ср.: *щебетала(и) на английском* – 745 (1240); *(про)щебетала на итальянском* – 15 (25) вхождений; *щебетали китайцы* – 15 вхождений.

Кроме того отметим, что рассматриваемый глагол не может сочетаться с некоторыми словами, обозначающими негативные эмоции / оценки: наречиями *зло, сердито, жалобно, тоскливо* и др., или словами, описывающими сферу любви и чувств: наречиями *страстно, томно, мягко*. Однако в поисковых системах встречаются случаи сочетания с наречиями, вносящими положительные оценки: *нежно* – 2000 вхождений, *ласково* – 721 вхождение, *весело* – 22 000 вхождений.

Таким образом, достаточно сложно выделить дифференциальные признаки, разграничивающие семантику анализируемых глаголов, поскольку оба предиката в качестве производной базы семантического переноса используют звуки птиц. Однако в случае глагола **ворковать** акцент делается на репрезентации речи влюбленных (нет ярко-выраженной дифференциации мужская / женская / детская

речь), тогда как для глагола **щебетать** важны характеристика голоса (женский / детский), содержание речи (легкомысленная / пустая / наивная) и способность репрезентировать иноязычную речь.

Отсюда выделим уточненное семантическое описание глагола **ворковать** – *говорить тихо, мягко, нежно, томно; говорить / разговаривать между собой влюбленно, нежно, мягко, (=флиртовать).*

В свою очередь глагол **щебетать** обозначает *говорить кому-то или между собой что-либо быстро, без умолку, громко, звонко;*

3.4.4. Описание семантики глагола **взорваться**

Анализ случайной выборки из 95 контекстов с глаголом **взорваться** позволил выделить значения исследуемого предиката, релевантные для описания акта говорения. Данный глагол образован метафорическим переносом на основе расширения основного значения через сходство признаков (радиальная полисемия голос <= **взрыв** => эмоция, т.е. метафора *подвергаться разрушению в результате взрыва – подобным образом выразить свои «сильные» эмоции*).

В первом выделенном значении глагол **взорваться** репрезентирует акт говорения с эмоциональной и содержательной сторон и обозначает *говорить резко, импульсивно, категорично, возмущаясь, активно жестикулируя и выражая свое негодование в резкой и безапелляционной форме, ср.: Хватит с меня!.. – взорвалась мама, вскакивая со стула* (Е. Завершнева, Высотка, 2012); *Что ты-то горло дерёшь? – взорвался я* (Ю. Домбровский, Хранитель древностей, 1964); *Тут я взорвалась: – Мне не надо никого спрашивать. Я и сама всё про вас понимаю* (И. Грекова, Без улыбок, 1975); *Слушай, достал уже! – внезапно взорвался Сергей* (А. Маринина, Последний рассвет, 2013), где глагол **взорвался** сообщает информацию об акте говорения, характеризующемся проявлением бурных, чаще негативных, эмоций, направленных на собеседника.

Информанты отметили допустимость и адекватность предложенных им контекстов, в которых анализируемый глагол сочетается с наречиями, выражающими внезапность, интенсивность проявления действия, его оценку, и выражает эмоциональную и содержательную сторону речи (громко, бурно, резко, вдруг, внезапно, неожиданно, грубо и др.). Однако запросы в поисковые системы показали, что глагол **взорваться** сочетается не со всеми предложенными

наречиями, ср.: интенсивность действия – *громко* (7000 вхождений), *бурно* (300 вхождений), *активно* (10); внезапность действия – *резко* (2300 вхождений), *вдруг* (57 200 вхождений), *внезапно* (30 000 вхождений), *мгновенно* (7720 вхождений); *неожиданно* (21 800); оценка действия – *грубо* (60 вхождений). Безусловно, часть этих вхождений связана с прямым значением глагола – разрушаться от взрыва, однако значительная часть примеров все же репрезентирует сферу речевой деятельности.

Другое значение глагола **взорваться** – *внезапно и бурно начать что-либо делать, действовать* (о совокупности голосов, звуков), вербализуется при сочетании с существительными, обозначающими совокупность людей и конкретное речевое действие, ср.: *Площадь взорвалась радостными возгласами и криками* (С. Зверев, След на афганской пыли, 2007); *Толпа зевак взорвалась восторженными воплями* (А. Конторович, СМЕРШ «попаданцев», 2012); *Комната взорвалась шумом возбуждённых голосов* (М. Ру, Возвращение в Приют, 2014); *Зал, конечно, взорвался от смеха, но спектакль продолжился* (Б. Поздняков, Ананасы // «Сибирские огни», 2013); *Поляна вновь взорвалась хохотом* (Н. Щерба, Чародольский град, 2011), где глагол **взорвался** вносит информацию о речевой деятельности группы людей, выражающей сильные положительные / отрицательные эмоции *громко, бурно и резко* (обычно о нечленораздельной речи). Кроме того, данное значение глагола часто сопровождается и метонимическим переносом *вместилище (территория) – совокупность людей, находящихся на этой территории*.

В ходе запросов в поисковые системы были установлены «источники» проявления сильных положительных / отрицательных эмоций, репрезентируемых глаголом **взорваться**, ср.: *взорвался от смеха* – 42 900 вхождений; *взорвался от хохота* – 17 200 вхождений; *взорвался от радости* – 18 100 вхождений; *взорвался от злости* – 17 100 вхождений; *взорвался от ярости* – 17 900 вхождений; *взорвался от гнева* – 13 300 вхождений; *взорвался от негодования* – 9630 вхождений; *взорвался от возмущения* – 15 300 и др.

Таким образом глагол **взрываться** обозначает *говорить импульсивно, резко, категорично, возмущаясь и активно жестикулируя, выражая свое негодование в резкой и безапелляционной форме; внезапно, бурно, резко и громко начать кричать*

/ орать, выражая сильные положительные / отрицательные эмоции (о совокупности голосов, звуков).

3.4.5. Описание семантики глагола *цедить*

Проанализировав выборку из 125 контекстов с глаголом *цедить*, мы выделили несколько значений, релевантных для описания акта говорения. Глагол говорения *цедить* образован семантическим сдвигом на основе радиально-цепочечной полисемии: *наливать* медленно через узкое отверстие (*нацедить*) <=> *жидкость* => *пить* медленно, пропуская жидкость через зубы / губы (*процедить*) => *говорить*, пропуская слова (как жидкость) через зубы.

Глагол *цедить* репрезентирует акт говорения и вносит информацию о том, что субъект речи *говорит / произносит слова небрежно или нехотя, сквозь зубы*, ср.: *Соседи, упоминая о них, кривят рты и цедают*: «За длинным рублём подались, а площадь простаивает» (Е. Асмус, Времена, 2015); *Бойся, бойся, пацан, – цедит Жиндос, и тут что-то как хлынет по правому боку*. (А. Лукьянов. Артиллеристы. Занимательные истории о богах войны // «Октябрь», 2003); *Вот он, прищурясь, с ракеткой в загорелой руке, холодно цедит*: «А, это вы?» (А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова), 1940–1956); *Унести! – брезгливо цедил Колупай* (Б. Минаев, Детство Левы, 2001), где глагол *цедить* сообщает о «сдерживании» отрицательных эмоций (ср. с глаголом *шипеть*).

Данное значение конкретизируется элементами контекста: словосочетаниями *сквозь зубы, сквозь стиснутые зубы*, а также наречиями *презрительно, нервно, брезгливо, холодно, скуп* и др., ср., например: *Ух, стерва! – цедил Трофим сквозь стиснутые зубы* (В. Тендряков, Находка, 1965); *Кто его мазню покупает?! – презрительно цедит мама* (Т. Соломатина, Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом», 2009).

Запросы в поисковые системы демонстрируют высокую частотность подобных сочетаний: *цедит / цедил / цедила* сквозь зубы – 43 300 / 36 500 / 7860 вхождений; *цедит / цедил* сквозь стиснутые зубы – 2060 / 1880 вхождений; *презрительно цедит / цедил / цедила* – 3290 / 2370 / 589 вхождений; *холодно цедит / цедил / цедила* – 1240 / 44 / 27 вхождений; *угрюмо цедит / цедил / цедила* – 824 / 335 / 11 вхождений; *брезгливо цедит / цедил / цедила* – 232 / 224 / 17 вхождений;

скупо цедит / цедил / цедила – 476 / 292 / 27; нервно цедит / цедил / цедила – 26 / 23 / 34 вхождений; злорадно цедит / цедил / цедила – 22 / 20 / 0 вхождений.

Ответы информантов и данные, полученные из поисковых сетей, продемонстрировали недопустимость сочетания исследуемого глагола со словами, обозначающими проявление положительных эмоций / оценок: **радостно цедил, *добродушно цедил, *улыбаясь цедил / *цедил с улыбкой* или «сдерживание» отрицательных эмоций при болевых ощущениях у говорящего, ср. отмеченное как недопустимое: **цедил / цедит от боли* (ср. с глаголом *шипеть*, допускающим подобные сочетания).

Таким образом, глагол **цедить** обозначает *говорить / произносить слова небрежно, презрительно, нехотя, крепко сжав зубы, сдерживая негативные эмоции по отношению к собеседнику.*

3.4.6. Типология основных семантических признаков, лежащих в основе метафорического осмысления акта говорения

Проведенный анализ семантики метафоричных глаголов говорения позволил выделить в их структуре интегральные семантические признаки, на основе которых осуществляются метафорические переносы. Исследование показало, что применительно к рассматриваемым в настоящей работе предикатам метафорические переносы образуются по следующим моделям:

1. **Сходство речи со звучанием неодушевленных предметов – предметные метафоры:** *ухать, выть, трещать, свистеть, шелестеть, реветь, шипеть, урчать, скрипеть, рокотать, гудеть, греметь, шуришать, дребезжать, трезвонить, шушукаться* и др.;

2. **Сходство речи со звуками, которые издают птицы, животные – зооморфные метафоры:** *мурлыкать, рычать, рвать, реветь, шипеть, скулить, мычать, квакать, каркать, кудахтать, ворковать, жужжать, ворковать, щебетать* и др.;

3. **Сходство речи с физическими действиями / процессами – антропоморфные метафоры:** *цедить, выдавливать, тянуть, молоть, рубить, чеканить, взрывать* и др.

В свою очередь, в структуре метафоричных глаголов говорения интегральные семантические признаки разделяются на две группы – **акустическую**

и лингвистическую. Это обусловлено, на наш взгляд, тем фактом, что для процессов метафоризации нехарактерны семантические сдвиги в сферу биологических процессов, связанных с речью. Таким образом, метафоричные глаголы говорения могут характеризовать:

1. АКУСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ:

- **характеристика голоса** (высокий / низкий; громкий / тихий и другие особенности) (*пищать / скулить; щebetать / хрипеть, шипеть, реветь; хрюкать, блеять*);

- **характеристики речи** (медленная или неуверенная / быстрая; четкость / нечеткость произнесения; полифония) (*мычать, блеять, мекать, тянуть, цедить / трещать, сыпать, тарaxтеть, щebetать, кудахтать; ворчать / чеканить, рубить; гудеть, ворковать, жуужжать*);

2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ (ПРАГМАТИЧЕСКИЙ) АСПЕКТ:

- **невербальные эмоциональные проявления** (плач / смех) (*ржать, гоготать, выть, реветь, скулить, рыдать*);

- **вербальные эмоциональные проявления** (положительные / отрицательные) (*ворковать, щebetать, мурлыкать / фыркать, шипеть, рычать, лаять, реветь*);

- **сильная / слабая коммуникативная позиция** (*рывать, нападать / скулить, блеять, пищать, плакать*);

- **«сдерживание» отрицательных эмоций** (*шипеть, цедить, выдавливать, тянуть*);

- **наличие / отсутствие контролируемости речи** (*рывать / взрываться*) и др.

Как показало исследование, антропоцентричные метафоричные глаголы говорения образуют меньшее количество дополнительных значений и семантических признаков, чем зооморфные метафоричные глаголы говорения. Это связано с тем, что зооморфные метафоры, основанные на одном и том же механизме, при котором источником метафорического переноса становится не звук, издаваемый тем или иным животным, а вся совокупность дополнительных семантических признаков, свойственных данному животному (модель поведения, сходство звука, коннотации, закрепленные за животным в данном языковом

сообществе и др.), способны к более «яркой» репрезентации акта говорения в естественном языке.

Так, например, лай собаки обычно направлен на кого-то, причем такое поведение воспринимается как враждебное; жужжание комара над ухом всегда раздражает и надоедает; тихое и незаметное шипение змеи воспринимается как угроза, а сама змея характеризуется в сознании человека отрицательными коннотациями. Отсюда при метафорическом переносе из сферы животных в сферу человеческой речи характеристики того или иного животного экстраполируются на человека, в результате чего образуются дополнительные коннотации, ср.: *блеять*, *скулить* – слабая коммуникативная позиция или *рвать* – сильная коммуникативная позиция; *ворковать*, *мурлыкать*, *щебетать* – положительные вербальные эмоциональные проявления или *шипеть*, *фыркать* – отрицательные вербальные эмоциональные проявления и др.

Таким образом, при семантическом сдвиге и мене субъекта ситуации *животное* → *человек* атрибуты животного (модель поведения, издаваемые звуки, оценочная характеристика) сохраняются, а речь человека в большей степени подвержена метафоризации и образованию новых, дополнительных значений, чем при метафоризации звуков, издаваемых предметами, механизмами или природными явлениями.

Выводы по Главе 3

В данной главе на основе предложенной исследовательской процедуры, рассмотренной и обоснованной во второй главе настоящего исследования, даны семантические описания метонимичных и метафоричных глаголов говорения, а также прототипических глаголов данной лексико-семантической группы – *говорить* / *сказать*.

Применение современных методов исследования, в частности, семантического эксперимента, как части гипотетико-дедуктивного метода, а также обращение к ведущим поисковым системам Google и Yandex, выступающим как поисковые и исследовательские инструменты, позволило значительно расширить имеющуюся типологию метонимических и метафорических переносов в сфере глаголов говорения. Кроме того, данная методика позволила получить более точные семантические описания ряда глаголов речи.

В исследовании также продемонстрировано, что значения глаголов говорения включают не только основные и дополнительные семы, но и «приобретенные» в результате регулярных семантических переносов, часть из которых получают фиксацию в словарях и грамматиках, а другая – не получает. В связи с этим, при рассмотрении какой-либо лексико-семантической группы предикатов необходимо рассматривать все возможные определения анализируемого слова, поскольку основное и дополнительные значения образуют только часть семантической структуры слова. Другую часть составляют регулярные переносные значения, возникающие на базе метонимического или метафорического осмысления ситуации. Таким образом, игнорирование этих дополнительных компонентов не позволяет целостно отобразить лексико-семантическое поле изучаемой лексической единицы.

Предложенный подход к пониманию прототипических глаголов говорения, позволил по-новому взглянуть на противопоставлении двух грамматических форм глагола – совершенного и несовершенного вида. Глаголы говорения совершенного вида выражают однократность, законченность или начинательность действия, ср.: *сказал, промямлил, буркнул* и др., тогда как глаголы говорения в форме несовершенного вида могут выражать процессуальное значение, при котором актуализируются срединные моменты протекания действия, ср.: *Он говорил / говорит, мямлит, бурчит* и др. или неограниченное повторение однородных действий, без актуализации характера протекания каждого из них, ср.: *Постоянно говорит / говорил / бубнит* и другие типы частных отношений.

Помимо свойственных другим группам предикатов ограничений, связанных с оппозицией совершенного и несовершенного вида, выделяются и частные видовые значения, например, противопоставление способности к владению каким-либо языком и его систематическому использованию и самого факта совершения акта говорения.

Анализ семантики метонимичных и метафоричных глаголов говорения показал, что данные предикаты выполняют в высказывании те же функции, что и прототипические глаголы говорения (установление контакта, передача информации), а также характеризуют ту или иную сторону процесса речи (*акустическую, физиологическую, коммуникативную, экспрессивную,*

содержательною и т.д.). Более того, анализируемые предикаты отражают общую тенденцию, свойственную языку, который тяготеет к экономии речевых усилий, что приводит к речевой и синтаксической компрессии.

Предложенная типология метонимичных и метафоричных глаголов говорения, а также их подгруппы – эмоционально-волевых глаголов говорения, демонстрирует тот факт, что данные группы предикатов не является закрытой структурой, поскольку активно взаимодействуют и пересекаются, образуя метафтонимические переносы.

Выделенные интегральные и дифференциальные семантические признаки в значениях исследуемых глаголов не только разграничивают их между собой, но и способствуют образованию регулярных семантических переносов, по которым образуются новые значения, способные вносить информацию об особенностях акта говорения в естественном языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в рамках когнитивной семантики и посвящено изучению метонимичных и метафоричных глаголов говорения, репрезентирующих акт говорения в естественном языке. Практический аспект исследования составил анализ семантики метонимичных и метафоричных глаголов говорения *бормотать, бубнить, лопотать, лепетать, бурчать, буркать, картавить, грассировать, заикаться, заикнуться, мямить, гаркать, гундосить, шамкать, шепелявить, гнусавить, шипеть, цедить, реветь, ворковать, щебетать, взорваться, ахать, охать, ухать, ойкать*, а также прототипических глаголов говорения *говорить / сказать*.

Исследование показало, что в современной лингвистике практически нет работ, затрагивающих вопросы описания когнитивных механизмов глагольной метонимии и метафоры, репрезентирующих акт говорения в естественном языке. В связи с этим, было проведено специальное исследование семантики глаголов говорения в целях описания их общей системы и той ее части, которая метонимически и метафорически репрезентирует акт говорения в естественном языке.

Для этого применялась специальная исследовательская процедура – **триангуляционный подход, заключающийся в объединении гипотетико-дедуктивного метода на основе семантического эксперимента и опроса информантов** и последующего обращения к **большим базам данных** – поисковым системам Google и Yandex. Особенностью такой процедуры является то, что в качестве информантов в исследовании выступают как носители языка, так и поисковые системы, которые являются и источником примеров, и исследовательским инструментом (своего рода «коллективным» информантом). Последующий анализ и интерпретация полученных при таком подходе данных, а также выделение дифференциальных семантических признаков в значениях глаголов и создание их семантических описаний выполняются исследователем на основе экспериментального исследования.

В рамках проведенного эксперимента были получены исчерпывающие описания семантики глаголов говорения, способом образования значений которых являются метонимические и метафорические переносы, а также выявлены

особенности их употребления, что позволило составить более полное представление о структуре фрейма «говорение» и входящих в него элементах. Проанализированные глаголы вносят информацию о различных особенностях речи: *наличии / отсутствии речевых дефектов, специфической манере говорения, акустических особенностях, громкости речи* и других характеристиках. Кроме того, данные предикаты репрезентируют речевой портрет говорящего, указывая на его настроение, эмоциональную оценку ситуации, отношение к высказыванию и / или к собеседнику, оценку коммуникативных навыков и многое другое.

Проведенное исследование позволило выделить основные семантические признаки, на основе которых могут осуществляться метонимические и метафорические переносы. Так, характеристики акта говорения естественным образом распадаются на три группы, согласующиеся с трехчастным подходом к звуковым явлениям, предложенным Ю.С. Масловым, который выделяет три аспекта звуковых явлений: **акустический**, связанный с физическими свойствами звуков; **биологический** (физиологический), связанный с процессами, происходящими в организме при произнесении звуков и при их восприятии (работа органов речи); **лингвистический**, связанный с использованием звуков в языке и их роли в обеспечении его функционирования как средства общения. При этом было установлено, что в метонимическом переносе активно участвуют прагматические характеристики, которые были нами включены в группу лингвистических, поскольку они репрезентируют аспекты, связанные с внесением в высказывание различной прагматической информации (*коммуникативная позиция говорящего и слушающего, контролируемость речи, эмоциональная составляющая* и др.).

Более того, анализ языкового материала показал, что метонимические и метафорические глаголы говорения являются семантически «нагруженными» языковыми единицами и репрезентируют общую закономерность, свойственную человеку и языку в целом, – стремление к экономии речевых усилий, которая приводит к речевой и синтаксической компрессии, а также к семантическому «расширению» концептуализации денотативной ситуации за счет актуализации выделенных интегральных и дифференциальных семантических признаков.

Таким образом, триангуляционный подход в лингвистическом исследовании, основанный на выдвижении и обосновании гипотез, а затем их двойной проверке с

помощью специальных лингвистических методов (валентный, дистрибутивный, компонентный, гипотетико-дедуктивный метод и др.) и современных исследовательских методов (корпусный анализ, опора на большие базы данных и др.) позволяет значительно повысить надежность полученных результатов и обеспечивает высокий верификационный потенциал исследования, поскольку подкрепляет результаты лингвистических семантических экспериментов с участием информантов корпусными данными.

Для достижения поставленных в исследовании задач, связанных с выявлением принципов, лежащих в основе метонимического и метафорического представления акта говорения в естественном языке, необходим метаязык семантико-когнитивного исследования, который позволил бы дать точное и исчерпывающее определение терминов, применяемых для анализа семантических особенностей исследуемых глаголов. В диссертации в качестве основных метатерминов используются понятия *контролируемость действия, пресуппозиция / ассерция, «порция» действия, фрейм* и ряд других.

Под *контролируемостью действия* применительно к анализируемым глаголам понимается совокупность следующих факторов: говорящий характеризуется как прикладывающий усилия для реализации акта говорения, делает это сознательно (в некоторых случаях и бессознательно) и способен контролировать действие на отдельных этапах его реализации. Релевантной для метонимичных и метафоричных глаголов является конечная (срединная) фаза осуществления действия, вносящая информацию о побуждении к прекращению (поддержанию) реализации действия, ср.: *Прекрати мямлить!*; *Не бормочи!*, но недопустимое: **Мямли!*; **Бормочи!*. Ср. также *Он продолжил мямлить*; *Он пытался бормотать*, где глаголы *продолжать*, *пытаться* актуализируют срединную фазу действия и вносят информацию о приложении усилий субъектом речи для поддержания процесса говорения. В свою очередь прототипические глаголы говорения *говорить / сказать* характеризуют действия субъекта речи как контролируемые на всех этапах его реализации, ср.: *Скажи, пожалуйста!*; *Не говорите мне об этом*; *Продолжай говорить*; *Перестань говорить!*

Под «*порцией*» действия применительно к глаголам говорения подразумевается такая часть действия, осуществления которой достаточно для

того, чтобы говорящий оценил акт речи как совершившийся и в этом смысле «эффективный» (успешный). Сам размер «порции» действия, осуществляемой говорящим, определяется исключительно его представлением о необходимой степени реализованности действия. Это позволяет предположить, что говорящий создает собственную шкалу оценок, по которой измеряет эффективность и успешность акта говорения. К тому же подобные оценки оказываются субъективными именно потому, что основаны на его индивидуальных представлениях и целевых установках, которые могут варьироваться не только от одного акта говорения к другому, но и в зависимости от самого субъекта речи, ср.: *После долго молчания я никак не мог **наговориться***, где акт говорения представлен как стремящийся к определенному пределу, а субъект речи не может осуществить необходимую для него порцию действия.

Под *фреймом «говорение»* понимается структура обязательных слотов или микрофреймов, отражающих не только каждый из этапов речи, но и ее специфические особенности, обусловленные использованием того или иного метонимичного или метафоричного глагола. Анализ высказываний, содержащих исследуемые глаголы, позволяет выделить некоторые слоты, входящие в состав фрейма «говорение»: *субъект*, прикладывающий усилия для реализации действия (или говорящий), *объект* (слушающий, собеседники), *процесс произношения*, *процесс выражения мысли* (чувств, воли), *речевой контакт*, *характеристика процесса или объекта речи*, включающая дополнительные смыслы, обусловленные метонимическими и метафорическими переносами (акустические, физиологические и др.). Наличие этих и других слотов составляет в совокупности фрейм «говорение», который оказывается семантически «богаче» при выражении метонимичными или метафоричными глаголами говорения, поскольку включает большее количество слотов и, соответственно, вносит большее количество смыслов.

Пресуппозиция как компонент смысла высказывания реализуется в том, что вносит в фоновые знания и в ситуацию в целом прагматическую информацию о реализации акта говорения как такового, без спецификации его особенностей, обусловленных внешней стороной речи, коммуникативными установками коммуникантов и др. Помимо пресуппозиции в состав предложения входит

ассертивный компонент – важная для понимания высказывания информация, относящаяся к внешней стороне речи, а также речевому портрету говорящего, к вербальным и невербальным характеристикам акта говорения и др.

Таким образом, когнитивная интерпретация метонимической репрезентации акта говорения, основана на представлении данного акта как состоящего из двух элементов: пресуппозиционной составляющей, вносящей информацию о реализации акта говорения как такового, которая сопровождается ассертивной частью, акцентирующей различные обстоятельственные характеристики, сопровождающие акт говорения и выступающие репрезентантом всего акта говорения, в силу наличия неслучайной связи между актом говорения и свойственными ему разнообразными сопутствующими характеристиками.

В качестве перспективы дальнейшего исследования видится проецирование разработанной методологии и метаязыка на иные группы предикатов или части речи, что позволило бы не только описать их семантику и выявить общие и отличительные особенности тех или иных концептов в естественном языке, но и подтвердить устоявшиеся взгляды на метонимию и метафору как значимые когнитивные механизмы отражения действительности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агеева Н.Г. Типология и механизмы глагольной метонимии в современном английском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.Г. Агеева. – Киев, 1990. – 199 с.
2. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку [Текст] / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15–26.
3. Анашкина Е.В. Механизмы функциональной категоризации глаголов при метонимическом переносе в англоязычном художественном дискурсе [Текст] / Е.В. Анашкина // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 8. – С. 370–373.
4. Анашкина Е.В. Дискурсивный аспект функционирования стилистического приема метонимии : на материале англоязычной художественной прозы [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.В. Анашкина. – М., 2003. – 23 с.
5. Анашкина Е.В. Стилистически окрашенные метонимические употребления глаголов в дискурсе [Электронный ресурс] / Е.В. Анашкина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук : Журнал научных публикаций. – 2009. – № 6. – С. 127 – 131. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12885981> (дата обращения: 05.04.2020).
6. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика [Текст] : Избранные труды : в 2 т. Т. 1. / Ю.Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995а. – 472 с.
7. Апресян Ю.Д. Синтаксические признаки лексем [Текст] / Ю.Д. Апресян // Russian Linguistics. – 1985. – Vol. 9, № 2–3. – P. 289–317.
8. Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл – Текст» [Текст] / Ю.Д. Апресян. – Wien, 1980. – 119 р.
9. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и языке [Текст] / Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. – М. : Языки русской культуры, 1995b. – 767 с.
10. Апресян Ю.Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря [Текст] / Ю.Д. Апресян // Язык : система и функционирование. – М. : Наука, 1988. – С. 10–22.

11. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 3–42.
12. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник : [пер. с англ., фр., нем., исп., польск.] / Н.Д. Арутюнова ; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
13. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР : Серия литературы и языка. – 1973. – Т. 32, № 1. – С. 84–89.
14. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
15. Архипкина Л.В. Немецкие фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в лингвокогнитивном и культурном аспектах [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л.В. Архипкина. – Тула : Тульский государственный университет, 2007. – 24 с.
16. Архипова Л.В. Изучаем виды глагола : учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык [Текст] / Л.В. Архипова, Т.В. Губанова. – Тамбов : Издательство ТГТУ, 2010. – 76 с.
17. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.
18. Бабушкин А.П. Когнитивная лингвистика и семасиология [Текст] / А.П. Бабушкин, И.А. Стернин. – Воронеж : РИТМ, 2018. – 229 с.
19. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1997. – 330 с.
20. Бадеева Е.Я. Метонимия имени в общественно-политической лексике английского языка : когнитивный и прагматический аспекты [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.Я. Бадеева. – Владивосток, 2004. – 197 с.

21. Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя / А.Н. Баранов // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.
22. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры [Текст] / А.Н. Баранов. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
23. Баранчеева Е.И. Метафоризация русских глаголов обработки как интерпретационный механизм (в сопоставлении с английским языком) [Текст] : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.И. Баранчеева Новосибирск, 2007. – 23 с.
24. Бахтина В.П. Лексико-грамматическая сочетаемость глаголов речи в русском литературном языке II половины XIX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.П. Бахтина. – Воронеж : Городская типография, 1965. – 24 с.
25. Белайчук О.С. Гипотетико-дедуктивный метод для описания семантики глаголов отрицания (пошаговое описание методики, применяемой для решения конкретной исследовательской задачи) [Текст] / О.С. Белайчук // Лингвистика на рубеже эпох : доминанты и маргиналии : сборник статей. Вып 2. / сост. О.А. Сулейманова и Н.Л. Огуречникова. – М. : МГПУ, 2004а. – С. 158–176.
26. Белайчук О.С. Типологически релевантные особенности концепта отказа/отрицания и контрастивный анализ семантики глаголов отказа/отрицания в английском и шведском языках [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.С. Белайчук. – М., 2004б. – 311 с.
27. Бирих А.К. Метонимия в современном русском языке : семантический и грамматический аспекты [Текст] / А.К. Бирих. – München : VerlagOttoSagner, 1995. – 195 с.
28. Богданов В.В. Классификация речевых актов [Текст] / В.В. Богданов // Личностные аспекты языкового общения : сб. науч. тр. – Калинин : КТУ, 1989. – С. 25–37.
29. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций [Текст] / Н.Н. Болдырев. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

30. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии [Текст] / Н.Н. Болдырев. – Изд. 2-е, стер. – Тамбов : Издательство Тамбовского университета, 2001. – 123 с.
31. Болдырев Н.Н. Когнитивный подход к изучению глагола и глагольных категорий [Текст] / Н.Н. Болдырев // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания : материалы круглого стола (апрель 2000). – М. : ИЯ РАН, 2000. – С. 16–35.
32. Болотина М.А. Категория контролируемости в семантической структуре глагола [Текст] / Болотина М.А. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2008. – №. 2. – С. 56–60.
33. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) [Текст] : пособие для студентов / А. В. Бондарко. – М. : Просвещение, 1971. – 239 с.
34. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики : на материале русского языка [Текст] / А.В. Бондарко. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
35. Бондарко А.В. Теория инвариантности Р.О. Якобсона и вопрос об общих значениях грамматических форм [Текст] / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1996. – № 4. – С. 5–18.
36. Будаев Э.В. Метафора в политической коммуникации [Текст] / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 248 с.
37. Булатова Е.М. Фреймовая структура фразеологизмов (на материале русского, чешского, английского языков) [Текст] / Е.М. Булатова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 22. – С. 21–24.
38. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке [Текст] / Т.В. Булыгина // Семантические типы предикатов / отв. ред. О.Н. Селиверстова. – М., 1982. – С. 7–85.
39. Бушуева Л.А. Системный подход к изучению метаимен поступков (на материале английского языка) [Текст] / Л.А. Бушуева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2019. – Вып. 19. – № 3. – С. 288–292. – DOI:10.18500/1817-7115-2019-19-3-288-292.

40. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
41. Васильев Л.М. Семантика русского глагола (глаголы речи, звучания и поведения) [Текст] : учебное пособие. – Уфа : Издательство Башкирского государственного университета, 1981. – 72 с.
42. Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи [Текст] / Л.М. Васильев // Очерки по семантике русского глагола. – Уфа, 1971. – С. 213–266.
43. Ваулина Е.А. Метафоризация глагола в современном русском языке (на материале глаголов активного физического воздействия) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.А. Ваулина. – СПб., 1994. – 23 с.
44. Вежбицка А. Речевые акты [Текст] / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 251–275.
45. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянских культур, 1999. – 780 с.
46. Величко А.В. Структуры предложений с глаголами речи в современном русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Величко. – М. : Издательство МГУ, 1974. – 19 с.
47. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) [Текст] / В.В. Виноградов ; под. ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 2001. – 720 с.
48. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
49. Воронин С.В. Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1982. – 243 с.
50. Глаголы звуков животных : типология метафор [Текст] / сост. Е.В. Рахилина ; отв. ред. Т.И. Резникова [и др.]. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 400 с.

51. Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола [Текст] / М.Я. Гловинская. – М. : Русские словари : Азбуковник, 2001. – 320 с.
52. Гловинская М.Я. О соотношении частных видовых значений с главными значениями видов [Текст] / М.Я. Гловинская // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. – М. : Наука, 1983. – 58 с.
53. Гловинская М.Я. Семантические типы видового противопоставления русского глагола [Текст] / М.Я. Гловинская. – М. : Наука, 1982. – 155 с.
54. Гловинская М.Я. Русские речевые акты и вид глагола [Текст] / М.Я. Гловинская // Логический анализ языка. Модели действий. – М. : Наука, 1992. – Вып. 5. – С. 123–140.
55. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов [Текст] / М.Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М. : Наука, 1993. – С. 158–215.
56. Гонгало Е.Ф. Теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля [Текст] / Е.Ф. Гонгало // Материалы V Международной научной конференции «Культура, наука, образование в современном мире». – Гродно, 2011. – С. 45–49.
57. Гордиенко А.Ю. Концептуализация разнообразия в естественном языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.Ю. Гордиенко. – Москва, 2017. – 197 с.
58. Грамматические аспекты перевода [Текст] : учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов вузов / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева, К.С. Карданова [и др.]. – М. : Академия, 2010. – 240 с.
59. Дворник О.Д. Функциональная категоризация глаголов говорения в современном английском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.Д. Дворник. – Белгород, 2003. – 21 с.
60. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике [Текст] / В.В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 109–121.

61. Демьянков В.З. Логические аспекты семантического исследования предложения [Текст] / В.З. Демьянков // Проблемы лингвистической семантики. – М. : ИНИОН АН СССР, 1981. – С. 115–132.
62. Долинский В.А. Моделирование вербальных ассоциативных полей в квантитативной лингвистике [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / В.А. Долинский. – М., 2011. – 587 с.
63. Евтеева М.Ю. Моделирование семантической структуры глаголов широкой семантики с общим значением делать в естественном языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М.Ю. Евтеева. – М., 2014. – 293 с.
64. Еремин А.Н. Адъективная метонимия в современном русском языке. Теоретические основания и модели реализации [Текст] : учебное пособие / А.Н. Еремин, О.О. Петрова. – М. : Флинта, 2019а. – 100 с.
65. Еремин А.Н. Метонимия в современном русском языке. Теоретические основания и модели реализации [Текст] : учебное пособие / А.Н. Еремин, О.О. Петрова. – М. : Флинта, 2019б. – 240 с.
66. Еремин А.Н. Субстантивная метонимия в современном русском языке. Теоретические основания и модели реализации [Текст] : учебно-методическое пособие / А.Н. Еремин, О.О. Петрова. – М. : Флинта, 2018. – 63 с.
67. Ермолаева И.А. Семантическая классификация глаголов речи в русском языке / И.А. Ермолаева // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2017. – № 3. – С. 362–375.
68. Жданова Е.А. Метонимия как вид лексико-семантического способа деривации в сфере имён существительных в русских говорах Удмуртии [Текст] / Е.А. Жданова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 6. – С. 206–213.
69. Залевская А.А. Введение в психолингвистику [Текст] / А.А. Залевская. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – 382 с.
70. Зализняк А.А. Введение в русскую аспектологию [Текст] / А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
71. Зализняк А.А. Глагол говорить : три этюда к словесному портрету [Текст] / А.А. Зализняк // Язык о языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 381–402.

72. Зализняк А.А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния [Текст] / А.А. Зализняк // *Slawistische Beiträge*. Bd. 298. – München : Otto Sagner, 1992. – 201 с.
73. Зализняк А.А. Русская семантика в типологической перспективе [Текст] / А.А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 641 с.
74. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи [Текст] / В.А. Звегинцев. – М. : Издательство МГУ, 1976. – 308 с.
75. Иванова Е.Ю. Признак «контролируемость действия» и его применение в сопоставительном синтаксисе родственных языков [Текст] / Е.Ю. Иванова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. – 2008. – № 4, ч. 1. – С. 61–67.
76. Иванова А.Е. Семантико-функциональный потенциал слов мало и много в современном русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.Е. Иванова. – Абакан, 2004. – 24 с.
77. Илюхина Н.А. О взаимодействии когнитивных механизмов метафоры и метонимии в процессах порождения и развития образности [Текст] / Н.А. Илюхина // *Вестник Самарского государственного университета*. – 2005. – № 1 (35). – С. 138–154.
78. Илюхина Н.А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа [Текст] / Н.А. Илюхина // *Вестник Самарского государственного университета*. – 2015. – № 7 (129). – С. 36–48.
79. Имамутдинова Ф.Р. Реализация коммуникативной и когнитивной функции языка в речевой деятельности [Текст] / Ф.Р. Имамутдинова // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2010. – Вып. 16, № 1. – С. 78–80.
80. Имамутдинова Ф.Р. Функционально-когнитивный потенциал глаголов речи в русском и английском языках : на материале ядерных компонентов сферы [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ф.Р. Имамутдинова. – Уфа, 1999. – 148 с.
81. Имплицитность в языке и речи [Текст] / отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 200 с.
82. Каменькова Ю.А. Глагольная метафора в процессе языковой объективации мира эмоций и чувств : на материале литературного чешского языка

[Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / Ю.А. Каменькова. – Москва, 2007. – 336 с.

83. Караванов А.А. Виды русского глагола : значение и употребление : практическое пособие для иностранцев, изучающих русский язык [Текст] / А.А. Караванов. – 3-е изд. – М. : Русский язык. Курсы, 2005. – 176 с.

84. Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 389 с.

85. Карпова О.С. Оценочные значения ребрендингового типа в признаковой лексике (по материалам Базы данных семантических переходов в качественных прилагательных и наречиях) [Текст] / О.С. Карпова, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, Д.А. Рыжова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). – Вып. 10 (17). – М. : РГГУ, 2011. – С. 292–304.

86. Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением [Текст] / Л. Карттунен // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 303–332.

87. Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста : теоретико-экспериментальное исследование [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Л.Г. Ким. – Кемерово, 2010. – 405 с.

88. Киселева К.Л. Дискурсивные слова русского языка : опыт контекстно-семантического описания [Текст] / К.Л. Киселева, Д. Пайар. – М. : Метатекст, 1998. – 446 с.

89. Кифер Ф. О пресуппозициях [Текст] / Ф. Кифер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. – М. : Прогресс, 1978. – С. 337–369.

90. Кобозева И.М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода [Электронный ресурс] / И.М. Кобозева // Труды Международного семинара «Диалог'2002» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – М. : РГГУ, 2002. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva/> (дата обращения: 05.05.2020).

91. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности [Текст] / И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 7–21.

92. Кобозева И.М. Место хвалы и хулы в систематике иллокутивных актов [Текст] / И.М. Кобозева // Хвала и хула в языке и коммуникации. – М. : РГГУ, 2015. – С. 11–24.
93. Ковязина Е.Н. Взаимодействие концептуальной метафоры и метонимии в политическом дискурсе (на материале труда П. Бьюкенена «Churchill, Hitler, and the unnecessary War») [Текст] / Е.Н. Ковязина // Филология и человек. – 2018. – № 1. – С. 43–53.
94. Кодухов В.И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке [Текст] / В.И. Кодухов. – Л. : Учпедгиз, 1957. – 86 с.
95. Козлова Е.А. Метонимия как концептуальная основа функциональной категоризации английского глагола [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.А. Козлова. – Тамбов, 2001. – 154 с.
96. Козлова Е.А. Метонимия как концептуальная основа функциональной поликатегоризации английского глагола [Текст] / Е.А. Козлова // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сборник научных трудов / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Издательство ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 128–137.
97. Кононова И.В. Метафорическое варьирование семантики английского глагола [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.В. Кононова. – СПб., 1998. – 21 с.
98. Корнев В.А. Парадигматические и синтагматические свойства метаречевых глаголов : (на материале русского и испанского языков) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В.А. Корнев. – Воронеж, 1993. – 21 с.
99. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций [Текст] / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
100. Кричун Ю.А. Языковая личность политического деятеля : дискурсивные характеристики : на материале речей Уинстона Черчилля [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю.А. Кричун. – Краснодар, 2011. – 172 с.
101. Кронгауз М.А. Глаголы и приставки в русском языке : семантическая грамматика [Текст] / М.А. Кронгауз ; ред. М.А. Кронгауз, Д. Пайар. – М. : Языки славянской культуры, 1998. – 220 с.

102. Кронгауз М.А. Семантика [Текст] : учебник для студентов лингвистических факультетов высших учебных заведений / М.А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2005. – 352 с.
103. Крылова И.А. Семантико-стилистическая характеристика ЛСГ глаголов речи [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И.А. Крылова. – М., 1996. – 162 с.
104. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Кубрякова Е.С. // Язык и наука конца XX века. – М. : Институт языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.
105. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики [Текст] / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка : Модели действия. – М. : Наука, 1992. – С. 84–90.
106. Кубрякова Е.С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянских культур, 2004. – 555 с.
107. Кустова Г.И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля [Текст] / Г.И. Кустова // Логический анализ языка. Модели действия. – М. : Наука, 1992. – С. 145–150.
108. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г.И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
109. Кюсева М.В. Глаголы звучания как материал к теории семантических моделей [Текст] / М.В. Кюсева, Е.В. Рахилина, Д.А. Рыжова // Глаголы звуков животных : типология метафор / сост. Е.В. Рахилина ; отв. ред. Т.И. Резникова [и др.]. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – С. 327–345.
110. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф / пер. с англ. И.Б. Шатуновский. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
111. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем : [пер. с англ.] [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

112. Лекант П.А. Современный русский язык [Текст] : учебник для бакалавров / П.А. Лекант [и др.] ; под ред. П.А. Леканта. – 5-е изд. – М. : Юрайт, 2014. – 493 с.
113. Лось А.Л. Концептуализация светлого в языковой картине мира [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.Л. Лось. – М., 2009. – 262 с.
114. Лукошус О.Г. Проблема выделения инварианта в семантической структуре многозначных прилагательных с общим значением «настоящий» [Текст] : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / О.Г. Лукошус. – М., 2015. – 203 с.
115. Маляр Т.Н. Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Т.Н. Маляр. – М., 2002. – 451 с.
116. Маслов Ю.С. Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида / Ю.С. Маслов // Советское славяноведение. – 1973. – № 4. – С. 73–83.
117. Маслов Ю.С. Избранные труды : аспектология. Общее языкознание [Текст] / Ю.С. Маслов. – М. : Языки славянских культур, 2004. – 839 с.
118. Милькевич Е.С. К вопросу о когнитивности метонимии в современном английском языке [Текст] / Е.С. Милькевич // Практики и интерпретации : журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2016. – № 1. – С. 202–213.
119. Минский М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.
120. Михайлова Л.М. Глагольные способы репрезентации концепта «ГОВОРЕНИЕ» в современном английском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л.М. Михайлова. – Ростов н/Д., 2009. – 144 с.
121. Михайлова Л.М. Концепт «говорение» и средства его репрезентации в современном английском языке [Текст] / Л.М. Михайлова // Научная мысль Кавказа. – 2007. – № 4 (52). – С. 77–82.
122. Мурашова Л.П. Теория дистрибутивной семантики применительно к анализу узкой контекстуальной дистрибуции лексем «Man» и «Woman» [Текст] / Л.П. Мурашова // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2016. – № 1. – С. 68–71.

123. Низеева Д.Р. Фреймовый подход в преподавании немецкой этикетной речи (на примере письменных текстов поздравлений) [Электронный ресурс] / Д.Р. Низеева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 6. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23409> (дата обращения: 01.04.2020).

124. Никулина О.В. Роль метафоры и метонимии в формировании ранненовоанглийской и новоанглийской политической терминологии [Текст] / О.В. Никулина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2 (87). – С. 71–74.

125. Ничман З.В. Глаголы говорения (устной речи) в современном русском литературном языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / З.В. Ничман. – Томск, 1980. – 22 с.

126. Новиков А.Л. Метонимия в русском языке : Семантическая структура. Словообразовательный потенциал. Стилистические функции [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.Л. Новиков. – М., 1996. – 179 с.

127. Новиков А.Л. Таксономия метонимии в русском языке (имена существительные) [Текст] / А.Л. Новиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2002. – № 3. – С. 101–114.

128. Новиков А.Л. Таксономия метонимии в русском языке. Имена прилагательные. Глаголы [Текст] / А.Л. Новиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2003. – № 3. – С. 61–66.

129. Остин Дж. Слово как действие [Текст] / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 22–129.

130. Падучева Е.В. К когнитивной теории метонимии [Электронный ресурс] / Е.В. Падучева // Труды международной конференции «Диалог'2003» (Протвино, 11–16 июня 2003 г.). – М., 2003. – URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2674/paducheva.pdf> (дата обращения: 05.04.2020).

131. Падучева Е.В. Метафоры и ее родственники [Текст] / Е.В. Падучева // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура : сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М. : Языки славянской культуры, 2004b. – С. 187–203.

132. Падучева Е.В. Основные понятия и положения аспектуальной концепции Ю.С. Маслова [Текст] / Е.В. Падучева // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2016. – № 9 (18). – С. 32–39.
133. Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике [Электронный ресурс] / Е.В. Падучева // Семиотика и информатика. – Вып. 8. – М. : ВИНТИ, 1977. – URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/presumption-77.pdf> (дата обращения: 05.04.2020).
134. Падучева Е.В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке ; Семантика нарратива [Текст] / Е.В. Падучева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
135. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е.В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004а. – 609 с.
136. Парфенова Г.А. Семантические представления, релевантные для описания концепта начинать/начинаться [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г.А. Парфенова. – М., 2009. – 269 с.
137. Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками [Текст] / Е.В. Петрухина. – М. : Издательство Московского университета, 2000. – 255 с.
138. Петрухина Е.В. Русский глагол : категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований) [Текст] / Е.В. Петрухина. – М. : МАКС Пресс, 2009. – 208 с.
139. Плотникова А.М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов) [Текст] : учебное пособие / А.М. Плотникова. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2005. – 140 с.
140. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] : учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
141. Почепцов Г.Г. Предложение [Текст] / Г.Г. Почепцов // Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М. : Высшая школа, 1981. – С. 161–281.
142. Прохорова О.Н. Метафорическое представление концепта «память» в современном английском языке [Текст] / О.Н. Прохорова, Ю.Н. Рогачева // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – № 2 (21). – С. 128–130.

143. Рассудова О.П. Употребление видов глагола в современном русском языке / О.П. Рассудова. – М. : Русский язык, 1982. – 150 с.
144. Рахилина Е.В. И хрюкотали zelюки : предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике [Текст] / Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, Б.В. Орехов // Глаголы звуков животных : типология метафор / сост. Е.В. Рахилина ; отв. ред. Т.И. Резникова [и др.]. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – С. 9–36.
145. Рахилина Е.В. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях : метафора, метонимия и ребрендинг [Текст] / Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, О.С. Карпова // Лингвистика конструкций. – М. : Азбуковник, 2010. – С. 396–455.
146. Рахилина Е.В. Экспериментальная и корпусная лингвистика (рецензия на сборник статей к юбилею О.А. Сулеймановой: «Контенсивные аспекты языка : константность и вариативность» / отв. ред. Т.Д. Шабанова. – М. : Флинта, 2016. – 288 с.) [Текст] / Е.В. Рахилина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2017. – Вып. 3 (27). – С. 119–128.
147. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость [Текст] / Е.В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000. – 415 с.
148. Рахилина Е.В. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных : метафора, метонимия и их взаимодействие [Текст] / Е.В. Рахилина, О.С. Карпова, Т.И. Резникова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». – М. : Издательство РГГУ, 2009. – С. 420–426.
149. Резяпова Н.Ф. Метонимия в новой газетно-публицистической и разговорной лексике современного немецкого языка (на материале имен существительных, прилагательных и глагольной лексики) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.Ф. Резяпова. – М., 1994. – 194 с.
150. Рогачева Ю.Н. Репрезентация фрейма «память» в современном английском языке : (на материале глагольной лексики) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю.Н. Рогачева. – Белгород, 2003. – 17 с.
151. Рудакова А.В. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова [Текст] / А.В. Рудакова, И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 1 (27). – С. 194–208.

152. Рунова Н.В. Когнитивные основы образования новых метонимических значений существительных (на материале английского языка) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.В. Рунова – М., 2007. – 24 с.
153. Савельева Е.П. Номинация речевых интенций в русском языке и их семантико-прагматическое истолкование [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.П. Савельева. – М., 1991. – 21 с.
154. Селиверстова О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки [Текст] / О.Н. Селиверстова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 12–26.
155. Селиверстова О.Н. Некоторые типы семантических гипотез и их верификация [Текст] / О.Н. Селиверстова // Гипотеза в современной лингвистике. – М. : Наука, 1980. – С. 262–319.
156. Селиверстова О.Н. Труды по семантике [Текст] / О.Н. Селиверстова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
157. Селиверстова О.Н. Эксперимент в семантике [Текст] / О.Н. Селиверстова, О.А. Сулейманова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1988. – Т. 47, № 5. – С. 431–443.
158. Селиверстова О.Н. Эксперимент в семантике [Текст] / О.Н. Селиверстова О.А. Сулейманова // Контенсивные аспекты языка : константность и вариативность : сборник статей к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. – М. : Флинта : Наука, 2016. – С. 19–43.
159. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка [Текст] / О.Н. Селиверстова // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 86–157.
160. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 170–194.
161. Склярская Г.Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г.Н. Склярская. – СПб. : Наука, 1993. – 152 с.
162. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика : классические теории, новые подходы [Текст] / Т.Г. Скребцова. – М. : ЯСК, 2018. – 392 с.

163. Соколовская Е.М. Функционально-семантическая сфера глаголов речи в русском языке : проблема вербализации суперконцепта «говорить» [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.М. Соколовская. – Уфа, 2002. – 175 с.
164. Соколовская К.А. Виды глагола в русской речи [Текст] / К.А. Соколовская. – М. : Русский язык-Медиа : Дрофа, 2008. – 285 с.
165. Солодилова И.А. Метонимия : границы феномена [Текст] / И.А. Солодилова // Вестник Оренбургского государственного университета, 2017. – № 1. – С. 53–57.
166. Стадульская Н.А. Компонентный анализ значения слова как способ выявления содержания концепта [Текст] / Н.А. Стадульская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 32 (286). – С. 112–117.
167. Степанов Ю.С. Основы языкознания [Текст] / Ю.С. Степанов. – М. : Высшая школа, 1974. – 303 с.
168. Степанова Г.В. Лексико-семантическая группа глаголов речи в современном русском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.00.00 / Г.В. Степанова. – Москва, 1970. – 190 с.
169. Степанова Г.В. Введение в семасиологию русского языка : учебное пособие [Текст] / Г.В. Степанова, А.Н. Шрамм. – Калининград : КГУ, 1980. – 72 с.
170. Стернин И.А. Ассоциативный эксперимент и описание семантики слова в языковом сознании (слово машина в словаре и языковом сознании современного носителя русского языка) [Текст] / И.А. Стернин, Э.В. Шаламова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 69–74.
171. Стернин И.А. Существуют ли универсальные концепты? (к проблеме концептов, отражающих общечеловеческие ценности) / И.А. Стернин // Универсалии русской литературы. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2010. – С. 193–199.
172. Стойкович Л.Ю. Некоторые особенности перевода английского сложноподчиненного предложения на русский язык / Л.Ю. Стойкович // Поволжский педагогический вестник. – 2015. – № 2 (7). – С. 57–61.

173. Стойкович Л.Ю. Субстантивные фразеологические единицы с семой говорения в английском языке / Л.Ю. Стойкович // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики. – 2014. – № 1. – С. 162–168.
174. Стойкович Л.Ю. Фразеологические средства выражения и моделирования процесса говорения в английском языке [Текст] / Л.Ю. Стойкович // Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – № 7 (14), ч. 4. – С. 43–45.
175. Стросон П.Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение [Текст] / П.Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (проблема референции). – М. : Радуга, 1982. – С. 55–86.
176. Сулейманова О.А. К обоснованию экспериментальной методики в семантике [Текст] / О.А. Сулейманова // Грамматические и семантические исследования языков разных систем. – Калинин : Калининский государственный университет, 1986. – С. 142–151.
177. Сулейманова О.А. Метонимия как когнитивная основа перевода [Текст] / О.А. Сулейманова // Проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе : сборник тезисов Российско-китайской научно-методической конференции (Москва, 2017). – М. : МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2017. – С. 10–12.
178. Сулейманова О.А. Метонимия как универсальный переводческий принцип [Текст] / О.А. Сулейманова, Е.Д. Федорова, Н.Н. Беклемешева // Теория и практика перевода. – 2008. – № 2. – С. 38–45.
179. Сулейманова О.А. Проблема разработки метаязыка семантического описания в современной лингвистике [Текст] / О.А. Сулейманова, М.А. Фомина // Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе : памяти О.Н. Селиверстовой : коллективная монография / под общ. ред. О.А. Сулеймановой. – М. : Флинта, 2018а. – 300 с.
180. Сулейманова О.А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.01 / О.А. Сулейманова. – Институт языкознания РАН. – М., 2000. – 332 с.
181. Сулейманова О.А. Верификационный потенциал семантического эксперимента [Текст] / О.А. Сулейманова, М.А. Фомина // Научный вестник

Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2017. – № 2 (34). – С. 15–28.

182. Сулейманова О.А. Гипотетико-дедуктивный метод в современной семантике [Текст] / О.А. Сулейманова // Лингвистика на рубеже эпох : доминанты и маргиналии : сборник статей. – М. : МГПУ, 2004. – С. 6–17.

183. Сулейманова О.А. Основы языковой категоризации мира : пространство, время, причинность и принцип неслучайной связи [Текст] / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева // Вестник ИГЛУ. – 2009. – № 3 (7). – С. 87–92.

184. Сулейманова О.А. Принципы и методы семантических исследований [Текст] / О.А. Сулейманова, М.А. Фомина. – М. : МГПУ, 2010. – 120 с.

185. Сулейманова О.А. Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений [Текст] / О.А. Сулейманова. – М. : Диалог-МГУ, 1999. – 222 с.

186. Сулейманова О.А. Пути верификации лингвистических гипотез : pro et contra [Текст] / О.А. Сулейманова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2013. – № 2 (12). – С. 60–68.

187. Сулейманова О.А. Семантический анализ наречий градации типа довольно, достаточно [Текст] / О.А. Сулейманова, М.А. Нерсесян // Актуальные вопросы современных гуманитарных наук : сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Вып. 5. – Екатеринбург ; Н.Новгород : ИЦРОН, 2018. – С. 43–47.

188. Сулейманова О.А. Триангуляционный подход в экспериментальной лингвистике [Текст] / О.А. Сулейманова, М.А. Фомина // Русистика и компаративистика : научные труды по филологии. Вып. XII / гл. ред. С.А. Васильев. – М. : МГПУ : Книгодел, 2018b. – С. 220–235.

189. Тимберлейк А. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке [Текст] / А. Тимберлейк // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15: Современная зарубежная русистика. – 1985. – М. : Прогресс. – С. 261–285.

190. Толмачева В.А. Метонимия как механизм формирования глаголов с вторичным значением «говорение» [Текст] / В.А. Толмачева // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Вып. XXXIII. – С. 146–151.
191. Трухановская Н.С. К понятию концептуальной метонимии [Текст] / Н.С. Трухановская // Русистика и компаративистика : сборник научных статей : в 2 кн. – М. : МГПУ, 2012. – Вып. 7, кн. 1. – С. 72–80.
192. Трухановская Н.С. Метонимический сдвиг при концептуализации денотативной ситуации : в сфере предикатов физического воздействия [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.С. Трухановская. – М., 2009. – 280 с.
193. Тупицына Е.А. Глаголы речи в лексикографическом аспекте [Текст] / Е.А. Тупицына // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. – 2017. – Т. 16, № 2. – С. 132–139.
194. Тупицына Е.А. Глаголы устной речи русского языка в восприятии его носителей : опыт одного лингвистического эксперимента [Текст] / Е.А. Тупицына // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 68–74.
195. Урысон Е.В. Большой и маленький : шкала размера в русском языке [Текст] / Е.В. Урысон // Логический анализ языка : Квантификативный аспект языка. – М. : Индрик, 2005. – С. 477–494.
196. Ушакова Е.А. Лексические и фразеологические репрезентанты речевой сферы в русской и немецкой языковых картинах мира [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е.А. Ушакова. – Новосибирск, 2008. – 23 с.
197. Федяева Е.В. Концепт НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ МНОЖЕСТВО и средства его языковой репрезентации : на материале английского и французского языков [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Федяева. – Барнаул, 2009. – 20 с.
198. Филатова А.С. Метафора как комбинаторно-семантическая и валентностная проблема : на материале современного английского языка [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.С. Филатова. – СПб., 2004. – 25 с.
199. Филиппов К.А. Лингвистика текста [Текст] : курс лекций / К.А. Филиппов. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. – 336 с.

200. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 52–92.
201. Фомина М.А. Концептуализация «пустого» в языковой картине мира [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М.А. Фомина. – М., 2009. – 217 с.
202. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения [Текст] : учебное пособие / Н.И. Формановская. – М. : Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1998. – 291 с.
203. Фреге Г. Смысл и денотат [Текст] / Г. Фреге // Семиотика и информатика. Вып. 8. – М. : ВИНТИ, 1977. – С. 181–210.
204. Фрумкина Р.М. Психолингвистика : учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] / Р.М. Фрумкина. — М. : Академия, 2003. – 320 с.
205. Хахалова С.А. Концептосфера личностной пристрастности : метафора [Текст] / С.А. Хахалова // Антропологическая лингвистика. Концепты. Категории : коллективная монография. – М. ; Иркутск, 2003. – С. 195–229.
206. Хахалова С.А. Личность и мораль : между метафорой и метонимией [Текст] / С.А. Хахалова // Личность и модусы ее реализации в языке : коллективная монография. – М. ; Иркутск, 2008. – С. 319–359.
207. Холодова Д.Д. Предикаты «бесперспективного протекания» : семантический и прагматический анализ [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Д.Д. Холодова. – М., 2015. – 189 с.
208. Цыганова Е.Б. Метафорическая номинация речевой деятельности : на материале глаголов русского и английского языков [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е.Б. Цыганова. – Казань, 2008. – 19 с.
209. Чалей О.В. Модель экспериментального семантического описания прилагательных *eatable, edible, palatable* [Текст] / О.В. Чалей // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2013. – № 1 (11). – С. 100–104.
210. Чаплин Е.В. Гипотетико-дедуктивный метод для описания метонимии в сфере глаголов говорения / Е.В. Чаплин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019а. – № 12, Т. 11. – С. 381–386. – DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.80

211. Чаплин Е.В. Когнитивная интерпретация акта говорения (на примере эмоционально-волевых глаголов говорения) / Е.В. Чаплин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – № 1. – С. 55–62. – DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-55-62
212. Чаплин Е.В. Метонимия и метафора в сфере предиката (на примере глаголов говорения) / Е.В. Чаплин // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2019b. – № 3. – С. 100–107.
213. Чарыкова О.Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О.Н. Чарыкова. – Воронеж, 2000. – 39 с.
214. Черемисина Е.В. Язык художественной прозы М.Н. Еськова в аспекте филологической регионалистики [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.В. Черемисина. – 2018. – 209 с.
215. Чернышева А.М. Различные подходы к классификации фразеологических единиц в современной лингвистике [Текст] / А.М. Чернышева // Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук : материалы 67-й научной конференции / отв. за вып. С.Д. Ваулин ; Южно-Уральский государственный университет. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – С. 1090–1095.
216. Чернявская Н.А. К вопросу о когнитивных основаниях метонимии (онтолингвистический аспект) [Текст] / Н.А. Чернявская // Вестник СамГУ. – 2014. – №1 (112). – С. 77–83.
217. Чудинов А.П. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре [Текст] / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев // Новый филологический вестник. – 2007. – Вып. 4, № 1. – С. 8–27.
218. Шабанова Т.Д. Семантическая модель английских глаголов зрения : Теоретико-экспериментальное исследование [Текст] / Т.Д. Шабанова. – Уфа : Восточный университет, 1998. – 198 с.
219. Шарманова О.С. Метафора, метонимия, метафтонимия. Способы концептуализации грузино-российского конфликта : на примере немецкоязычных СМИ [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.С. Шарманова. – Иркутск, 2012. – 202 с.

220. Шарманова О.С. Метафтонимия как концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии [Текст] / О.С. Шарманова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 1 (13). – С. 194–200.
221. Шарманова О.С. Особенности взаимодействия и интеграции метафоры и метонимии как способ образования метафтонимии [Текст] / О.С. Шарманова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 11–14.
222. Ширяева А.В. Прототипическая семантика как основание синонимии глаголов [Текст] / А.В. Ширяева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 54. – С. 269–274.
223. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.М. Шишкина. – Воронеж, 2004. – 183 с.
224. Шляхова С.С. Тень смысла в звуке : введение в русскую фоносемантику [Текст] : учебное пособие / С.С. Шляхова. – Пермь : ПГПУ, 2003. – 217 с.
225. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики : на материале русского языка : монография [Текст] / Д.Н. Шмелев. – 3-е изд. – М. : ЛКИ, 2008. – 280 с.
226. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика : учебное пособие для студентов педагогических институтов / Д.Н. Шмелев. – Изд. стер. – М. : URSS, 2019. – 336 с.
227. Шустова С.В. Глагольная валентность как семантико-грамматическая категория [Текст] / С.В. Шустова, Е.А. Смирнова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2015. – № 4 (32). – С. 21–29.
228. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 24–39.
229. Яковлева А.А. Глаголы говорения в нидерландском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.А. Яковлева. – СПб., 2007. – 19 с.

230. Angouri J. Quantitative, qualitative or both? Combining methods in linguistic research [Text] / J. Angouri // *Research Methods in Linguistics* // L. Litosseliti (Ed.). – London : Continuum, 2010. – P. 29–48.

231. Bach K. Speech acts and pragmatics [Electronic resource] / K. Bach // *Blackwell Guide to the Philosophy of Language* / M. Devitt, R. Hanley (Eds.). – 2003. – URL:

https://www.researchgate.net/publication/227981229_Speech_Acts_and_Pragmatics

(дата обращения: 05.04.2020).

232. Barcelona A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics [Text] / A. Barcelona. – *Atlantis XIX*, 1997. – №1. – P. 21–48.

233. Barcelona A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics : An update [Text] / A. Barcelona // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* / ed. by R. Dirven, R. Porings. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2002. – P. 209–276.

234. Barcelona A. Introduction : The Cognitive Theory of Metaphor and Metonymy [Text] / A. Barcelona // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads : a Cognitive Perspective*. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 1–28.

235. Barcelona A. Reviewing the properties and prototype structure of metonymy [Text] / A. Barcelona // *Defining Metonymy in Cognitive Linguistics. Towards a consensus view*. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2011. – P. 7–58.

236. Barcelona A. The role of metonymy in meaning construction at discourse level [Text] / A. Barcelona // *Aspects of Meaning Construction*. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2007. – P. 51–75.

237. Benczes R. Creative Compounding in English : The Semantics of Metaphorical and Metonymical Noun-noun Combinations [Text] / R. Benczes. – Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins, 2006. – 206 p.

238. Benczes R. Defining Metonymy in Cognitive Linguistics : Towards a consensus view [Text] / R. Benczes, A. Barcelona, F.J. Ruiz de Mendoza. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2011. – 292 p.

239. Bierwiczewonek B. Metonymy in Language, Thought and Brain [Text]. – United Kingdom : Equinox Publishing, 2013. – 300 p.
240. Bierwiczewonek B. On formal metonymy [Text] // Perspectives on metonymy / K. Kosecki (ed.). – Frankfurt am Mein : Peter Lang, 2007. – P. 43–67.
241. Conceptual Metonymy : Methodological, theoretical, and descriptive issues [Text] / O. Blanco-Carrión, A. Barcelona, R. Pannain (eds.). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2018. – 325 p.
242. Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies [Text] / W. Croft // Cognitive Linguistics : Basic Readings / ed. by D. Geerarts. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 269–302.
243. Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymy [Text] / W. Croft // Cognitive Linguistics, 4, 1993. – P. 335–370.
244. Dirven R. Metonymy and Metaphor: Different mental strategies and conceptualization [Text] / R. Dirven // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / ed. by R. Dirven, R. Porings. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2002. – P. 75–111.
245. Fauconnier G. Blending as a central process of grammar [Text] / G. Fauconnier, M. Turner // Conceptual Structure, Discourse and Language / A. Goldberg (ed.). – Stanford : CSLI Publications, 1996. – P. 113–130.
246. Fauconnier G. Conceptual Integration Networks [Text] / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22 (2). – P. 133–187.
247. Fauconnier G. Conceptual Projection and Middle Spaces [Electronic resource] / G. Fauconnier, M. Turner. 1994. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/9af6/2290ff9a427e076f27d19632294b670fe43b.pdf> (дата обращения: 05.04.2020).
248. Fauconnier G. Metonymy and Conceptual Integration [Text] / G. Fauconnier, M. Turner // Metonymy in language and thought / K.-U. Panther, G. Radden (eds.). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1999. – P. 77–90.
249. Fauconnier G. The Way We Think : Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities [Text] / G. Fauconnier, M. Turner. – N.Y. : Basic Books, 2002. – 440 p.

250. Forsyth J. A grammar of aspect : usage and meaning in the Russian verb [Text] / J. Forsyth // Studies in the modern Russian language. – Cambridge : Cambridge University Press, 1970. – 386 p.
251. Gibbs R. Speaking and thinking with metonymy [Text] / R. Gibbs // Metonymy in language and thought / K.-U. Panther, G. Radden (eds.). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1999. – P. 61–76.
252. Goossens L. Metaphonymy : The Interaction of Metaphor and Metonymy in Figurative Expressions for Linguistic Action / L. Goossens // By word of mouth : Metaphor, metonymy and linguistic action in a cognitive perspective [Text] / L. Goossens ... [et al.]. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1995. – P. 159–174.
253. Goossens L. Metaphonymy : The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action [Text] / L. Goossens // Cognitive Linguistics. – 1990. – № 1. – P. 323–340.
254. Goossens L. Metonymic Bridges in Modal Shifts [Text] / L. Goossens // Metonymy in language and thought / K.-U. Panther, G. Radden (eds.). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1999. – P. 193–210.
255. Goossens L. Patterns of meaning extension, “parallel chaining”, subjectification, and modal shifts [Text] / L. Goossens // Metaphor and Metonymy at the Crossroads : A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 149–170.
256. Grady J. Foundations of meaning : primary metaphors and primary scenes [Electronic source] / J. Grady. – PhD Dis. – University of California, Berkeley, 1997. – 299 p. – URL: <https://escholarship.org/uc/item/3g9427m2> (дата обращения: 01.04.2020).
257. Kövecses Z. Metaphor: a practical introduction [Text] / Z. Kövecses // exercises written with S. Csábi [et al.]. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 375 p.
258. Kövecses Z. Metonymy. Developing a cognitive linguistic view [Text] / Z. Kövecses, G. Radden // Cognitive Linguistics. – 9 (1). – 1998. – P. 37–77.
259. Kövecses Z. Metaphor in Culture. Universality and Variation [Text] / Z. Kövecses. – Cambridge : Cambridge University Press. – 2005. – 314 p. – DOI: 0.1017/CBO9780511614408.

260. Kuczok M. The interplay of metaphor and metonymy in English noun+noun compounds [Text] / M. Kuczok // *Studies in Lexicogrammar : Theory and applications* / G. Drożdż (ed.). – 2016. – P. 193–210.
261. Lakoff G. Conceptual Metaphor [Text] / G. Lakoff // *Cognitive Linguistics : Basic Readings*. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 185–238.
262. Lakoff G. Framing the Dems. How conservatives control political debate and how progressives can take it back [Text] / G. Lakoff // *The American Prospect*. – 2003. – Vol. 14, № 8. – P. 32–35.
263. Lakoff G. Metaphors and war : The metaphor system used to justify war in the Gulf [Text] / G. Lakoff // *Peace Research*. – 1991. – Vol. 23, № 3. – P. 25–32.
264. Lakoff G. *Metaphors We Live By* [Text] / G. Lakoff, M. Jonson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
265. Lakoff G. *More than cool reason : a field guide to poetic metaphor* [Text] / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago : The University of Chicago Press, 1989. – 230 p.
266. Leech G.N. *Principles of pragmatics* [Text] / G.N. Leech. – London ; N.Y. : Longman, 1983. – 250 p.
267. Lipka L. Metaphor and Metonymy as Productive Processes on the Level of the Lexicon [Text] / L. Lipka // *Proceedings of the XIV-th International Congress of Linguists, Berlin 1987*. – Berlin : Akademie-Verlag, 1990. – P. 1207–1210.
268. *Metaphor and Metonymy at the Crossroads : A Cognitive Perspective* [Text] / ed. by A. Barcelona. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2000/2003. – 356 p.
269. *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* [Text] / ed. by R. Dirven, R. Pörings. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2002. – 605 p.
270. *Metonymy and Metaphor in Grammar* [Text] / K.-U. Panther, L. Thornburg, A. Barcelona (eds.). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2009. – 423 p.
271. *Metonymy and pragmatic inferencing* [Text] / K.-U. Panther, L. Thornburg (eds.). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2003. – 280 p.
272. *Metonymy in language and thought* [Text] / K.-U. Panther, G. Radden (eds.). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1999. – 423 p.
273. Panther K.-U. The Potentiality for Actuality Metonymy in English and Hungarian [Text] / K.-U. Panther, L. Thornburg // *Metonymy in language and thought* /

K.-U. Panther, G. Radden (eds). – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 1999. – P. 333–357.

274. Pauwels P. Putting Metonymy in its Place [Text] / P. Pauwels // *Metonymy in language and thought* / K.-U. Panther, G. Radden (eds). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1999. – P. 255–273

275. Peirsman Y. Metonymy as a Prototypical category [Text] / Y. Peirsman, D. Geeraerts // *Cognitive Linguistics*. – 2006. – Vol. 17, № 3. – 269–316.

276. Radden G. How metonymic are metaphors? [Text] / G. Radden // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. by R. Dirven, R. Porings. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2002. – P. 407–434.

277. Radden G. Towards a theory of metonymy [Text] / G. Radden, Z. Kövecses // *Metonymy in language and thought* / K.-U. Panther, G. Radden (eds). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1999. – P. 17–59.

278. Ruiz de Mendoza F.J. High-Level Cognitive Models : In Search of a Unified Framework for Inferential and Grammatical Behavior [Text] / F.J. Ruiz de Mendoza // *Perspectives on Metonymy*. – Peter Lang, 2007. – P. 11–30.

279. Ruiz de Mendoza F.J. Patterns of conceptual interaction [Text] / F.J. Ruiz de Mendoza, O.I. Díez Velasco // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / R. Dirven, R. Pörings (eds.). – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2002. – P. 489–532.

280. Suleimanova O.A. Using big data experiments in cognitive and linguocultural research in English and Russian [Text] / O.A. Suleimanova, I.M. Petrova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2020. – № 13 (3). – P. 385–393. – DOI: 10.17516/1997-1370-0561.

281. Taylor J. *Cognitive grammar* [Text] / Taylor J. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 621 p.

282. Taylor J. *Linguistic Categorization : Prototypes in Linguistic Theory* [Text] / J. Taylor. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – 288 p.

283. Taylor J. *Linguistic Categorization : Prototypes in Linguistic Theory* [Text] / J. Taylor. – 2nd ed. – N.Y. : Clarendon Press ; Oxford University Press, 1995. – 312 p.

284. Turner M. Conceptual Integration and Formal Expression [Text] / M. Turner, G. Fauconnier // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1995. – Vol. 10, № 3. – P. 183–204.

285. Turner M. Metaphor, Metonymy and Binding [Text] / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2000/2003. – P. 133–145.

286. Warren B. An alternative account of the interpretation of referential metonymy and metaphor [Text] / B. Warren // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / Dirven R., Pörings R. (eds.). – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2002. – P. 113– 133.

287. Warren B. Referential Metonymy [Text] / B. Warren // Scripta Minora, 2003-4. – Sweden : Royal Society of Letters at Lund, 2006. – P. 1–85.

288. Wierzbicka A. English Speech Act Verbs : A Semantic Dictionary [Text] / A. Wierzbicka. – Sydney, Australia : Academic Press, 1987. – 397 p.

289. Wierzbicka A. On the semantics of the verbal aspect in Polish [Text] / A. Wierzbicka // To Honor Roman Jakobson. – The Hague ; Paris, 1967. – P. 2231–2249.

290. Wunderlich D. Towards an Integrated Theory of Grammatical and Pragmatical Meaning [Text] / D. Wunderlich // Language in Focus : Foundations, methods and systems. Essays in Memory of Yehoshua Bar-Hillel / A. Kasher (ed.). – Dordrecht : Reidel, 1976. – P. 251–277.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ИХ СОКРАЩЕНИЙ

291. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Около 8000 терминов. Т. 1 [Текст] / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. – М. : Помовский и партнеры, 1996. – 642 с.

292. БАС; ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. [Текст] / под ред. В.И. Чернышёва. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1948–1965.

293. БТС – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2000. – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 05.04.2020).

294. Лексико-семантические группы русских глаголов : учебный словарь-справочник [Текст] / под общ. ред. Т.В. Матвеевой. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1989. – 153 с.

295. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения: 05.04.2020).

296. МАС – Словарь русского языка [Электронный ресурс] : в 4 т. / РАН, Институт лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., – М. : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/15/ma256205.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 05.04.2020).

297. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов [Текст] / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д. : Феникс, 2010. – 562 с.

298. НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное [Текст] / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева [и др.] ; под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна. – М. ; Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.

299. НСРЯ – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] : в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 05.06.2020).

300. ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов : Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы [Текст] / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс, 1999. – 704 с.

СПИСОК ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ

301. Русский Викисловарь [Электронный ресурс] // Многофункциональный многоязычный словарь и тезаурус. – URL: <https://ru.wiktionary.org/w/index.php> (дата обращения: 05.04.2020).

302. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.04.2020).

303. eLIBRARY – научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU» [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp/> (дата обращения: 05.04.2020).